

Костя Кишинёвский

Трудовое воспитание и другие зарисовки из детства

(посвящается всем друзьям детства и юности)

Всё, что здесь написано - истинная правда, произошедшая с нами в школьные годы. Может быть, иногда только слегка приукрашенная или же слегка недосказанная. Сделал я это намеренно, чтобы ненароком не повредить тонкую душевную организацию у жён и/или детей моих друзей детства. Что можно им рассказать, а чего нет, пусть каждый из вас решает сам. Прошло уже больше сорока лет с тех событий, которые здесь излагаются. В этом году стукнуло пятьдесят лет, как я познакомился с одним из первых моих друзей - Олегом Тишиком. Это хороший пример дружбы на длинную дистанцию. Мы все были или одноклассниками, или соседями по нашему району или дому. Мы дружили, и нам казалось тогда, что нашей дружбе не будет конца. Мы не могли обойтись друг без друга, постоянно были вместе и в школе, и после школы, и на каникулах. Со временем, после окончания школы и особенно уже после армии, то у одного, то у другого появлялась семья, дети, учеба, работа. Каждый пошёл своей дорогой. Мы разъехались по разным городам, разным странам и даже разным континентам. С кем-то я периодически встречаюсь, с кем-то общаюсь виртуально. Кто-то пропал из моего поля зрения, а кто-то ушёл уже навсегда. Прочитайте друзья, вспомните и улыбнитесь.

Содержание

Трудовое воспитание	
1. Знакомство с предприятием	3
2. Трудовые будни	7
3. Крысы	12
4. Первая зарплата (простава)	13
Искушения «Зелёного Змия»	
1. Поход	17
2. Милицейский протокол	20
3. Кубинский ветер	23
Физкульт – Привет! Физкульт – Ура!	26
Не спортом единым...	
1. НОУ «Вииторул»	33
2. Заповедные повести	35
3. Московская олимпиада	47
Лагерные мытарства	
Первый срок	52
Второй срок	54
Третий срок	56
Четвёртый срок	59
Пятый срок	66
Шестой срок	82
Седьмой срок	93
Музыка нас связала	
1. Как это было	105
2. Ты помнишь, как всё начиналось...	119
3. Пол царства за аппарат	122
4. Меломанские соцсети	130
5. Кружатся диски	144
6. А чем мы хуже?	161

Трудовое воспитание

1. Знакомство с предприятием.

Ранним утром, во дворе одной из пятиэтажек, расположенной в молодом строящемся районе Кишинёва, раздался пронзительный свист.

- Веталь! Ну ты идёшь?! – закричал я во всё горло.

Вскоре с балкона пятого этажа высунулась кучерявая голова.

- Пацаны, подождите меня, я тоже хочу идти с вами работать.

- Давай, догоняй. У нас время в обрез. Мы зайдём за Вовуцей, а потом поканаем вниз по Бельского.

Через пару минут подъезд, где жил Виталик, стал периодически сотрясаться. Это он торопясь, скакал через три-четыре ступеньки вниз по лестнице. Выскочив из подъезда он заорал, чтобы его подождали, и пустился за нами вдогонку.

- Пацаны, мне снился настоящий кровавый ужас, - догнав нас, начал рассказывать Виталик. - А когда я проснулся, от того, что вы меня позвали, то чуть не умер от счастья, поняв что был просто сон, - говорил он в возбуждении, немного картавя. - Мне снилось, что кто-то «мойкой» (опасная бритва) режет мои причиндалы и всё вокруг в крови.

- Надо было просто перевернуться на другой бок. Ты, наверно, во сне неудачно зажал между ног свои колокольчики, вот они тебе и отомстили, привнеся в твой сон сцены кровавой резни. Мы дружно заржали и двинули вместе дальше за ещё одним участником нашего трудового коллектива.

Вовочка сидел неподвижно, словно Сфинкс на скамейке возле своего дома, высматривая нас через свои узкие очки. Во дворе его кликали «мышка», видимо за его выдающийся нос. Я с большой долей скептицизма относился к такой кликухе, так как Вовик был высоким и крепко сложенным парнем и очень мало походил на мышонка. Получалось что-то типа «пудель-людоед». С другой стороны, наличие массивного носа должно было как-то отразиться на его кличке, поэтому мы, долго не заморачиваясь, назвали его «Шнацель».

Вообще же, мы были мастерами на присуждение, как сейчас говорят, «никнеймов». Добрый десяток пацанов носили кликухи, придуманные нами. Васька Ярыгин - «Бацилла». Виталика Гурина я называл «Гурам», хотя другие - «Гуроном». Серёга Шендря за то, что однажды во время игры в футбол стал на ворота «Фукин» (помните вратаря из «Большой перемены»). Витю Ожогу – «Таджика» (тут какая-то загадка). Витю Путрешу - «Путя». Алика Купершляка – «Швабра» (видимо, за его тогдашнюю худобу и высокий рост). Мишку Гиньковского - «Мигель», на кубинский манер, где он в детстве провел несколько лет. Ко мне же в детстве клички почему-то не приставали, даже не припоминаю, чтобы какие-то были. И только в последних классах школы, пацаны как-то дурачась, прибежали зачем-то ко мне, крича: «Шеф всё пропало! Всё пропало!» (из «Бриллиантовой руки»). После чего прозвище «шеф» на некоторое время пристало и ко мне.

Собравшись наконец-то вместе, мы пошли на первую свою работу в свой первый рабочий день. Не возьмусь утверждать доподлинно, чья же это была идея - устроить нас на лето

разнорабочими на таро-ремонтную фабрику. Знаю только, что директором этой фабрики был наш сосед по лестничной клетке. Видимо, ему нужны были дополнительные работники, и он предложил моему родителю. Тот сказал мне, а я - пацанам. Мы с радостью согласились. Нам было по тринадцать-четырнадцать лет и естественно хотелось заработать для себя деньги. Родители тоже были совсем не против. Они наверняка понимали, что если мы будем расходовать свою неуёмную подростковую энергию и, главное, свободное время на полезный физический труд, то с меньшей вероятностью сможем угодить в какую-нибудь паршивую историю, поддаваясь какому-то запрещённому в нашем возрасте соблазну.

Кишинёв 80-х. Перекрёсток Проспект Мира и улица Бельского.

До фабрики напрямик было километра четыре, и мы с удовольствием, минут за сорок, доходили туда пёхом. Мы добирались туда за тоже время, за которое доезжали бы на автобусе-троллейбусе. А так как сил и энергии, особенно до работы, у нас было невпроворот, то мы, естественно, предпочитали весело идти на своих двоих, чем трястись в мрачном и переполненном транспорте, делая при этом огромный крюк. К тому же и экономия на билетах.

На фабрике нас встретил директор и провёл ознакомительную экскурсию, попутно сообщая, что можно делать и чего нельзя.

- Помните, ребята. Я отвечаю за вашу жизнь и здоровье. Будете хулиганить - откручу уши, - предупредил нас директор. - Эти две очаровательные дамы: Зина и Мария, - указал он рукой на двух ... женщин, - будут вашими мастерами и наставниками.

Дамы густо покраснели и надулись от удовольствия и ощущения своего величия.

- Будете выполнять только их указания. Фабрика у нас хоть и называется «Таро-ремонтная», но из тары здесь обитают только мешки. Ваша святая обязанность заключается в том, чтобы таскать эти мешки с места на место, иногда грузить и разгружать их на грузовики, которые привозят нам эти чёртовы мешки со всех уголков нашей необъятной Молдавии. Мы их здесь сортируем по категориям, штопаем и отправляем обратно. - Там, - он ткнул пальцем куда-то в сторону, - в них опять нагружают муку, зерно и кукурузу, где они снова рвутся, и поэтому, возвращаются к нам назад. И нарушить этот нескончаемый круговорот мешка в природе может только наступившая полная его ветхость, когда он недостоин находиться даже в четвёртой категории. В таком случае мешок списывается и пропадает где-то на задворках Вселенной, прекращая своё существование навсегда.

Мы с раскрытыми ртами выслушали философский трактат директора фабрики и проследовали за ним в цех-склад. Едва открыв двери склада, мы заметили двух огромных крыс, которые с деловым видом прошмыгнули прямо перед нами, спеша по своим крысиным делам.

- Бляха, что это было!?! - удивился я.

- Это крысы - наши постоянные спутники. Их здесь много, а вы просто не обращайтесь на них внимание. - Вам надо обращать внимание на технику безопасности, - назидательно указал директор. Крутите постоянно головой налево и направо, вверх и вниз, так как здесь постоянно шныряют грузовики.

- А зачем вверх и вниз, - поинтересовался один из нас.

- Ну, машины к нам прибывают с районов. Водители, не привыкшие к движению в условиях города, могут от нервного перенапряжения вытворить что угодно. Надо быть бдительными.

Пирамида из мешков.

Далее он повёл нас вдоль огромных пирамид и штабелей с мешками. Перед каждой пирамидой была фанерная табличка с надписью населённого пункта, где проживают и трудятся мешки: Бессарабка, Комрат, Чадыр-Лунга и т.д. Мешки хранились в мешках. Тридцать мешков сворачивались по десять и запикивались в один раскрытый, который потом зашивался и отправлялся

служить составным блоком огромной пирамиды.

Потом директор провёл нас по швейному цеху. Там трудилось с десятка два довольно молодых тёток. Они сидели друг за другом и строчили мешки на машинках.

Ремонтный цех.

Увидев нас, некоторые начали хихикать и подмигивать нам. Вдруг раздался истошный крик одной барышни, после чего остальные почти все разом заскочили на швейные станки. При этом они задрали подолы своих рабочих халатов.

- Что за странный ритуал? - обалдели мы и зачарованно уставились на голые женские ляжки. Потом выяснилось, что какая-то жирная крыса, пробегая под швейными станками, задела своим хвостом ногу одной из работниц. Та, не поняв всего очарования крысиной ласки, от испуга и омерзения вскочила на своё рабочее место, а остальные, повинувшись стадному инстинкту страха или подражания, последовали примеру своей коллеги.

Далее директор показал нам место, где мы должны будем обедать. Столовой на фабрике, по-видимому, не было. Во всяком случае, я что-то не припомню. Обеденный зал представлял из себя вытянутую в кишку комнату с одним окном, которое находилось возле входной двери. В зале присутствовал довольно стойкий запах хлорки, а его роскошный интерьер весь был отделан бело-серым кафелем, придавая залу некую схожесть с моргом или общественным туалетом. Вверху тускло и с гулом моргала люминесцентная лампа. Помимо двух железных столов и десятка таких же железных стульев, в обеденном зале находился какой-то допотопный холодильник.

- Здесь будете хранить принесённую с собой еду, - сказал директор, явно кривя своим носом.

Открыв дверь холодильника, мы не обнаружили там никаких следов пищи, попутно сделав вывод, что обеденный зал не обладал бешеной популярностью у работников фабрики. Мы решили, что едва ли будем счастливы наслаждаться своими бутербродами в этом изысканном месте.

Последним местом экскурсии мы посетили раздевалку и душевую.

Сеньор Варфоломей.

- Переоденьтесь здесь, а потом идите к своим мастерам. Они вам скажут, что делать. Вещи повесьте в шкафчики. Я сейчас только приведу к вам для знакомства сеньора Варфоломея, который топит здесь титан для горячего душа. - После работы вы сможете здесь смыть с себя пыль и грязь, - сказал директор и направился на поиски заведующего кочегаркой.

Через пару минут директор привёл Варфоломея. Им оказался маленький, лысый, полу-горбатый, старый хрыч, который через слово ругался. Самым безобидным выражением в его не шибко богатом лексиконе было «мать вашу за ногу», которое он употреблял практически через слово.

- Что, бл..ь, новые работники? - мать вашу за ногу. Сколько вас тут? - мать вашу за ногу. Вещи, мать вашу за ногу, не кидать

куда попало. Пропадут, мать вашу за ногу - я не виноват. Ясно? - мать вашу за ногу. В душевой мне бл..ь, не безобразничать! - Здесь надо быстро мыться и уё...ть, мать вашу за ногу, - продолжал хрипеть безбородый Черномор.

Надо сказать, что душ нам был действительно абсолютно необходим. За день мы так потели и пропитывались пылью, что горячий душ нас просто возвращал к жизни. И спасибо Варфоломею, он никогда нас не подводил. Интересно, что со временем одежда от грязи, пыли и пота начинала дубеть, напоминая бельё на морозе. Она теряла свою эластичность и вместо того, чтобы рваться, просто кусками отламывалась. Тогда мы под душем во время помывки топтали её ногами и оставляли в шкафчиках сохнуть до утра. Конечно, она не полностью высыхала за ночь, однако наши молодые и горячие тела быстро её подсушивали, когда мы её надевали утром.

2. Трудовые будни.

Первые дни мы трудились как подорванные. Хотели себя зарекомендовать с лучшей стороны. С утра до вечера таскали мешки с места на место и были всегда на виду у начальства. Потом потихоньку освоились, начали разбираться, где срочное дело, а где такое, которое нам поручали, лишь бы мы что-то делали. Начали на обед уходить пораньше, возвращаться попозже. На самом верху некоторых пирамид рыли себе гнёзда-крепости, где время от времени сладко похрапывали. Пospав, спускались и орала на весь склад: «Мария! Мария! Где ты? Что нам делать?»

- А где вы были? Я вас везде искала, - хлопала глазами удивлённая Мария.

- Так там штабеля переносили, - показывали мы рукой в пространственную неопределённость. - Сама же сказала, чтобы мы там всё закончили.

- Что-то я не помню, чтобы говорила такое.

- Ну, может, не ты. Может, Дзина говорила. Так мы будем разбираться сейчас, кто направил нас туда горбатиться или будем работать?

Иногда у нас были простои по несколько часов. Начальство где-то шаталось, заданий особых не было, и мы занимали себя, как хотели: показывали карате на мешках-манекенах, швыряли ножи в брёвна-стойки, прыгали кто дальше с пирамид или поднимались на ленточном транспортёре вверх и оттуда летели вниз, выделывая всякие сальто-мортале и другие

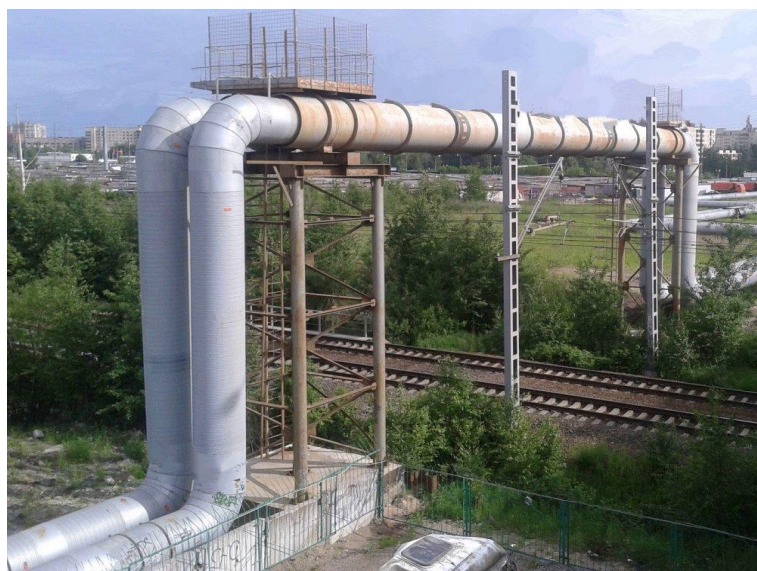

акробатические пируэты.

Особняком стояла развлекуха, называемая «адский пылесос». В одном месте стоял раструб огромной трубы от вытяжной вентиляции. Этот раструб приспособили для вытягивания из мешков остатков муки, зерен и т.д. Короче всякой мелкой пыли и грязи. Моща у этой вытяжки была неимоверная. Предполагалось, что работник должен держать мешок в обеих руках над своей головой, а весь сор будет втягиваться в трубу-

раструб. Чтобы удержать мешок в руках, нужна была достаточно немалая сила, которой на заводе обладали только парочка грузчиков и наш Гурам. Он всё-таки был всех нас постарше и к тому же штангист (или он ещё тогда только собирался им стать). Гурам снимал с себя куртку и, держа над головой мешок, позировал своим «шварценегеровским» торсом, изображая из себя то ли *Геракла*, то ли великого молдавского богатыря *Фэт-Фрумаса*. Мы же в основном просто подставляли под вытяжку свои патлы, превращаясь в каких-то инопланетных клоунов.

Но самым интересным было обеденное время. Как я уже писал выше, бледный и вонючий обеденный зал мы проигнорировали сразу. Поэтому на обед мы располагались на полянке возле железнодорожных путей, куда перелезали через фабричный забор. После того, как мы быстро разделялись с бутербродами и чаем, мы подолгу сидели возле путей и провожали разные поезда: София-Москва, Бухарест-Москва, Кишинёв-Москва. Поначалу просто

наблюдали за проходящими составами, потом приветственно махали руками, а в конце уже показывали пассажирам всякие неприличные жесты, постепенно теряя интерес к этому занятию. Затем у нас появилось новое увлечение: мы клали на рельсы медяки (в основном пятаки), какие-то плоские небольшие железяки и смотрели, во что они превращались после того, как по ним проезжал состав. Иногда от нечего делать тыкали в землю палки, и гравием, которого было предостаточно на насыпи, пытались в них попасть, кто точнее. Но особым шиком было залезть наверх теплотрассы, которая проходила над железнодорожными путями, и пересидеть там какой-

нибудь поезд. В общем-то, это было безопасно, но нервы щекотало, особенно если тепловоз в это время начинал под нами гудеть.

В один момент, правда, всем нашим за-заборным развлечениям пришёл конец. Или кто-то из фабричных сдал, или машинисты пожаловались, но директор предприятия устроил на нас облаву. Он мастерски расставил силки и спрятался в засаде. А когда мы перелезли через забор, возвращаясь на работу после обеденного перерыва, то он ловко пленил всю нашу банду.

- Я говорил вам, что за вас отвечаю?

- Ну, говорил, - мямлили мы в ответ.

- Говорил, что уши откручу?

- Говорил.

- Тогда теперь не обижайтесь. И он по всем законам суровой пролетарской педагогики крутил нам уши до их посинения.

- Слушайте меня сюда, пионэры. Я в жизни бью всегда только два раза. Первый раз по кумполу (по голове то бишь), второй раз - по крышке гроба. Я не дам какому-то локомотиву накрутить ваши кишки на его ось. Прибью вас сам. Уразумели?

- Да дяденька, прости засранцев.

- Марш на работу. Надеюсь на вашу совесть.

Уже и не помню. Зря он понадеялся или нет.

Весь трудовой коллектив на фабрике делился на три группы. В первую входили директор, его заместитель и офисные работники: бухгалтеры, кадровики, секретарши и т. д. Они сидели безвылазно в домике возле проходной. Директор иногда совершал променады по своим владениям, во время которого мы или усердно работали, или прятались в своих гнёздах на вершинах мешочных пирамид. Вторая, самая многочисленная группа, была представлена в основном

молодыми дамами, которые латали и штопали мешки в швейном цехе. Кажется, их всех привозили из какого-то одного села, расположенного вблизи Кишинёва. Каждое утро бортовая машина (ГАЗ 55 или 57) привозила их на работу, а вечером увозила. Вместе с мадмузелями из швейной бригады из того же села привозили ещё трёх молодых мужчин грузчиков - Фанику, Петрику и Костику, которые вместе с нами входили в третью группу, таскателей мешков. Парни они были ушлые и с

нашим приходом стали филонить по полной. То подолгу где-то пропадали, то шатались по предприятию без дела или тискали по углам Дзину. Дзина (почему-то мы так называли Зину) была одним из наших мастеров и в отличии от вежливой и скромной Марии, выглядела по хулигански раскрепощённой и слабо переживающей за выполнение плана социалистического соревнования. У неё был грудной сексуальный голос, небольшие усики над губой и довольно мохнатые ноги. Такая

её избыточная женская волосатость, видимо была следствием гормонального дисбаланса или же неумеренным потреблением женских гормональных контрацептивов.

Среди всех работников фабрики, наш кочегар, дед Варфоломей стоял особняком и часто подозрительно ящался с каким-то патлатым азиатом, то ли таджиком, то ли азербайджанцем, который, в свою очередь, непонятно где, с кем и на кого работал. Больше количество времени азиат тихо сидел в позе увядшего лотоса, уставившись внутрь себя своими большими чёрными стеклянными глазами. Судя по всему, состояние нирваны он достигал благодаря какому-то зелью.

Единственным сумасшедшим трудовым авралом для всех грузчиков был так называемый «вагон». В определённый день мы должны были без устали грузить машины, которые увозили

мешки на станцию, где вторая часть нашей бригады переносила их в вагон. По всей видимости, время под погрузку вагона было строго ограничено, поэтому нас гоняли безбожно, и мы трудились как проклятые. Нас же пытались заинтересовать тем, что обещали в этот день двойную оплату. Была ли эта правда (про оплату), к сожалению, сказать не могу, потому что уже не помню. А вот как мы удивлялись, сколько же

машин с мешками помещается в этот проклятый вагон, помню. Он был как ненасытное чудовище, всё поглощая и поглощая одну машину за другой, и не было конца его обжорству. Результатом такого «вагон-дня» было то, что одна из пирамид на складе исчезала, оголяя при этом большой участок цементного пола, а мы чувствовали себя, словно лишились какой-то части своего жилища.

- Хлопчики, давайте по-быстрому разгрузите эту машину, - обратился как-то к нам седой мужчина, видимо экспедитор из какого-то райцентра.

- Ага, сейчас. Только разбег возьмём. У нас полно работы. Да и подчиняемся мы только приказам нашего непосредственного начальства. Становитесь в очередь. Вон перед вами ещё четыре машины, а у нас всего по две руки, и таскать мы можем только по три пачки (тридцать мешков) за раз. Так что не гони волну, дядя. Жди своей очереди.

- Ребятки, может всё-таки как-то можно без очереди? - не унимался мужик.

Конечно, его можно было понять. Приехал с шофёром из какого-то Комрата или Бричан. Ему охота по городу пошастать, купить чего-нибудь дефицитного для жены, детей, любовницы и своего начальника. А тут часами должен ждать своей очереди. Тогда он решился на подкуп.

- Подкальмить не хотите? Трёшка за машину.

- Что? - наши брови полезли вверх от удивления. Мы даже не предполагали, что здесь можно срубить деньги по чёрному. Мужик же понял это по своему, что для нас это, наверное, маловато, и выдвинул новое предложение.

- Вас четверо?

- Да.

- По рублю каждому, если разгрузите за 20 минут.

- Пятёра, - выдвинул неожиданно контрпредложение Шнацель, первым из нас поняв, что происходит.

- Лады, по рукам, - согласился мужик. - Разгружайте, - а сам направился к шоферу, наверное, чтобы взять с него часть денег на калым для нас.

Мы принялись быстро разгружать машину, так что сам легендарный Стаханов прослезился бы от нашего трудового подъёма.

Вдруг, откуда не возьмись, нарисовался Фаника.

- Кто вам сказал разгружать эту машину?

В ответ мы начали что-то нечленораздельно мычать и просить, чтоб он не мешал нам совершать трудовой подвиг. Фаника был не глуп (во всяком случае в этих делах) и быстро сообразил, что перед ним и его деревенскими сотоварищами возникла вдруг конкурирующая фирма по добыче чёрного нала. Он недовольно ходил кругами, пыхтел и чего-то бубнил по-молдавски, после чего пошёл искать Дзину. По всей вероятности, она была с Фаникой, Петрикой и Костикой в доле и регулярно снабжала их такими калымами. Также этим, наверное, объяснялось и то, почему эта деревенская тройка грузчиков работала, в основном, на погрузке-разгрузке машин. Мы же, в свою очередь, искренни недоумевали, почему они целый день филонят и прячутся где-то, а как только появляются машины, быстро объявляются и начинают изводить себя работой.

Через некоторое время, когда мы уже закончили разгрузку, конкуренты привели Дзину. Мастерица хитро ухмылялась, мол, что это у нас за энтузиазм такой, но по нашим решительным и алчным рожам поняла, что мы просекли тему и без боя «калым» отдавать не собираемся. Во все последующие дни мы были одержимы подработкой по-чёрному. Доходило до того, что сами предлагали водителям за вознаграждение решить проблему с очередью. Бывало, кто-то и соглашался. Тогда наши конкуренты испепеляли нас завистливыми взглядами, наблюдая из своих укрытий за наглыми выходками «пионэров». В конце концов, они махнули на нас рукой, понимая, что мы на фабрике люди временные и через пару троек недель весь левый доход опять перейдет сугубо под их контроль.

3. Крысы.

Сказать, что этих мерзких тварей на фабрике было много, значит, не сказать ничего. Там было настоящее крысиное царство. Мешки, которые привозили с районов, хоть и были вытрусенными,

тем не менее всегда содержали какое-то количество зерна или муки. Так что жрачки для грызунов было полно. Они шныряли повсюду и практически всё время были в поле нашего зрения. Мы постоянно и везде на них натывались. То одна прошмыгнула, то сразу по две, а то иногда и целая стая. Случалось, они дрались между собой, сбившись в клубок. Противная кишачая масса серых тварей. Тощие и жирные, с длинными голыми хвостами и загнутыми

крючками когтями. Жадные блестящие бусинки глаз. Видеть всё это нам, жителям чистых и светлых квартир, поначалу было невыносимо. Я даже не уверен, что когда-нибудь, до работы на этой фабрике, вообще видел крысу в живую.

Время от времени мы устраивали на крыс облавы. Набивая полные карманы камнями, мы залазили наверх пирамиды из уложенных мешков, где притаившись, выжидали момента, когда серые твари появятся на каком-нибудь открытом месте, а потом, по команде «Огонь», устраивали артиллерийский обстрел. Или же кто-нибудь поднимал мешок или поддон, под которым прятались крысы, а остальные залпом швыряли в них камни. Особенно противно было поднимать последний (если считать сверху тот, который лежал на полу) ряд мешков. Именно под ним крысы устраивали свои гнёзда, где выводили крысят. Голые, слепые и беспомощные, они с писком расползались во все стороны. Наткнувшись на такое гнездо, мы чаще всего звали на помощь Фанику. Он лопатой подбирал крысят и выносил их во двор, где топил в вечно стоявшей там луже.

Я не припоминаю, чтобы на фабрике применялись, какие-то специальные противокрысиные меры - яд там, например или какие-нибудь специальные ловушки - давилки. Люди привыкли сосуществовать с ними вместе. В конце концов, до какой-то степени привыкли и мы. Удивительней всего было то, что никто из нас ничего от крыс не подцепил. Учитывая, что эти твари переносят чрезвычайно опасные болезни, такие как геморрагическая

лихорадка, туляремия, лептоспироз, сальмонеллез, бешенство и другие заразы, будем считать, что в этом нам повезло.

4. Первая зарплата (простава).

И вот наступил день нашей первой зарплаты. В лёгком возбуждении мы стояли в очереди в фабричную бухгалтерию. Кассирша отсчитала нам наши кровные первые деньги, заработанные своим трудом. Уже даже не помню, какая там была сумма, но сам факт обладания своими деньгами делал нас весёлыми и жизнерадостными.

- Ну что, пионэры, будете проставляться или как? - спросил нас Фаника.

- А что это значит? - не понимая, о чём речь, спросили мы.

- Каждый работяга должен отблагодарить своих коллег по работе, после того, как он получит свою первую получку.

- Это значит, что мы должны дать вам какие-то свои деньги?

- Да нет же, нет, - встрял в разговор Петрика. Вы должны купить вино, и мы все вместе выпьем за вашу первую зарплату.

Мы переглянулись. Не скажу за всех, но спиртное я тогда наверняка ещё не пробывал. Не так, чтобы вообще никогда. Может быть, пару глотков на Новый год или на день рождения. А тут такая ситуация, что вроде как надо.

- Ну раз так положено, тогда ладно. А кто пойдёт покупать? Нам ведь не дадут.

- Идите, не бойтесь. Если что, скажите, что с первой зарплаты, тогда точно дадут.

Надо сказать, что до того дня у меня лично уже был опыт покупки спиртного. Хотя алкоголь детям до 18 лет продавать было официально запрещено, и почти в каждом магазине была вывеска, говорящая об этом. Тем не менее, продавцы, как правило, смотрели на это дело сквозь пальцы. Ещё в раннем детстве я бегал в магазин за бутылкой пива для мамы. Нет, не в том смысле, что ей надо было похмелиться, а сил идти в магазин не было. У нас в доме вообще не пили. А просто для того, чтобы она накрутила себе бигуди на волосы. Была в период развитого социализма такая фишка. Все женщины знали, что пиво служит хорошим фиксатором, и кудри становятся упругими, надолго сохраняя форму. Так вот, ни разу мне никто из

продавцов не отказал в продаже.

Тут мне вспоминается ещё один эпизод, связанный с покупкой вина в детстве. Мне было лет двенадцать. Мама забрала младшего брата и уехала с ним в какой-то санаторий в Крым. Сестра, как всегда, пропадала в своём музыкальном училище, а я был дома один. Вдруг приехал отец и привёз свою маму, то бишь мою бабушку. Он решил расширить гараж, который был километров в трёх-четырёх от дома, и позвал своих четверых двоюродных братьев армян помочь

ему в этом. Бабушка принялась дома готовить еду, которую я потом должен был отвезти в гараж, чтобы накормить всю гоп-компанию. Когда бабушка всё приготовила, я пристроил сумку с едой на багажник своего велика и повез провизию в гараж. Также бабуля положила в сумку пару бутылок с вином для братьев. Когда я приехал в гараж, то отец объявил перерыв на обед. Братья расселись, взяли тарелки с едой и стаканы с вином. Чокнулись, выпили, поели, опять чокнулись, опять выпили, доели и опять протянули свои стаканы. Папа посмотрел на них удручённо и сказал, что вина больше нет. Он был человек не пьющий и не очень себе представлял, что две бутылки легкого сухого вина на четверых неумеренно пьющих мужиков - это просто слёзы. Братья начали возмущаться по-чёрному. В ход пошли такие словечки, что если их реплики здесь передать, но запикивать при этом мат будет практически один сплошной пи-и-и-ик. Я слушал их словесные излияния, открыв рот и развесив уши, пытаюсь запомнить хоть что-то. Ясно было, что с таким новым лексиконом потом будет блеснуть хулиганской эрудицией перед своими пацанами. Отцу стало весьма неудобно, и за то, что он не рассчитал дозу для братьев и за то, что я слушаю здесь весь этот поток жуткого сквернословия. Он отозвал меня в сторону, дал мне трёшку и попросил съездить на велике в магазин чтобы купить ещё две бутылки вина.

- Пап, ну мне же не продадут.

- Если не продадут, то скажи бабушке, чтобы она пошла купила. А ты привезёшь его сюда.

На моё удивление, в магазине на кассе мне никто ничего не сказал. Я приобрёл две бутылки «Алиготе» и двинул обратно в гараж. Отец опять объявил перерыв и в очередной раз попал в просак.

- Да он издевается над нами! - закричал дядя Ваня. - Это всё, что у тебя есть?

- Нет, - обманул их папа, - идите работать, а через полчаса получите ещё.

- Ну, смотри, Георгий, - предупредили братья и полезли на крышу гаража крутить гайки.

Папа, сильно смущаясь, опять попросил меня съездить за вином. Снова дал мне трёшку, и я снова привёз две бутылки. Короче говоря, весь этот цикл: гараж-магазин-гараж повторялся несметное количество раз. Каждый раз у отца лезли глаза на лоб: как можно столько выпить и каждый раз братья не понимали, почему мой отец их так жёстко дозирует. Но суть всего этого рассказа в том, что продавец ни разу даже не поинтересовалась, кому я покупаю столько вина в свои двенадцать лет.

Но вернёмся к нашей истории. Итак, во время перерыва мы побежали в ближайший гастроном и без каких-либо проблем купили пару бутылок «Аль де Масэ». С радостью на сердце, в ожидании предстоящего пролетарского обычая «проставы» мы зашли на территорию фабрики и опять были схвачены директором. Судя по всему, он сработал по наводке или, что также вполне возможно, так как он был в курсе святого обычая, связанного с первой зарплатой, то сообразил, что что-то должно состояться.

- Ну, куда ходили? - поинтересовался он как будто без интереса.

- Да так, в магазин бегали за едой.

- А звенит в сумке что? Кефиру, небось, набрали. Ну ка, покажите.

Мы стали жеманиться: «да мол, ничего там такого, да мы пойдём...»

- Давайте, пацаны, показывайте. Я не отстану.

И мы вынуждены были открыть сумку, где предательски лежали две фугаски с вином.

- Всё, праздник трудового посвящения отменяется, - сказал он и довольно вежливо отобрал у нас бутылки. Конечно, он понимал, что «*простава*» это святое, но не для несовершеннолетних же пацанов. Поэтому он не сильно гневался, так, побрюзжал немного и послал нас на выполнение очередного трудового задания. Какая оказалась дальнейшая судьба конфискованной директором контрабанды, нам была неизвестна.

Тем не менее, мы всё же отметили этот день. По окончании работы мы решили поднять бокалы с пивом, которое продавалось в синем ларьке буквально в 100 метрах от места работы и по пути домой. Мы подошли к ларьку и стали в довольно длинную очередь, которая состояла из весьма пёстрой публики. В основном там были представители пролетариата: фабричные и заводские рабочие, строители, одетые в специальные робы и в пластмассовые жёлтые каски на голове, какие-то забулдыги, внешний вид которых выдавал в них явную склонность к алкоголизму. Вместе с тем там наблюдались и немногочисленные вкрапления лохматых молодых людей, видимо, студентов-практикантов, а также работников умственного труда. Последние были одеты в засаленные костюмы, галстуки и обязательно со шляпами на головах. А в руках они держали однообразные бежевые портфели. Изредка там можно было встретить и особ женского пола, а также и тех, у которых пол уже не определялся, в виду их полного морального и физического деградирования.

Продавщица, дородная мадам в белом чепце и с большой брошью на вороте кофточки, не глядя наполняла кружки, рассчитывалась с покупателями и ругалась с просящими в долг алкашами. А в ответ на редкие комплементы мужиков, она задорно и долго хихикала, при этом кокетливо гляделась в зеркальце, которое было прикручено к окошку белой проволокой. Время от времени она подкрашивала помадой свои тонкие губки и затягивалась сигаретой.

Интересно было наблюдать за разительными изменениями в поведении людей: между

теми, кто стоял ещё в очереди, и теми, кто уже поглощал пенный напиток. Лица людей, стоящих в очереди, были хмурыми или даже угрюмыми. В большинстве своём они сосредоточенно молчали, лишь изредка перебрасываясь ничего незначимыми фразами, наверное, чтобы снять напряжение от ожидания. У тех же, кто уже заполучил долгожданную кружку и сделал хоть пару глотков, лица приобретали оттенки полного радушия и

умиротворения. Они шутили, улыбались и гоготали над своими же шутками.

В виду длинной очереди и чтобы не прерывать процесс удовольствия, люди покупали по две-три кружки сразу. А некоторые, чтобы не заморачиваться вообще, брали пиво в трёхлитровые банки. Так как количество стоячих столиков было ограничено, народ устраивался вокруг ларька, кто как мог. Кто-то на бесхозных деревянных ящиках расстилал газетку, импровизируя стол, кто-то на вблизи проходящих трубах теплотрассы, а кто-то присаживался просто на землю, выискивая хоть какие-то камни или бугорки. Закусывали очень не многие, в основном бутербродами, несъеденными в обеденный перерыв, которые положили мужьям в кулёчек их заботливые жёны. Только у считанных единиц была сушёная таранька. Ели её медленно, сгрызая мясо с костей подчистую. Особым шиком считалось вынуть плавательный пузырь, обжечь его зажигалкой или спичкой и сожрать, запивая пивом. На таких счастливых обладателей соленой рыбки смотрели с огромной завистью, а некоторые иногда не выдерживали искушения и кланчили хоть какие-нибудь объедки: «Мужики, ну хоть «перышко» (плавник с кусочком мяса) оставьте. Смотреть больно на ваше наслаждение».

Понемногу очередь двигалась, и вот мы уже у заветного окошка.

- Ну, молодёжь, сколько вам кружек? - спросила нас продавщица. С одной стороны, мы не хотели отставать от взрослых мужиков, берущих сразу минимум по две кружки, но с другой - ни у кого из нас, пожалуй, кроме Гурама, не было никакого вообще опыта поглощения пива, да и, наверное, любой другой жидкости в таких объёмах.

- Дайте нам пока по бокалу, - решили мы для безопасности, - и, обхватив обеими руками, чтобы не пролить заветную кружку, примостились на каких-то ящиках.

Отхлебнув первые несколько глотков пива, я был несколько разочарован. Я представлял себе, что оно, наверное, должно быть по вкусу, как квас из жёлтой бочки, а оно оказалось несколько горьковатым. Сделав ещё пару глотков, я понял, что выпить целую кружку будет несколько проблематично. Такую же растерянность в глазах я заметил и у других пацанов, кроме Гурама. Он, в свою очередь нас приободрил: «Не бойсь. Глаза бояться, рот пьёт», - или что-то типа того.

- Не надо спешить, пейте по глоточку, как-бы про между прочим, во время разговора, - поучал нас старший товарищ.

Не знаю, как остальные, но я не мог отогнать от себя мысль, что эту кружку мне не добыть. Я буду посрамлён в глазах друзей и поэтому был полностью поглощён этими навязчивыми мыслями. Худо-бедно мы справились с возложенной задачей и, утерев рот от пены, счастливые двинули домой.

Получив окончательный расчёт, я призадумался, на что потратить заработанные своим горбом «миллионы», которых насчитали мне порядком около 90 рублей. После совещания со своей сестрой, которая была у меня в «авторитете» мы решили меня приодеть. За такие деньги голубую мечту (джинсы) было не купить, поэтому мы направились в ЦУМ, где проболтались между вешалками с костюмами битый час. Сестра придирчиво осматривала ворохи отстойных произведений, разработанных талантливыми дизайнерами кишинёвской фабрики «Одема» и, в конце концов, выбрала для меня тёмно-коричневый костюм с входившими тогда в моду

накладными карманами. К нему была подобрана пара рубашек, бежевой и светло-кремовой цветовой гаммы. На оставшиеся деньги я приобрёл туфли на каблучке в какой-то полуподвальной и полуполюгальной фирме-конторе, располагавшейся на центральном базаре города.

Искушения «Зелёного Змия»

Знакомство с зеленым змием у большинства из нас произошло примерно в одно время. И, к счастью, прошло оно мягко, я бы даже сказал, нежно, не перерастая с ним в крепкую дружбу. Никто из нас не спился и не деградировал на этой почве. В нашем пацанском детстве выпивка скорее считалась каким-то особым ритуалом, ощущением сопричастности себя к уже взрослому мужскому братству. Мы выпивали не для того, чтобы затуманить свой мозг, а скорее для того, чтобы испытывать какие-то схожие эмоции, прикасаясь к чему-то взрослому и пока ещё для нас запрещённому.

1. Поход

Пожалуй, первый настоящий опыт коллективной пьянки произошёл у нас в самом начале восьмого класса, т.е. нам было лет по четырнадцать. Класс у нас был пёстрый, необузданный и бесшабашный. Саму нашу школу открыли только год назад и укомплектовали по принципу «на тебе, Боже, чего нам негоже». Новая школа была русско-молдавская. Первая половина учеников состояла в основном из местных аборигенов, выловленных где-то в полях и огородах на окраине города, тогда как вторая состояла из тех, кто по месту жительства оказался ближе к новой школе и кого учителя старых школ не удерживали за руки и ноги, ввиду нашего не совсем там прилежного поведения или выдающихся успехов в учёбе. Откровенно говоря, под стать нам были и наши учителя. Их тоже откуда-то пособирали, и, во всяком случае, первые годы они менялись так часто, как дамы в 19 веке меняли перчатки.

Первым нашим классным руководителем в этой школе был довольно грузный мужик раннего пожилого возраста, у которого напрочь отсутствовали какие-либо педагогические навыки. Было видно, что преподавание - это не его стезя, и, вероятно, только благодаря какому-то злому повороту судьбы, а отнюдь не по призванию, он исполнял обязанности учителя математики. Сейчас это кажется удивительным, но каждую перемену он курил прямо в школьном вестибюле, возле двери в класс. Бывало, он и посреди урока выходил посмолить сигаркой. Как-то вразумить нас, что на уроке надо заниматься математикой, он не мог, да и, скорее всего, не хотел. У нас с ним было негласное соглашение: мы не мешаем ему на уроках читать свои книжки, он не обращает внимание на наше сумасшествие в классе.

Надо же было завучу школы так составить расписание, что в какой-то день недели последним уроком должна была быть то ли политинформация, то ли ещё какая-то подобная ерунда, на которую нас загнать было нереально. Почему-то наш классный мужик к этому мероприятию относился с несвойственным ему педантизмом и ответственностью. Может этого с

него люто требовали высшие школьные начальники, или ещё по какой-то причине, но в назначенный час «Х» он преграждал своим телом путь к выходу из школы и всех загонял в класс. Одного он не учитывал, это того, что класс находился на первом этаже школы, хотя и из-за высокого цоколя довольно высоко. Так вот, когда мы пытались просочиться из вестибюля к выходу из школы, он нас отлавливал и перенаправлял в класс. Мы все поголовно, включая большинство девчонок, покорно склонив головы, заходили внутрь и напрямик сигналят с окна школы на улицу. Представляю себе, каково было его удивление и разочарование, когда он заходил

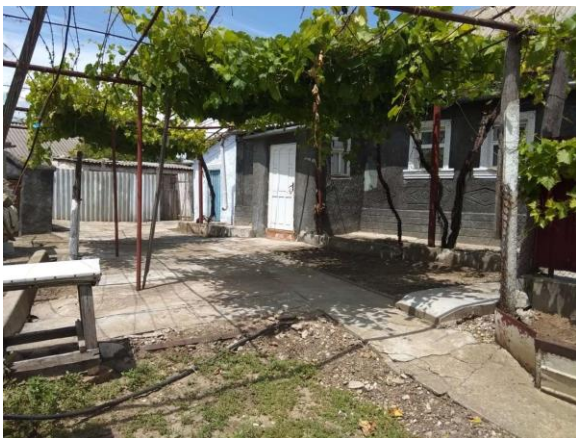
Витя Ожога, я, и Олег Тишик.

в класс, а там практически никого не было.

Инна Фёдоровна приехала откуда-то из далёкой Средней Азии. Её назначили учителем физики и астрономии и нашим вторым классным руководителем в замен того, первого, который, судя по всему, не выдержав жесткой конкуренции среди педагогов, всё же покинул школу. На какое-то время ей дали в помощники молодого патлатого парня-практиканта, студента пединститута. Наверное, посоветовавшись с ним, она решила, что лучший способ с нами познакомиться и подружиться - это всем классом пойти в турпоход с ночёвкой. Бедняжка, она даже не подозревала, какой «сундук Пандоры» решила открыть. Мы, конечно же, яростно поддержали её идею с походом и стремглав бросились искать палатки, спальники и собирать вещи. Но главный вопрос, конечно же, был: что делать с выпивкой, а точнее, где её взять? Мысль, чтобы каждый добыл вино самостоятельно, была утопична, так как опыта в этом деле ни у кого никакого не было. Решили, что будем добывать бухло на месте. На крайняк подумали, что привлечём к этому делу патлатого практиканта.

И вот в долгожданную субботу, после уроков мы, не в меру возбуждённые, отправились всем нашим кагалом на другой конец города, в Дурлештский лес. Сейчас удивляюсь, зачем надо было переться туда, когда под боком, буквально в паре километров от школы, был прекрасный лесопарк на болоте, «а ля Баскервилей».

Прибыв на место, мы быстро выбрали поляну для лагеря, учтиво расставили палатку для нашей классной, вырыли яму для мусора и развели костёр. Пока наши мадемуазели и большая часть ребят развлекала учительницу, ведя с ней всякие душевные беседы вокруг костра, небольшая группа выбранных делегатов выдвинулась на поиски «точки». «Точкой» в Кишинёве называли то место, где можно было купить вино на розлив. Чаще всего «точкой» служил подвал во дворе частного дома. Вино там продавали по рублю за литр, а делали его из так называемого «Бакона» мелкого, полудикого и очень неприхотливого винограда, которым были окутаны все крыши и дворы частных домов. Иногда даже многоэтажки до третьего-четвёртого этажа были покрыты таким виноградником. Было это вино довольно тяжёлым, тягучим и очень тёмным. Если случалось пролить такое вино на одежду, оно навсегда её окрашивало, так как вывести такое пятно было нереально. За такое свойство его называли ещё чернилами. Говорили также, что коварные продавцы-царане (крестьяне по-молдавски), в него добавляют какую-то дурь - то ли птичий помет, то ли карбид для крепкости. Обладало такое пойло невероятно убойной силой и валило с ног уже с третьего стакана. Понятное дело, что за его высочайшее психотропное качество

Типичная "точка".

и вкупе с дешёвизной поклонниками такого алкогольного напитка были преимущественно всякие алкаши и бомжы.

«Точку» нашли быстро, в одном из первых дворов. Заполнив пятилитровую канистру вином, фуражиры вернулись к лагерю и начали вызывать по два-три человека в густые кусты для остограммливания. Неокрепшие юные тела мальчишек и девчонок, как сухая губка, быстро впитали в себя влагу добытого чудодейственного напитка и тотчас же пустились в невероятный разнос. Всем захотелось движухи, подвигов и приключений. Пацаны принялись изображать из себя настоящих мачо, индейцев, ковбойцев и прочих кабальеро. Девки в основном визжали, носились среди деревьев и скакали через костёр. Кто-то залез в спальный мешок и стал прыгать в нём по лесу, периодически падая плашмя на своё личико, а кто-то залез на дерево и стал выкрикивать оттуда всякие непристойности. Такая разительная перемена в нашем поведении, конечно же, не осталась незамеченной для опытного глаза нашего педагога.

- Дети, что случилось? Что с вами такое? Почему вы все вдруг сошли с ума? - недоумевала поражённая видимым кошмаром наша классная руководительница.

Она гонялась за нами по лесу, пытаясь хоть кого-то поймать. Однако из-за того, что она никак не могла сосредоточиться на ком-то конкретно, мы постоянно ускользали у неё из рук.

- Да что ж это такое делается? - обращалась она к практиканту. Но тот только разводил руками. Хотя хитрый молдавский студент, конечно же, понимал, что надо выждать пару часиков, когда под действием «*Бакона*» детишки перейдут от стадии эйфории к стадии умиротворения и, утомлённые, свалятся с ног. Инна Фёдоровна уже наверняка сообразила, что детки хлебнули чего-то горячительного, но всё равно, словно курица-квочка, гонялась за нами, как за сбрендившими цыплятами. Мы же, в свою очередь, продолжали расползаться от неё во все стороны, но скорее уже как рыжие наглые тараканы на кухне, когда ночью вдруг зажигается свет. В конце концов, когда уже стемнело, она прекратила свои попытки словить кого-нибудь из нас и в изнеможении заползла к себе в палатку. Оттуда ещё какое-то время доносились её охи-вздохи: «Что это за пьяная Молдавия? Разве это нормальные дети? Это какие-то сволочи, а не дети».

Ну а кто ей сказал, что будет легко с нами подружиться? Мы и сами не знали.

Минут пятнадцать-двадцать она ещё попричитала, после чего мы уже явно расслышали храп, исходящий от её истерзанного погонями тела, и протяжные стоны, издаваемые измученной душой пожилого педагога.

Потом те, кто был в состоянии, собрали по лесу тела павших товарищей и сложили их штабелями возле костра, на так и не расставленные палатки, укрыв при этом их бранные тела спальными мешками. Палатки же успели расставить только две. Первую для нашей классной руководительницы и вторую для трёх-четырёх девчонок недотрог, которые, зная нас как отъявленных головорезов, повинувшись какому-то злему року, зачем-то пошли таки с нами в этот турпоход.

Помню, что среди тех, кто остался на ногах и в уме после вышеописанного сумасшедшего вечера, точно был я, Алик, студент-практикант и какая-то девица - одноклассница с молдавской фамилией и явным опытом поглощения вина. Мы по тихому расположились вокруг костра, покидали в золу картошку, нанизали на палочки сало и хлеб, чтобы их поджарить, и под песни «*Машины Времени*», исполняемые Аликом, под гитару, преспокойно и душевно добились остатки сногсшибательного «*Бакона*».

На утро, таки не подружившаяся с нами Инна Фёдоровна, всё время капризничала и смотрела на нас волком. Однако, пересчитав по головам и убедившись, что всё живы и целы, немного успокоилась, затаив, однако, свою злобу уже для наших родителей, коих немедленно собрала на родительское собрание сразу же по возвращению с похода.

Вот так произошло наше знакомство со Змием.

2. Милицейский протокол.

Ещё один «винный» эпизод, о котором можно рассказать, произошёл с нами в 9 или даже, скорее, в 10 классе. Вдруг ни с того, ни с сего мы решили выпить. Поводов точно никаких не было, во всяком случае, почему решили, я совершенно не помню. Собрались небольшой компанией, моему, в составе нашей джаз-банды (смотри рассказ об этом ниже): я, Алик, Вовчик и Серёга. Купили аж одну бутылку полу-десертного вина «*Флоаре*» и буханку ещё тёплого серого хлеба за

16 копеек. Затарившись этой нехитрой провизией, мы пошли в долинку (парк «Долина роз») по дороге обсуждая разные насущные вопросы.

В парке мы нашли удобную скамейку и расположились на ней. Конечно, мы были в курсе, что в общественном месте, коим являлся парк, распивать спиртные напитки нельзя, тем более несовершеннолетним, поэтому предприняли определенные меры предосторожности. Во-первых, уже смеркалось. Во-вторых, местность вокруг не плохо просматривалась. И в-третьих, открыв бутылку, мы сделали каждый по паре глотков из горлышка, после чего кто-то сразу спрятал её под куртку.

Вдруг, откуда не возьмись, перед нами возникли два постовых милиционера, которые наверняка сидели в засаде где-то поблизости.

- Так, так. Что здесь делаете? - обратился к нам сержант. - Пьёте, небось?

- Да ни в жизнь! Сидим себе, отдыхаем, обсуждаем сегодняшнюю контрольную работу по тригонометрии и последнюю часть рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль».

- Чаво, чаво? Шо за старуха Израиль? Пьяные что-ль?

- Да ни в одном глазу, товарищ милиционер.

- А чего этот жрёт? - ткнул он Вовчика в грудь своим корявым пальцем.

- Да вот, хлебушек ем, - сказал Вовчик, показывая, что у него за пазухой действительно только хлеб.

- Что-то подозрительно. Сидите тут в темноте, про Израиль разговаривайте и хлеб жрёте. А ну-ка живо покажите, что у вас под куртками! - приказал дотошный правоохранитель.

Мы обреченно покорились ментовскому произволу, и они, к своей радости нашли таки у нас едва початую бутылку вина.

- О! Что и требовалось доказать. Всё ребятки, приплыли. Будем вас крутить.

- Может, отпустите? Мы же не пьяные и ничего не сделали. Вон, по глоточку только приложились, - мямлили мы, пытаясь разжалобить держиморд. - И бутылка нам эта не нужна, - сделали мы ход конём, который заставил блюстителя порядка немного призадуматься.

Однако подлая милицейская душонка решила и подвиг совершить, сдав нас в отделение и бутылку прикарманить. Он включил рацию и вызвал ментовской луноход. Когда тот приехал, нас запихнули в небольшой, огороженный сзади «бобика» отсек, который предназначался для транспортировки пойманных преступников, и отвезли в отделение Центрального района города.

Там нас препроводили в какую-то комнату, где уже чалился довольно оригинальный субъект. На вид ему было лет пятьдесят. Одет он был в какой-то коричневый пиджак с нашитыми на локтях лиловыми накладками. На шее у него был повязан шерстяной цветастый шарф, а на

голове примостилось серое клетчатое кепи. Его незаурядность выдавали две детали: очки на носу и газета. У очков отсутствовала левая линза, в то время как правая была матового цвета, сквозь которую едва ли можно было что-то видеть. Газетка тоже была не простая - «*L'Humanité*» (печатный орган Французской коммунистической партии) на французском языке. Мы с интересом рассматривали примечательного персонажа, не понимая, какое преступление мог совершить этот интеллигентного вида человек.

Через минут десять в комнату вошёл какой-то офицер, видимо дежурный. Он осмотрел нашу компанию, поцокал языком и угрожающе произнёс: «Так, так, так...». Но когда увидел камрада с газетой, то развел руками в радостном приветствии:

- Ба, какие люди! Соплежуев, собственной персоной. Ты опять к нам заглянул, пару дней назад же навещал.

- Не по своей воле я здесь, - буркнул Соплежуев. - Ваши нукеры проявляют излишнее внимание к моей скромной персоне. Не было им нужды меня сюда тащить и вас от розыскных мероприятий отвлекать.

- Сержант, - гаркнул офицер, и в проёме дверей появился знакомый нам мильтон. - Что на этот раз? – он указал рукой на Соплежуева.

- Так в подворотне, на Льва Толстого, распивал спиртные напитки.

- С кем? - С этими? - офицер обвёл нас рукой.

- Никак нет. Эти сами по себе. Распивали в парке «Долина роз», - заложил нас подносок сержант.

- Понятно. Ну с этими будет разговор короткий. Закроем к чертям на 15 суток. Будут знать как безобразия нарушать.

Мы переглянулись между собой, но его угрозам не поверили. Вообще же мы вели себя довольно смирно и почему-то абсолютно не волновались.

- Вот не пойму я тебя Соплежуев, - офицер опять обратился к задержанному мужику, - был уважаемым членом общества, доцентом кафедры. Семья у тебя была, жена, дети. А во что превратился... В вырезвители тебя уже за своего держат. Прошлый раз в беспамятстве на улице подобрали, обоссанный весь был. Какой-то суррогат постоянно пьёшь. Печень уже наверняка посадил. Что на этот раз пил?

- Да обычное «*Флоаре*» пил. Даже допить не успел.

Мы как услышали про «*Флоаре*» так аж передёрнулись. Враз себе представили, какой ужас нас ждёт впереди, если не прекратим пить эту марку вина. Соплежуев опустил голову и с досадой произнёс:

- Зачем вы при детях то? Не надо им знать такие подробности про мои непристойности.

- Нет, надо! Пускай слышат и видят, что с ними будет, - назидательно заявил милицейский педагог.

- А вы то, что пили? – обратился он к нам.

- «*Флоаре*», - с гримасой ужаса на лицах мы тихо промямлили в ответ.

- Что? Тоже «*Флоаре*»? Вот! Вот оно! Вы видите? Вы уже в шаге от пропасти. Вы видите своё будущее? – милиционер указал на горемыку Соплежуева пальцем.

- Мы что, тоже станем доцентами? – пытался кто-то из нас пошутить.

Офицер посмотрел на нас, помахал укоризненно головой и позвал Соплежуева за собой в коридор. Там он его для проформы ещё пристыдил и, погрозив, что отпускает в последний раз, вернулся к нам.

- Ну что с вами делать будем? Сейчас родителей вызову и в школу письмо напишу. Хотите?

- Ни в коем случае! Всё, что угодно только не это! - картинно запричитали мы хором.

- Ладно, паршивцы. Возьмите в кладовке швабру, ведро, тряпки и вымойте вокруг везде пол. Потом, чтоб вашего духа здесь не было. А ещё раз попадётся, так легко не отделаетесь.

Больше мы не попадались.

3. Кубинский ветер.

Однажды, когда мы учились в седьмом классе, где-то в середине учебного года, к нам пришёл новенький ученик. Как сейчас помню, его форма одежды была несколько необычна, существенно выделяя его среди остальных ребят. Одет он был в коричневую жилетку, а на шее у него висел самый настоящий (не пионерский) галстук. Ещё на носу у него сидели очки в толстой роговой оправе, а на груди висел фотоаппарат «Смена 8М». В таком стрёмном прикиде он явно мог стать кандидатом для подростковых насмешек. Хотя, в отличии от девчонок, которые практически поголовно носили школьную форму, некоторые ребята придерживались больше свободного стиля. Джинсы в то время в школе ещё не носили, как в виду их большого дефицита, так и баснословной цены. А если они и были у кого-нибудь, то таскали их уже как нарядную одежду. Поэтому свободный стиль состоял обычно из брюк, рубашки и джемпера или водолазки. Но так, чтобы в жилетке и с галстуком - никто и никогда.

По поводу школьной формы мне вспоминается один прикольный момент. Серёга Шендря, однажды обманным путём нарисовал Алику Купершляку шариковой ручкой на шевроне его школьного френча эскиз голыи женщины. И надо же так случиться, что учительнице именно в это время угораздило вызвать к доске именно Алика. Он, смущаясь и прикрывая правой рукой разрисованную похабщиной эмблему на левом плече, пытался как-то исхитриться, начертить что-то на доске не привычной для него левой рукой. Картинка была более чем комичная. Мы угорали от веселья от того, как он конфузился у доски, при этом, к полному непониманию нашей учительницей причины столь истеричного смеха.

Но вернёмся к нашему повествованию. Так вот, кто знает, как бы сложились тогда наши отношения с новеньким, если бы он через очень короткое время, после своего появления у нас в классе, не пропал бы бесследно. Никто тогда не обратил бы особого внимания на его исчезновение. Думали, например, что он, может быть, перевёлся в какую-нибудь другую школу.

И вот уже когда мы учились в десятом классе, вдруг откуда-то всплывает знакомое нам лицо, потерянного три года назад новенького.

- Привет. Меня зовут Миша, - представился он. Буду учиться с вами.

- Ну, здравствуй, Миша, - без излишнего дружелюбия поздоровались мы.

В этот раз одет он был уже на другой манер. Вместо жилетки и галстука на нём была цветастая рубашка размеров на пять больше, чем надо, светлые брюки и какие-то шлёпанцы. В добавок ко всему, из кармана рубашки торчала сигара. На следующий день Миша опять пропал.

- Ну, может, приколом такой у человека - не задерживаться подолгу на одном месте, - подумали мы.

Оказалось, что не в этом дело. Миша попал в больницу с отравлением. А дня через три, когда он появился опять, мы выяснили, что отравился он ничем иным, как пивом. Эта новость несколько скорректировала наше к нему отношение. В завязавшемся разговоре мы выяснили, что всё это время он пропадал на Острове Свободы, то есть на Кубе, где по контракту работал его отец. И что у него дом полон всякой экзотики, и чтобы мы могли поближе познакомиться, он предлагает устроить у него дома пивной день.

- Во даёт! - Только из больницы вышел после отравления пивом, а уже на пивной день зовёт, - обалдели мы от его предложения.

- Ну а как же я к местному пиву привыкну, если его не пить, - довольно логично парировал он.

- Ну, в общем, правильно, - согласились мы и дружно закивали в ответ. Тогда, в знак нашего величайшего доверия к нему, Миша сразу же был переименован на кубинский манер в Мигеля.

Собравшись у него дома, мы действительно увидели много всякой экзотики. Тут тебе и всевозможные кораллы, и чучела разных колючих и шарообразных рыб, акульки челюсти и морские звёзды. Также у него была целая стопка всяких журналов с потрясными картинками райских кубинских пейзажей, несколько пачек открыток, на которых красовались умопомрачительные американские лимузины и фотки с красивыми и почти голыми девками, которые были покрыты длинными цветными перьями и вытанцовывали «Канкан» в многочисленных кабаре Острова Свободы. Изюминкой на торте был японский двухкассетник «Hitachi» с эквалайзером. Короче, не квартира, а музей.

После экскурсии по дому мы засобирались в ларёк за пивом. Мигель нашёл трёх-литровый бутыль и уже при выходе из квартиры, прямо в дверях мы столкнулись с его старшим братом.

- Куда это вы с этим жбаном собрались? - спросил он с высоты своего роста, с которого он мог смотреть прямо в глаза жирафу.

- За пивом.

- За пивом? Это я удачно пришёл. Я в доле. Только тару надо другую поискать.

- Там на балконе я видел ещё одну банку на три литра, - сказал брательнику Мигель.

- Неа... не пойдёт. Вы же будете пить пиво с геодезистом-разведчиком, а это уже совсем другие объёмы.

- Каким ещё разведчиком? - не сразу врубился мы.

- Про тайны своей работы я потом расскажу, а сейчас посуду надо найти, - и он методично начал шнырять по всем кладовкам и тумбочкам. Было видно, что не найдя ничего подходящего,

он стал слегка раздражаться. Стучал дверцами шкафов, цокал языком и что-то бубнил себе под нос. Потом он отправился на балкон и радостно закричал:

- Так вот же есть тара! - и он заташил на кухню молочный бидон-флягу на сорок литров.

- Что с этим в ларёк идти? - обомлев, спросили мы. - Нас мужики замордуют в очереди, его целый день наполнять надо и отстаивать ещё, чтобы пена не вылезла. - Да и куда нам столько на пятерых.

- Так вы налейте литров двадцать только. Всё равно другой тары нет.

- Только?! Это же по четыре литра на брата, - быстро посчитали десятиклассники. Куда столько? Ну ладно, допустим, нам по два, это так, чтоб из ушей уже выливалось. Но куда тебе, даже если ты герой-разведчик, двенадцать?

Тут в наши расчёты встрял Мигель. - Мне два мало, надо минимум три.

- Мигель, ты чего сбрендил? Ты же только из больницы вышел. Угомонись и побереги себя. Мы уже стали привыкать к тебе.

- Ну, во-первых, вы ещё не знаете техники, как правильно пить много пива, - начал урок пивного ликбеза Мигеля брат. Во-вторых, в ларьке пиво живое, не то, что в бутылках. Оно там не такое плотное, так как является продуктом двойного разбавления: сначала на заводе, во время закачки в автоцистерну, потом непосредственно у бабы Зины в ларьке при перекачке из автоцистерны в цистерну ларька. И, наконец, в-третьих, с двадцатью литрами для себя я, наверное, перегнул. Так и быть берите пятнадцать.

- Вот вам чирик, - он протянул нам купюру в десять рублей, - купите пиво, буханку серого, мину «Иваси» и мне пачку «Космоса». А я пока лучка настругаю и картоху отварю.

Подхватив молочный бидон на 40 литров, мы взяли курс на ларёк, который находился у автобусной остановки. Поначалу народ не придавал значения, когда увидел нас с бидоном.

Однако, по мере того, как пришёл наш черёд покупать, и мы раскрыли крышку бездонной фляги с явными намерениями наполнить её пивом, как и ожидалось, поднялся жуткий галдёж. Сначала очередь вяло загудела и недовольно зароптала, но потом постепенно подхватила инициативу какого-то истеричного алкоголика, приступила к активному протесту.

- Куда вам столько? Нам, что здесь час стоять из-за вас? Пускай сначала нам нальют, - гудела негодованием толпа.

Интересно, что среди галдевших мужиков мы заметили военрука нашей школы. Но после нашего с ним контакта глазами он замолчал. Наверное, ему стало неудобно орать на нас. Свои же вроде. Или ещё почему-то...

- Мужики, у нас товарищ приехал с Кубы. Должны же мы достойно его встретить, - стали оправдываться мы. Нам только пол бидона надо, поэтому ждать, чтоб пена осела не будем. Да и наливать будем трёх-литровыми банками. Одна пока будет набираться, другую в это время будем сливать в бидон. Всего делов-то на пять минут.

- Что, прямо из Кубы приехал? Вот дела... Коли так, давайте, наливайте себе, - соблаговолила дать нам добро угрюмая очередь.

У Мигеля, в один из "пивных дней".

Как потом оказалось, пить разбавленное пиво неспеша, под селёдочку «Иваси» с варёной картошкой, слушая кубинские истории и премудрости работы геодезиста-разведчика, действительно можно до бесконечности много. Молодой организм быстро перерабатывал явно разбавленный благородный напиток. Мы практически не хмелели, а единственным последствием такого столь массивного излияния была нескончаемая, как в Мавзолей, очередь в туалет.

Физкульт – Привет! Физкульт – Ура!

В детстве мы значительную часть своего свободного от школы времени посвящали занятиям спортом. Мы целым двором или классом бежали записываться в какую-нибудь спортивную секцию. Потом, через какое-то время, большинство из нас, не найдя себя в этом виде спорта, уже кидались записываться в другие секции. Но кто-то оставался и продолжал заниматься, достигая значительных успехов.

Хотя мы и пробовали себя в разных видах спорта, в футбол гоняли все поголовно. Любая площадка или свободный кусок земли уже были достаточными для того, чтобы поставить там два кирпича, как штанги от ворот, и начинать футбольную баталию. Если не хватало народу для игры, то просто говорили: «давай хотя бы попасаемся» или «по очереди по воротам».

Особые слова надо замолвить про футбол в школе. Так, на физкультуру мы ходили исключительно, чтобы погонять мяч. Сначала наш учитель пытался на нас как-то воздействовать с помощью угроз: «Поставлю всем двойки, останетесь на второй год», которые, впрочем, были абсолютно неэффективны. Мы понимали, что дирекция ему это сделать не позволит, и нагло продолжали гонять мяч. Потом он поменял тактику с угроз на просьбу войти в его положение:

- С меня же требуют выполнения программы, - приводил свои доводы физрук.

Тогда мы пошли с ним на мировую. «Мы» пару - тройку раз в год на уроке сдаём всякие необходимые нормы ГТО и зачёты. А если ему чего-то ещё от нас надо, то пусть использует время на перемене (до урока). «Он» предоставляет нам мяч и не мешает нам играть в футбол, сколько мы хотим.

Соглашение заработало. И всё бы ничего, но, к сожалению (или к счастью), для учителей по другим предметам, урок физкультуры был не последним. Если по его окончании какая-то команда проигрывала, то она требовала немедленной сатисфакции. Проигравшие кричали: «что заеёа... забоялись?» - а выигравшие отвечали: «кто мы, заеёа...забоялись?» и битва

Поросло травой поле наших школьных футбольных баталий.

возобновлялась вновь. Играли обязательно до победы какой-то из команд, и ни о какой «ничье» речи и быть не могло. Если проигравшим удавалось сравнять и потом переломить счёт в свою пользу, то такую же волюнку уже зачинали бывшие победители. Рубились насмерть. Иногда учитель следующего за физкультурой урока высылал какую-нибудь девчонку, чтобы передать нам через неё свой учительский ультиматум с угрозами и обещаниями страшных кар. Но этот обряд совершался скорее для проформы, так как вырвать нас с поля в момент баталии было нереально. Учитель по истории, например, просто сам приходил на поле и узнавал, какой счёт, а потом, в зависимости от него, понимал, есть ли у него шансы увидеть нас на своём уроке или это бесперспективно. Игра заканчивалась вовремя, только в случае явного преимущества какой-либо из команд. Но это было редко, потому что мы делились перед игрой «по-честному» чтоб самим было интересно.

На поле всегда была проблема решить, кто будет стоять в воротах. У нас было своё понимание футбола. В игре все хотели быть только нападающими, поэтому частенько прибегали к использованию такого гибридного понятия, как «вратарь-мотала». Это тот, кто играет как полевой игрок, но возле своих ворот может играть и руками. Вратарями назначали тех, кто хуже всех играл или был просто менее авторитетным пацаном. Зачастую их упрашивали, клялись, что не будут

ругать за пропуски и вообще типа: «просто постой, может прямо в тебя попадут, хоть какой-то толк от тебя будет». Но когда такой неудачник-поневоле пропускал, на него, не смотря ни на какие ранее заверения, всё равно обрушивался гнев всей команды.

Моей первой спортивной секцией, куда я записался с пацанами со двора, была секция плавания. Я, Олег Тишик и Вадик Образцов (может кто ещё, не помню) поехали на Центральный вокзал, где за мостом над ж-д путями находился единственный в то время настоящий водно-спортивный комплекс. Там был и большой плавательный бассейн, и бассейн для водного пола, и специальный бассейн, куда прыгали в воду с вышки. На главном плавательном бассейне было где-то около восьми дорожек. Самая левая была практически персональная для самых крутых чемпионов, на которой в одно время тренировался только один пловец. По мере приближения к правому краю на дорожках уже тренировались менее маститые мастера и плавали по два-три-четыре и т.д. человека. На самую же крайнюю запускали толпой весь молодняк. Я только накануне летом научился немного плавать, когда меня в пионер-лагере пинком под зад на День Нептуна сбросил в бассейн какой-то гад. Поэтому я, барахтаясь «по-собачьи» проплыл всего метров пять и потом долго висел с высунутым языком на канате, разделяющем дорожки. Надо сказать, что месяца через два я научился кое-как плавать в стиле видоизменённый «*a ля кроль*» Но, к тому времени, уже потерял, в общем-то, изначальный задор и интерес к этому виду спорта. Мои товарищи плавали получше, мне за ними было не угнаться, и единственным, что меня ещё там привлекало - это маленький и неглубокий (по пояс) бассейн с тёплой водой, который находился при входе в большой. Но высиживать там долго было нельзя. Тренер свистел в свою дудку, чтобы мы шли плавать в холодный большой бассейн. В конце концов, потаскавшись ещё какое-то время туда, я стал пропускать тренировки и вскоре окончательно забросил это дело. Интересно, что по прошествии около сорока пяти лет, когда я поселился в доме, при котором есть свой бассейн, я пристрастился к долгому непрерывному (по целому часу) плаванию, явно отдавая предпочтение такому виду спортивного времяпровождения, чем всяким велотренажёрам и железкам.

В отличии от меня, Вадик Образцов продолжил заниматься плаванием. Впоследствии он выступал за сборную Молдавии и по моему даже стал каким-то чемпионом, а потом, окончив пединститут, тренером.

Вторым спортом в моём детстве и, наверное, самым значимым в плане достижений была для меня лёгкая атлетика. Особенно, что касалось спринта.

Однажды ко мне обратилась моя одноклассница:

- Я видела на физкультуре, что ты быстро бегаешь, и рассказала об этом своему тренеру по лёгкой атлетике. Он попросил меня пригласить тебя на стадион, где посмотрит и решит, стоит ли тебе заниматься бегом.

- А мне это надо? Что я там буду делать? Носиться целыми днями я и во дворе могу.

- Но там же настоящий стадион. Там «Нистру» в футбол играет.

- На Центральном, что ли?

- Ну да.

- И что, можно будет за просто так на футбол смотреть?

- Конечно, оставайся себе после тренировки и иди потом на трибуны, когда матч начнётся.

- Ну ладно. Тогда приду.

В назначенный день и час я пришёл на стадион. По-видимому была непогода, так как тренировка была не на беговых дорожках стадиона, а в крытом манеже. Тренер посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на мои раздолбанные кеды, спросил:

- Нет ли у тебя какой-то другой спортивной обуви?

- Нет, а какая ещё бывает? - не понял я, о чем он говорит.

- А в чем ты пришёл.

- В туфлях.

- Покажи.

Я пошёл в раздевалку взял свои туфли на сплошной мягкой подошве и показал ему.

- А ну ка надень их, - сказал тренер, указывая рукой на туфли.

Что я покорно и сделал. Он наклонился, пощупал мои пальцы ног в туфлях и сказал:

- Это получше. Будешь бежать в них. Давай становись сюда на старт. Я пойду в конец дорожки и как махну рукой, беги что есть мочи.

С бешено колотящимся сердцем я подошёл на старт и стал наблюдать за его рукой. Он махнул, и я рванул, что было сил, но через пару метров упал и растянулся на дорожке. Тренер подбежал, убедился, что ничего страшного, сказал, что не надо так волноваться и послал опять на старт. Во второй раз всё прошло гладко. Я добежал до финиша и остановился.

- Не надо на финише тормозить, наоборот, беги изо всех сил.

- Так я же врежусь в стенку!

- Ну и что. Видишь, там висят маты, специально, чтобы в них врезаться. Понял?

Видимо, я не очень доверчиво посмотрел на него, потому что он предложил мне разогнаться и врезаться в эти маты на стене. Я попробовал и убедился, что это действительно не больно.

- И ещё, - сказал тренер, - ты когда бежишь, то руками не по сторонам маши, а взад-вперёд. Он показал как надо.

- Понял? Давай, иди на старт.

Я подошёл к старту, сосредоточился и по его отмашке побежал так, как он хотел, не притормаживая на финише и правильно работая руками.

- Не понял? - сказал тренер, посмотрев на секундомер. - А ну ка давай-ка ещё раз.

Я повторил забег. Он в удивлении приподнял брови и спросил, какой у меня размер ноги. Я ответил.

- Ладно, подожди меня, я сейчас. Спустя какое-то время он принёс какие-то тапочки с шипами.

- Вот, надень. Это шиповки. Видел когда-нибудь?

- Нет, - признался я.

- Сначала может показаться неудобным, но потом привыкнешь. Надень и давай на старт.

Я обулся в шиповки и походил немного вокруг. Если бы они не застревали немного в резине, которой был выстлан весь манеж, то я бы подумал, что я босой.

Потом тренер принёс какие-то штуки и воткнул их на старте. Подозвал меня и сказал, что это колодки для низкого старта.

- Правильно стартовать с них не так то и просто. Я потом тебе всё покажу и расскажу. Сейчас же я хочу просто кое-что проверить. Он подвёл меня к старту и спросил, какая нога у меня толчковая?

- А что это значит? - не понял я.

Тогда он заставил меня попрыгать и сделать ещё какие-то упражнения, которые позволили ему установить мою толчковую ногу. Затем установил колодки по моему росту и сказал, чтобы я пару раз рванул с них на несколько метров для пробы. Что я и сделал.

- Ну, теперь в полную силу. Давай беги, и работай руками, как я тебе говорил. И не тормози на финише, а наоборот.

Когда я рванул со старта, мне показалось, что у меня включился какой-то моторчик. Я не бежал, а летел. Легко, с огромным наслаждением, не веря самому себе, что я могу так быстро нестись. Когда я пересёк финишную черту, тренер вскочил и показал мне секундомер.

- Молодец! Ты сейчас показал лучший результат среди ребят твоей группы. Я беру тебя в секцию. Только шиповки тебе придется отдать. Я попросил их у своего коллеги, а тебе сегодня же закажу на складе.

Я сиял от счастья и значимости. С того дня я стал три раза в неделю тренироваться у Василь Васильича Малюгина (Вась-Вась, как мы его называли). Через недельку он мне притащил новые светло-голубые шиповки, которые великолепно мне подошли. Этот момент был сродни обряду посвящения в определённую элитарную перспективную группу учеников, которая, наверное, была у каждого тренера. За короткое время он показал мне всякие премудрости бега, протестировал на разные дистанции и в разных дисциплинах. В конце концов, мы определились, что мне подходит в беговых: короткий 100, 200 и 400 метров спринт и в технических: прыжок в длину. Уже на первых своих соревнованиях я взял первое место в сотке и в прыжке в длину, а через некоторое время завоевал первое место в Молдавии на 100 метров среди байстрюков своего возраста.

Но почивать на лаврах успеха мне пришлось не очень долго. Как-то в нашу секцию пришли два новых пацана: Женька Шмелёв и Валера Козлюк, которые стали теснить меня с пьедестала. Ну, Валера довольствовался всегда в лучшем случае третьим местом, а вот Жека раз за разом перехватывал мои лавры победителя. То я побеждал, то он. Со временем он всё больше, а я все меньше. А уж когда мы собрались на свою первую тренировку после школьных летних каникул, и я увидел, как эти лоси вытянулись вверх за минувшее лето, то смекнул, что удержать корону будет нелегко. Я

ещё пытался как-то противостоять Женькиному произволу в спринте. Брыкался, сколько мог. Однако даже при всей той мощи и

Евгений Шмелёв в погоне за новым рекордом.

скорости, которую я развивал на старте, благодаря своим перекаченным ляжкам, под конец дистанции он меня уделывал. И я понял, что его худые и длинные ноги по любому будут перескакивать мои толстые и короткие. Перспективы стать высоким у меня не было никакой: папа, мама, дед и баба - все были невысокого роста. Тогда я решил, что «всё» и распрощался с легкой атлетикой. Василь Васильевич не понимал моего решения. Приходил по этому поводу в школу и даже к нам домой. Но моё решение было твёрдым: первым мне уже не быть, а вторым мне и даром не надо. Так закончилась моя легкоатлетическая карьера. Женьку же было уже не остановить. Рекорд за рекордом, чемпионство за чемпионством. В 1980 он уже был четвёртым на юношеском первенстве СССР, а ещё немного позже стал дважды чемпионом СССР среди юношей. Вот кто меня потеснил с пьедестала. Даже приятно.

Следующий вид спорта в моём детстве стала классическая борьба. Затащил меня на эту секцию мой дружок Васька Ярыгин (Бацилла). Мне, в общем-то, сразу понравились тренировки по борьбе. Пацан я был вертлявый и юркий, так что вскоре у меня стало вроде даже не плохо получаться. Занятия у нас проходили три раза в неделю, из которых два дня посвящались собственно борьбе: изучению всяких приёмов, тактики и спаррингам, а один день ОФП (общефизической подготовке), в который нас нещадно гоняли по полной программе. Сначала был кросс на 3-5 километров, потом мы забегали в зал, делились на малые группы и по кругу выполняли разные упражнения: без помощи ног залазили на верхушку каната, подцепленного к потолку зала, поднимали гири и гантели, прыгали на скакалке, отжимались, качали шею и т.д. Дисциплина поддерживалась изувёрскими наказаниями. За опоздание на тренировку - десять ударов кедом по заднице, за обман или уклонение от упражнений - пять ударов. Было нас в секции человек двадцать-тридцать, примерно одного возраста. На тренировках нас разделяли на пары согласно весу и опыту. Так что твой спарринг партнёр, был более-менее постоянным. И вот где-то через полгода тренер поставил меня бороться с более опытным соперником, признавая тем самым мои успехи. А ещё через месяца три я уже боролся с тем, кто выступал за наш клуб «Трудовые Резервы» на соревнованиях. Всё было прекрасно, и ничто не предвещало ничего плохого. Но однажды во время спарринга мой соперник довольно удачно для него и крайне неудачно для меня выполнил бросок прогибом через себя. Я кувыркнулся в воздухе, и падая, подставил под себя руку, которая поломалась. Как потом оказалось, моё неудачное падение привело к закрытому перелому кисти в нескольких местах. Я сначала не придавал этому значения и даже продолжил тренировку. Однако к вечеру боль не прошла, а наоборот, только усилилась. А уже к утру рука распухла и посинела. Скрывать далее было нельзя, и я сдался на милость мамы, которая потащила меня к себе в поликлинику, где после рентгена мне наложили глухой гипс на всю руку на пару месяцев. А после того, как сняли гипс (я кстати, в момент снятия упал в небольшой обморок, когда увидел, во что превратилась моя рука за это время) мне ещё полгода нельзя было таскать ничего тяжёлого и не подвергать руку никаким серьёзным нагрузкам. Таким образом, после той передраги на моей карьере в классического борца можно было ставить крест. Интересно, что лет через семь, когда я отдавал Родине последний долг в армии, я неудачно сорвался с парашютной вышки и при падении опять поломал руку прямо в том же месте.

Тем не менее, те уроки борьбы не прошли для меня даром. Однажды, когда я мотал очередной срок в лагере (в пионерском), у нас там устроили внутри-лагерные спортивные соревнования. Одним из видов состязаний была борьба. В полуфинал вышло четыре человека я, дружок мой Вадик Образцов и два пацана из Москвы, которые были старше нас года на два. Один из них, довольно крепкий малый, достался в соперники моему дружку, с которым он не без труда, но всё же разобрался. Второй, длиннющая оглобля, достался мне. Как с ним совладеть, я не имел понятия. Он раскорячился и вытянул вперёд свои длинные руки. Схватить меня у него не получалось, я постоянно выкручивался из его рук, но и мне никак не удавалось добраться до его тела. Тогда я поймал его правую руку и «вертушкой» (приём такой), закрутил и бросил его на лопатки. После чего судья зафиксировал мою чистую победу. За финал я уже не помню, или мы по дружески разделили первое место, или Вадик меня уделал. Судя по всему правда - второе, поэтому моя селективная память выкинула из мозга этот никчёмный в моей жизни эпизод.

Во всей этой «классической» истории был ещё один значимый эпизод. У меня был очень крупный телом дружок-одноклассник Сашка Коврига. Он был на голову выше меня и, наверное, в три раза больше. А наш тренер как-раз искал какого-нибудь хлопца для супер тяжёлой категории, в которой он сам когда-то выступал. Тогда я предложил Сашке пойти со мной на тренировку и попробовать себя на поприще борца. Он согласился. Тренер с удовольствием взял его под своё крылышко, так как из-за своего веса бороться Сашке было не с кем. Такое индивидуальное преподавание оказалось высокоэффективным, и Сашка вскоре всё-таки стал чемпионом Молдавии (может и выше, не знаю) в супер тяжёлом весе.

Саша Комаров (сидит), Витя Ожога и Сергей Шендря (стоят, второй ряд). На чемпионате Европы по спортивному ориентированию, Болгария.

Финалисты внутрилагерного соревнования по вольной борьбе: Вадик Образцов и я.

Потом я ещё пробовал себя в боксе, велоспорте и в входящем в моду карате, но каких-либо больших успехов в этих видах так и не добился. А вот многие из моих друзей детства достигли значительных побед на поприще спорта. В добавок к уже вышеупомянутым ребятам могу добавить, что Олег Тишик выполнил нормативы кандидата в мастера спорта по гиревому спорту. Виталик Гурин в юношеском возрасте выполнил норматив 3 взрослого по тяжёлой атлетике. Серёга Шендря, Витя

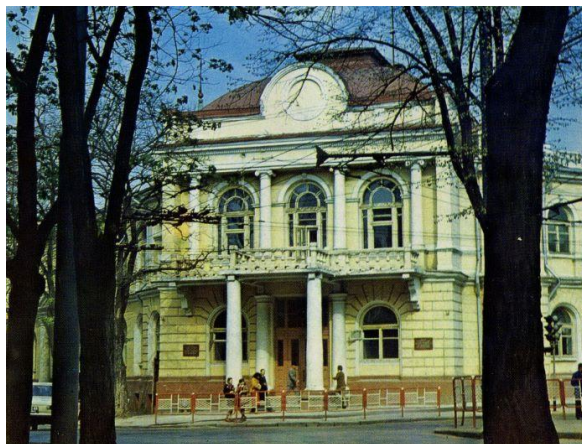
Ожога и Сашка Комаров, занимаясь многоборьем ДОССАФ и спортивным ориентированием, завоёвывали многочисленные награды на чемпионатах Молдавии, СССР и Европы.

Не спортом единым...

Надо сказать, что занятия в спортивных секциях были не единственным, чем мы занимались в детстве. Помнится, как мы вырезали из ящичных досок разные модели самолётов, а потом, раскручивая их над головой за верёвку, устраивали воздушные бои. Ещё помню, как ходили на свалку возле завода «Микроприбор», где можно было разжиться тонкими стеклянными трубками, которые мы использовали в качестве духовых ружей. Пулями, служили мелкие шарики, сделанными из липучки. С этими «плевалками» мы, устраивая военные баталии или просто кто дальше, выше или точнее. Гоняли на самопальных подшипниковых самокатах, выживали из нор тарантулов, устраивали набеги в сады за черешней и многое другое.

1. НОУ «Вииторул».

Сколько я себя помню, я всегда хотел стать биологом, что, в общем-то, и произошло. И когда мне кто-то в седьмом классе сказал, что в республиканском Доме пионеров есть Научное общество учащихся (НОУ) «Вииторул» (Будущее), где помимо физики, химии, астрономии и робототехники есть секция биологии, я, ни минуты не раздумывая, пошёл туда. Правда, поначалу занятия там проходили скучно. Мы листали какие-то книжки про животных, болтали о всякой ерунде, пока где-то через месяц не появился наш руководитель Григорий Гусан. Это был чернявый, весёлый, лет на десять-двенадцать старше нас, молодой учёный биолог, работающий в Институте Зоологии Академии Наук. Ему, по-видимому, тоже было довольно тоскливо в Доме пионеров. Тогда он мне предложил:

Дом пионеров. Кишинёв.

- Чего здесь сидеть скучать, приходи в институт, там будет и поучительней, и веселей.

Так я стал приобщаться к практической биологии. Григорий работал в лаборатории Орнитологии. В зимнее время я занимался там в основном промывкой совиных погадок и сортировкой косточек из этих погадок. Погадки - это по своей сути спрессованные, непереваренные остатки пищи совы, которые состоят из костей, шерсти, перьев, хитина насекомых и т. п. Занятие не из особо интеллектуальных и приятных. Не знаю, почему орнитологи предложили мне выполнять эту работу. Может, хотели проверить на профпригодность. Или просто от того, что не знали, чем бы меня другим занять. Или же из каких-то скрытых садистских

намерений. Тем не менее, работу я выполнял старательно и по окончании даже написал свою первую школьную научную работу про жизнь и значение сов в природе. Там я представил количественный и качественный анализ костей разных грызунов, сожранных прожорливой совой. За эту работу я получил первое место на Республиканской конференции школьных научных работ и был награждён дипломом и настенным календарём с термометром. Календарь был рассчитан до 2000 года, который казался тогда таким загадочным и далёким. А совсем недавно, переставляя мебель у мамы дома, я обнаружил его висящим на гвоздике на стене.

- Мам, зачем он тут висит? Уж более 20 лет прошло, как он бесполезен.

- Пусть висит. Во-первых, это память, а во-вторых, термометр исправно работает, - был её ответ.

Поначалу я ходил в институт один. Потом с одноклассником Аликом Кобузяцким, которого интересовали вопросы разведения попугайчиков. Потом Алик сменился на Вовчика Гладкова, с которым мы долго не расставались в едином стремлении стать биологами.

Институт Зоологии. Кишинёв.

Наша научно-практическая деятельность в секции биологии не осталась незамеченной, и нас, как юных дарований, начали возить напоказ по разным райцентрам Молдавии. Мы садились в огромный красный СовТрансАвтовский Икарус и с комфортом колесили по республике. По прибытию в райцентр мы читали доклады по своей научной тематике, а потом обедали в лучшем ресторане города. Гордости и счастьем не было предела.

Руководила научным обществом учащихся «Вииторул» прекрасный человек Евгения Борисовна Рабинович. Она была, как сейчас бы сказали, топ-менеджером высочайшей категории. Постоянно искала какие-то новые неформальные методы работы с детьми. Приглашала видных ученых, организовывала всякие поездки, лектории. Мне тогда казалось, что практически в любые двери в правительстве, в ЦК партии и в Академии наук она могла себе позволить войти без стука. Была она дамой очень импозантной. Всегда с иголочки одета, с идеальной причёской, макияжем и

маникюром. Однажды я случайно увидел, как она курила. По тем временам это было что-то. Она курила ментоловую сигарету, вставленную в длинный мундштук. Уже спустя годы, когда я учился в университете, мне захотелось навестить «*Вишторул*», но оказалось, что общество уже перестало существовать, как впрочем, и многое-многое другое, а Евгения Борисовна отчалила то ли в Австралию, то ли в Америку.

Кроме научно-практической работы и докладов на конференциях, где-то раз в месяц для нас проводился вечер отдыха. По тем временам это было довольно прогрессивно и элитарно, ибо кто угодно туда попасть не мог. В уютном баре, расположенном в полуподвале «Дома техники» стояли огромные колонки с усилителем, вертушка для пластинок и магнитофон. Весь зал был покрыт гирляндами разноцветных лампочек, которые мерцали в такт музыке. Да и музыка там крутилась совсем не из скучного репертуара советской эстрады. И опять же: танцы-шмансы-обнимансы. Перед дискотекой было заседание научно-философского клуба, где царила творческая интеллектуальная атмосфера и обсуждались разные темы типа: «Единство многообразия»; «Узкий специалист или дилетант»; «Надо ли помогать таланту»; «Как распознать плагиат» и т.д. И клуб и дискотеку вёл молодой физик из Академии наук. Помню, что звали его Веня, Вениамин то бишь. Однажды, в ответ на наши стоны, что он, мол, ставит на танцах только бабское диско, Веня врубил супер забойную хиповскую «Free 'n' Easy» из «Innocent Victim». На радостях мы трясли своими костями аки скаженные. И хотя песня длилась только около минут трёх, мы взмокли так, что потом стеснялись с дамами танцевать медляки. А ведь это было самое то, что надо! Поэтому после такого нашего понтерства, более мы не привередничали.

2. Заповедные повести.

Наши занятия в «*Вишторул*» проходили не только в Доме пионеров или в Институте Зоологии, но и на природе. О нескольких таких занятиях я поведаю ниже.

У Академии наук был домик-стационар в заповеднике «Кодры», где отдыхая от своих домочадцев, периодически скрывался научный люд, выполняя параллельно разные архиважные биологические эксперименты. И вот как-то раз зимой нам предложили поехать в экспедицию. Из Академии наук и Научного общества учащихся написали письмо в школу с просьбой отпустить в экспедицию двух талантливых юных дарований: меня и Вовчика Гладкова, для выполнения особо важной научной миссии. В школе вопросов не задавали, мол, надо, так надо. И мы засобирались в дорогу. Не помню почему, но в Лозово (так называлась близлежащая к стационару деревня) мы добирались своим ходом, без сопровождения своих старших товарищей ученых. На автовокзале нам заявили, что в Лозово автобус ходит только один раз в день и он уже тью-тью. Поэтому нам посоветовали поехать другой дорогой (по «Полтавке»), при этом обязательно предупредить водителя, чтобы он нас высадил на повороте в Лозово. Что мы и сделали.

- Хай бэець, ор требуя сэ коборь аича (Эй пацаны, вам надо здесь выходить), - сказал водитель, останавливая автобус. Мы поняли, что это наш поворот, и я, напрягшись, спросил его по молдавский:

- Каре есте друмул спре Лозово (какая дорога в Лозово)?

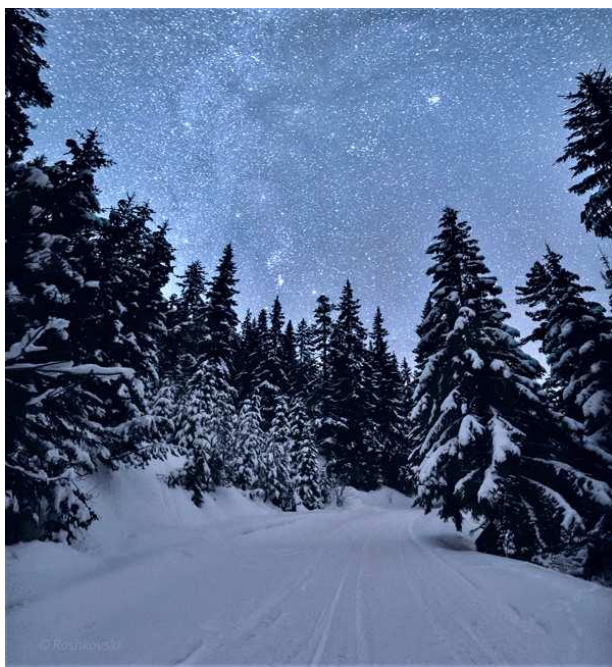
- Ду-те ын жос (идите вниз), - сказал он и показал рукой куда.

Поблагодарив водителя, мы вышли из автобуса и двинули вниз с холма по той дороге, на которую он указал. Накануне был снегопад. Всё вокруг замело снегом, но на наше счастье, путь к деревне уже почистил грейдер, и идти было легко. Несмотря на всё более сгущающуюся темноту, из-за обилия звёзд и поднявшейся луны, дорогу было видно хорошо. Прошагав километров пять, Вовчик предложил попить кофейку, пока он не остыл в его термосе.

- Давай, - согласился я. Он разлил по кружкам ароматный напиток, и мы с удовольствием засёрбали горячим кофе.

- А вдруг водила нам не туда указал идти? - немного с беспокойством спросил Вовчик.

- Да нет, всё правильно. «Страшенская» трасса внизу, «Полтавка» по которой мы ехали - вверху, а Лозово между ними. Мне Гришка так всё на плане и показал, - успокоил я своего товарища. - Ты не волнуйся, а посмотри лучше какая красота вокруг.

Действительно, наша дорога петляла сквозь высокий лес. Вокруг было белым бело, на чёрном небе россыпь звёзд и яркая луна. Ни ветерка и полная тишина. Лепота. Мы ещё немного полюбовались окружающей природой, допили кофе и вновь двинули в путь. Ещё километра через три мы заметили вдали проблески от электрических огней. Подойдя поближе, мы увидели, что это горят лампы в небольшом столярном цеху. На наше счастье там работал какой-то мужик, который на наш вопрос, не знает ли он, где здесь стационар учёных, с уверенностью указал нам, как туда идти. Домик находился примерно в ста метрах и казался обитаемым, так как из дымохода поднимался дымок. Мы подошли. Постучали. Однако на наш стук никто не отреагировал, и свет оставался погашенным.

- Что, они уже спать легли или там нет никого? - спросил меня Вовчик.

- Да рановато ещё спать. Да тут они, тут. Может, просто по каким-то срочным исследовательским делам отлучились.

- Но они ведь знают, что мы должны приехать?

- Конечно, знают.

- Ну и чего делать будем? - Вовчик пристально и не без печали посмотрел мне в глаза.

- Спокуха. Будем штурмовать. Вон, видишь, форточка открыта. - Подсади меня, - и я вскарабкался сначала на Вовика плечи, а потом влез в форточку. В доме осмотрелся, нашёл выключатель и зажёл свет.

- Всё нормально! - Вещи их здесь, - радостно сообщил я свои наблюдения и пошёл искать, как отворить дверь.

Хорошо, что замок был на защёлке. В доме было тепло, а с морозца нам показалось даже, что жарко. Мы разделись, вытащили харчи, и перекусив бутербродами, принялись ждать учёных. Просидев так пару часов, мы уже прикидывали как бы нам устроиться на ночлег, как в двери ввалился Григорий и Коновалов Юрий.

- О, пионеры! Уже добрались. Не заплутали? Ну, молодцы. А мы тут в паркетном цехе для печки дровами разжились, - и Григорий показал два полных рюкзака с паркетными заготовками, которые они притащили.

- Давайте, располагайтесь вокруг стола, сейчас чай пить будем. Вдоволь напившись чая из шиповника и липы, мы стали укладываться спать.

- Грызунов боитесь или нет? - спросил Коновалов.

- Каких ещё грызунов? - не врубилась мы.

- Ну, крыс, полёвок и прочих зверюшек.

- Да, хотелось бы как-то без них.

- Ладно. Тогда вы можете лечь здесь, где их нет, а мы ляжем в другой комнате. Там кровати и крысы, здесь пол и спальники. Ну, выбирайте.

- Мы здесь, - быстро решил за нас обоих Вовка. Я был с ним солидарен.

Через пять минут я залез в спальник, лёг на спину и провалился в глубокий сон. Утром я проснулся в той же позе, в которой заснул. Скажу вам, что это был настоящий здоровый сон. Так прекрасно поспать за свою жизнь мне удалось, наверное, не больше чем пальцев на одной руке.

На утро, сразу после завтрака, мы совершили длительный обход местности. Гриша и Юрий обучали нас премудростям наблюдения за животными и птицами, распознавать следы оленя, косули, кабана, зайца, лисицы, барсука и различать пение птиц.

С Коноваловым Юрием, или с дядей Юрой, как я его назвал в неофициальной обстановке, я был знаком уже давно. Он учился вместе с моим отцом на Зоологическом факультете Сельхоз Института. В раннем детстве я заслушивался его рассказами про природу. От него всегда исходила такая необычная аура искренней любви к животным, которая меня как магнитом притягивала к нему. Его глаза всегда излучали добро. Он закидывал меня книгами Гржимека и Даррелла, охотничьими альманахами и очень редкими изданиями о путешественниках и ловцах тигров в Индии и львов в Африке. Я думаю, что в очень большой степени выбор моего будущего увлечения биологией был предопределён именно благодаря знакомству с этим прекрасным человеком. В институте про него ходили легенды. Рассказывали, что он ночью мог запросто один зайти на картофельное поле (было в заповеднике такое специальное поле с вышкой по середине

для изучения поведения кабанов), расположиться прямо посреди него, ожидая, когда кабаны придут и окружают его.

Человеком он был очень доверчивым, и этим его качеством нередко пользовались сослуживцы, чтобы его разыграть. Однажды они вылепили из пластилина на конце палки подошву стопы волка и понатыкали ею в снегу следы. А в добавок ещё помочились на дерево рядом. Надо сказать, что волк к концу семидесятых уже полностью был истреблён по всей Молдавии. Отдельные особи лишь изредка заходили где-то на севере республики. Когда он обнаружил волчьи следы, то битый час носился с линейкой, измеряя и зарисовывая их. А обнаружив желтые пятна на снегу, бросился за пробирками, чтобы собрать мочу на анализ. Он был так возбуждён своими изысканиями, что даже не заметил, как народ еле-еле сдерживается, чтобы не прыснуть от удушающего их смеха. Они силились как могли, пока он проводил свои замеры и манипуляции. Но потом не выдержали и заржали. Ржали до слёз, до икоты, падая обессиленными на землю.

Через пару дней в стационар приехал старший научный сотрудник Александр Ракул. Он сменил Коновалова, который уехал в город. Александр выглядел большим крепким мужиком с окладистой бородой и усами. По характеру сразу было видно, что это основательный мужчина. Сначала он распорядился, чтобы мы навели полный порядок в домике, накололи дрова и заткнули дыры в полу, которые прогрызли крысы.

- Нет, пионеры, так не пойдёт, - сказал он нам, увидев нашу работу по устранению крысиных дыр в полу. - Эти твари ваши тряпки, которыми вы заткнули дыры, прогрызут в один присест.

- Может, намочим тряпки в бензине? - высказал я рацпредложение.

- Так мы же сами улетим от бензиновых паров. Тут надо кое-что другое. - Мы в прошлом году пробовали заделать дыры раствором цемента, - он присел на корточки и показал рукой на какие-то пятна на полу. - Вот тут. Видишь?

- Да. Значит помог цемент?

- Нет, это не цемент. Как только он начинает твердеть, эти заразы выталкивают его наружу. Это смесь пластилина и битого стекла. С этим крысы справиться не могут. - Гришка, где наш пластилин? - крикнул он в окошко своему коллеге, который на улице показывал Вовчику мастер-класс по рубке дров.

- Да там, в кладовке.

Он принёс большой комок какого-то промышленного пластилина и пару бутылок из под воды.

- На, возьми и разминай пластилин, а я приготовлю стеклянную крошку, - распределил работу Александр. Через полчаса он аккуратно заделал дырки в полу.

- А почему крысы грызут дыры только в этой комнате? - спросил с недоумением я.

Александр наморщил лоб, потом повёл головой и сказал:

- Правильные вопросы задаёшь, пионер. Думай!

Это его «думай» он произносил на день десятки раз. Почти каждый раз, когда его спрашивали о чём-то, он уже практически открывал рот, чтобы ответить, но в последний момент опять произносил: «думай».

С приездом Александра мы пристрастились к нескольким его хобби. Сначала он показал нам, как надо закаляться. Метрах в 50 от домика был незамерзающий родник, где он каждое утро, стоя на морозе, обливал себя по пояс холодной водой. Мы поначалу смотрели на его забавы, кутаясь в свои бушлаты и полушубки, а потом потихоньку тоже пристрастились к этому занятию. Вторым его хобби было вырезание по дереву. Он брал какую-то доску или чурку и, пыхтя трубкой, усердно чего-то там вырезал. Вечером, в жарко натопленной кухне-гостиной, мы пили чай и, подражая ему, тоже пытались что-то выстругать и вырезать из дерева.

- Сашка, смотри, - Григорий протягивал ему своё произведение. Как мне сделать, чтобы голова казалась повернутой в одну сторону, а рука указывала в другую?

Александр взял Гришкину поделку, покрутил, повертел, а возвращая ему обратно произнёс: «Думай!».

- Ну вот опять, - разочарованно сказал Григорий, и, откладывая свою поделку в сторону спросил: - Пацаны, я там у вас магнитофончик видел. Что у вас есть послушать?

У Вовчика было пару кассет с Kiss и Arabesque. Он поставил какой-то концерт с кричащими Киссами, которые в отличие от нас, не вызвали у наших старших товарищей радости и умиления от прослушивания.

- А на второй кассете что? - спросил Александр, - такая же бодяга?

- Да нет, там бабская попса.

- Ну, поставь этих баб, что ли.

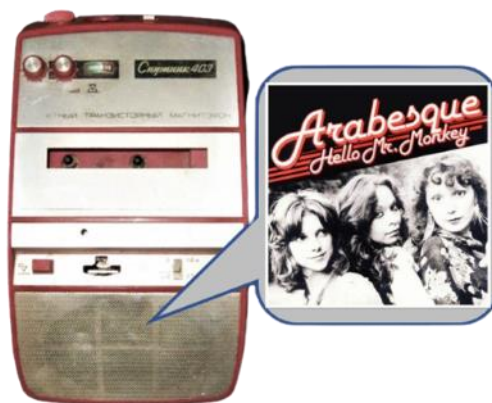
И понеслась по сторожке зажигательная:

«Hello, hello Mister Monkey
You're still so fast and funky
Hello, hello Mister Monkey
You should have been a clown»

Так и крутилась эта единственная кассета с начала до конца. Иногда, когда тишина леса уже напрягала, кто-то опять просил: - Ну, запускайте что ли этих бл...й.

Вовчика творение. Экспонат для музея современного искусства.

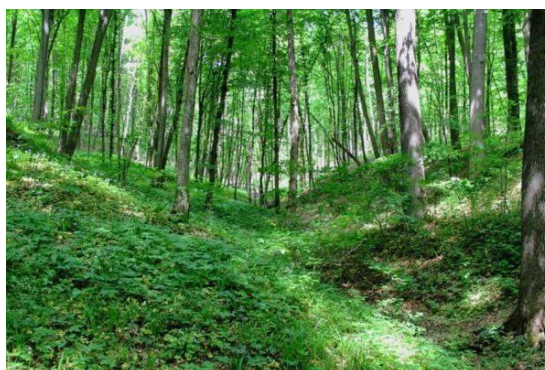

Ежедневно гуляя по зимнему лесу, мы постепенно повстречали всех животных, какие там водились, научились различать птиц по виду и по их пению. Я на спор даже стал заучивать по картинкам все виды птиц из толстого атласа «Птицы СССР». А видов там их, думаю, было не меньше пяти сотен. Нам выдали бинокли и «полевые книжки», которые надо было каждый день заполнять карандашом.

- А полевые книжки нам то же выдадут? - пытался я неуклюже шутить.

- А как же. Выдадут. Обязательно выдадут. Как только половозрелыми станете, - ответил мне наш наставник.

Вторая наша экспедиция случилась где-то в первой декаде апреля. На этот раз ко мне и Вовке присоединились ещё два пионера - Андрей Максим, с которым мы вместе занимались в секции биологии НОУ «Вииторул» и Юра Клейнерман, впоследствии ставший великолепным ветеринарным врачом.

Молдавские Кодры. Лес возле села Лозово.

Весна полностью входила в свои права. Кое-где уже зацвели абрикосы, начали прилетать перелётные птицы и местами показалась зелёная травка. Мы расставили сети для ловли птиц и приступили к их ловле и кольцеванию. Каждое утро, рано проснувшись, мы шли к сеткам-паутинкам, откуда выпутывали птиц, помещали их в матерчатые мешочки и несли в стационар. Частенько пытаясь вытащить пойманную пичужку из сети, мы неуклюже хватали её то за крыло, то за лапки, боясь, что она заклюёт.

- Да не бойтесь вы так. Просто подставьте пальцы и дайте птице пощипать вас своим клювом, - наставлял меня и моих товарищей Гриша.

- А зачем? - спросили мы с удивлением.

- Чтоб вы поняли, что это не так уж и больно. Вы потихоньку привыкните и потом будете обращать внимание на то, что она вас клюёт. И тогда не придушите её от неожиданности или страха. Распутывайте птицу медленно, стараясь её не повредить. Если упустите - ничего страшного. Хуже, если повредите.

Уже в домике птиц измеряли, записывали в журнал и в полевую книжку всю информацию. Потом кольцевали и выпускали на волю.

А однажды произошёл довольно трагический для меня случай. Я был занят какой-то работой и не пошёл на осмотр сетей. Ребята сами сбежали и принесли несколько мешочков. Я зашёл в домик и уселся к завтраку на длинную лавку возле стола.

- Ну и куда ты уселся? - спросил меня Александр, заходя в комнату.

- Сюда. К столу, - ничего не понимая ответил я.

- А под задницу смотрел? - всё также спокойно спросил он.

Меня как током шарашнуло. Я подскочил как ошпаренный. Пацаны сложили мешочки с птицами на лавку, так как на столе нас ждал завтрак. Три мешочка лежали чуть в стороне, а на один я уселся. Я густо покраснел и чуть не упал в обморок от досады.

- Ладно, ладно. Всякое бывает. Будь всегда внимательный. Из этих бедняг мы сделаем чучела для музея. Нас давно просили, да всё руки не доходили. Так что будем считать, что они погибли не зря.

Наверное, если бы не такая спокойная и рассудительная речь Александра, то я бы наверняка пал духом. Тем же вечером мы уже учились, как делают чучела птиц. Наставники разложили на столе различные хирургические инструменты для препарирования тушки, склянки с растворами для обработки костей и шкурки и материал для набивки чучел. Через несколько часов работы чучела убиенных мною пичужек приняли естественное положение и форму на приспособленной для них веточке. Гриша, кстати, когда впоследствии уехал в Штаты, то стал там известным таксидермистом (специалистом по изготовлению чучел животных). Его работы даже занимали какие-то призовые места на соревнованиях.

Вовчик и я в лозовских Кодрах.

Однажды, проснувшись утром, мы вдруг увидели, что всё кругом белым бело. Что за фигня? На улице всюю уже весна, а тут снег пошёл, да так замело, что сугробы за ночь местами выросли на полметра высотой. Мы выскочили на улицу и стали с гоготом обтираться снегом и кидаться снежками.

- Ох, и нехорошо это. Беда может быть, - пыхтел своей трубкой Александр.

- Что за беда то? – не врубилась мы. Деревья помёрзнут что ли?

- Да с деревьями проблемы то как раз и не будет, а вот некоторым зверюшкам может настать хана. Сейчас время такое, и лисы и барсуки уже оценились. Самкам сейчас еда нужна вдвойне, чтоб молока детёнышам было достаточно, а то помрут с голодухи.

После обеда из института прибыла группа ученых, среди которых находился белобрысый пацан примерно нашего возраста с хулиганским выражением лица. Оказалась, что зовут его Лёшка и он является сыном одной из сотрудниц. Он протянул нам руку для знакомства и спросил:

- Ну что, пацаны, пойдём на охоту?

- Какую ещё охоту? - вопросом на вопрос ответили мы, переглянулись и недоверчиво покосились на Лёшу.

- Серьёзно вам говорю. Мы для этого сюда и приехали. Надо птиц настрелять и возле барсучьих и лисьих нор раскидать.

- А стрелять из чего будем? Рогатки что ли делать?

- Зачем рогатки. У меня ружьё есть. Воздушка правда. Зато пульки утяжелённые. - Метров на 30 можно лупить, - он вытащил из кармана пачку с пулками и показал нам.

После того, как мы прошли инструктаж и поклялись не целиться друг в друга, нам выдали винтовку и отправили на охоту за птицами. Пацаны, настреляв по очереди уже по две-три птички, заметили, что я не стреляю. Они понимали, что я переживаю за недавний несчастный случай, и пытались меня как-то приободрить:

- Да не переживай ты так. Ну, пальни хоть разок, - уговаривали меня на убийство товарищи.

- Не, не буду.

- Мы ведь для это для благого дела, чтобы лисята от голода не померли, просто поможем зверюшкам.

В конце концов, они меня уболтали. И я, для того чтобы отделаться от их уговоров, взял ружбайку и пальнул по птичке, чирикавшей высоко на дереве метрах в двадцати. Стрелял, не метясь, с бедра, как в каком-то голливудском вестерне. И надо же случиться такому - я в неё попал. Птаха камнем упала на землю. Я попал ей прямо в глаз.

- Ни фигя себе снайпер какой. Ты что, стрельбой занимался? Как у тебя получилось? - посыпались вопросы от пацанов. Особенно был удивлён Андрюха, который действительно занимался стрельбой на «Динамо» и на тренировке перед охотой смог попасть в медный пятак. Я же стоял совершенно ошарашенный и после этого случая за ружьё уже никогда в дальнейшем не брался.

Потом мы обошли все известные нам норы и раскидали вокруг охотничьи трофеи. Надеюсь, это было не зря.

Уже на обратном пути мы подошли к последней лисьей норе и увидели кровавую картину разыгравшейся здесь ранее трагедии. Вокруг норы весь снег был залит кровью, повсюду отчётливо были видны следы борьбы, валялись комки шерсти, а недалеко у входа полуобъеденное тело лисицы. Мы были ошарашены от увиденного.

- Что же здесь произошло? Судя по следам, похоже на волков, - стали мы корчить из себя охотников-следопытов.

- Да нет, это собаки.

- Какие ещё собаки. С чего бы им на лисицу нападать, - недоумевали мы.

- Это одичавшие собаки, - с уверенностью сказал кто-то из сотрудников института. Им, также как и лисам и барсукам, сейчас приходится туго, но только в отличии от лесных зверей, они сбиваются в стаи и нападают. Бывали случаи, они даже оленя заваливали. А загрызенный зверь - это самец. Лис, то бишь. Он защищал нору, в которой, скорее всего, сейчас находится самка лисицы с лисятами. Собаки в нору не полезли, там их лисица бы убила. Будут, наверное, караулить снаружи, пока она не вылезет за пищей.

Мы попытались услышать, что происходит в норе. Подлезли к самому логову, совали внутрь головы, но никто ничего не услышал.

- Может она уже ушла и лисят перенесла в другую нору?

- Может. - Эх, был бы сейчас Элька с нами, сразу бы всё прояснилось, - с досадой сказал Коновалов.

Элька - это жесткошерстный фокстерьер. Лёшкин пёс. Но он был с другой группой, которая отправилась в противоположном направлении. Порода эта была выведена в Англии, как норная собака. С английского «фокс» означает лиса, а терьер «терра» - земля. Это очень резвая, весёлая и бесстрашная собака, с заложенной в её генах поведенческой программой охоты. Эльку использовали, чтобы устанавливать, обитаемая ли нора. Также его использовали как живую приманку. Когда он вылезал из норы, собирали с него клещей, пока они не впились ему в тело. Клещей потом отправляли на анализ, чтобы впоследствии определить, нет ли в их крови возбудителей каких-либо заболеваний. Таким образом мониторили возможное возникновение эпидемиологических очагов.

Жесткошёрстный фокстерьер.

Вечером, прихватив уже с собой Эльку, мы снова пошли к месту лисьей трагедии. Температура днём резко пошла вверх. Солнышко всюду уже плавало снег, и по всему лесу была слышна частая капель. Когда мы подошли к норе, то сразу заметили, что в наше отсутствие собаки вновь сюда приходили. Они практически полностью обглодали лису, и перекусив его позвоночник, разделили остатки несчастного защитника семейства пополам. Элька покрутился вокруг норы, принюхался и полез внутрь. Буквально через полминутки мы услышали его лай. Значит нора оставалась обитаемой, и прямо сейчас там находилась лиса с лисятами.

- Обычно, когда лисица имеет щенят, она селится в норе, которая имеет несколько входных-выходных отверстий (отнороков), соединяющихся длинными туннелями. - Надо бы оглядеться вокруг, - сказал Александр, и мы пошли искать второй выход. Но так и не найдя его, вернулись к норе.

Элька захламлялся лаем где-то по землѣ. Мы начали слегка беспокоиться и призывали его вылезти назад. Через час стало темнеть, пёс всё не вылезал наружу, и его лай слышен был уже довольно приглушённо.

- Что-то случилось, - сказал Коновалов. Элька опытный пёс. Он должен был давно уже выгнать зверя. Видимо, второго выхода нет. Здесь у лисицы нора с котлом в конце. А поскольку Элька не душегуб (псы которые натравлены, чтобы придушить объект охоты) он должен был уже давно выйти.

Мы не на шутку начали волноваться. Орала в нору, подзывая собаку, призывно свистели, но всё было бесполезно. Лай на какое-то время затухал совсем, но потом возобновлялся снова, правда, интенсивность его резко падала.

- Видимо, ход обвалился и перегородил выход из норы. - Надо копать, - поставил вердикт Коновалов. - Ребята, давайте бегом в стационар за лопатами. Да и фонарик прихватите. Темнеет уже.

Примерно минут через сорок мы запыхавшись, вернулись с лопатами и фонариком, который очень тускло горел. Наверно батарейка уже подыхала. Мужики резво взялись копать, но промёрзший нижний слой и размякший верхний делали эту работу неэффективной. Через пол часа стало совсем темно и куда рыть практически было не видно. Фонарь сдох. Начали жечь спички. В конце концов закончились и они.

- Всё, давайте прекращать на сегодня. - Завтра с рассветом придѣм и вытащим Эльку, сказал Александр.

- Дядя Саша, я никуда не уйду! - зарыдал Лѣшка.

- Лѣша, он жив, но мы ему помочь сейчас не можем. Лисья нора может быть прямой, а может и на 90 градусов поворачивать. Без света мы только потеряем из виду направление туннеля, что может впоследствии привести к трагедии. Воздуха ему хватит. Он у тебя настоящий боец. Я обещаю, что завтра мы сделаем всё возможное, чтобы его вызволить. Сейчас же мы можем только испортить ему путь к спасению.

Рассудительная и спокойная речь Александра возымела своё действие. Лѣшка, да и мы все немного успокоились и с грузом на сердце побрели в домик. Поспать в ту ночь практически не

удалось. Мужики подобрали весь шанцевый инструмент, который нашли, и заточили топоры на случай если придётся рубить корни.

Как только стало светать, мы напились горячего крепкого чая и гуськом выдвинулись к злополучной норе. Прибыв на место, мы сначала пытались прислушаться к лаю. Но так и ничего не услышав, одни начали осторожно копать, в то время как другие принялись на мешках отвозить отваленную землю подальше. Нора действительно петляла, поэтому надо было копать очень осторожно, чтобы не потерять её направление. Копая, мы периодически делали «минутку тишины», прислушивались к звукам в норе и продолжали копать снова. Часа через три кому-то показалось, что он вроде как слышал слабый скулёж. Элька это или лиса с лисятами было не понятно. Ещё через полчаса мы все уже отчётливо слышали поскуливанье, и это был уже точно Элька. Один раз он даже гавкнул. Сейчас надо было копать с большой осторожностью, чтоб не повредить пса. И вот земля пошла помягче. Сразу было видно, что здесь она уже обвалившаяся. Ещё немного, ещё, ещё и Элька, разгребая лапами последние комья земли, вылез из норы.

Ну что тут началось, сами можете себе представить. Счастью не было предела. Все пытались его обнять и чмокнуть в грязный нос. Потом, успокоившись, мы докопали нору до хорошо открытого тоннеля, откуда слышалось уже лисье урчание и копошение лисят. Мы побросали в нору бутерброды с колбасой, пирожки, сырки и счастливые пошли к стационару.

Через пару дней от внезапного снега остались лишь небольшие кучки. Мы собрались домой и потопали через деревню на Страшенскую трассу, где находилась остановка рейсового автобуса. Наша экспедиция была закончена. Проходя через деревню, мы заметили над головой буквально сотни аистов, которые возвращались из тёплых стран. Весна пришла окончательно.

Всё, чем мы занимались в заповеднике, систематизировалось и обретало письменную форму в виде разных научных рефератов и докладов, с которыми мы выступали на всевозможных конференциях. Однажды нас даже пригласили выступить по радио, где мы должны были рассказать о доблестной научной работе молодых исследователей природы. Нас встретили в теле-

Слева. Приглашение на научно-практическую конференцию "Вииторул" и кольца для кольцевания птиц (из запасников А. Максима). Справа Андрей Максим и сотрудницей лаборатории орнитологии в научной экспедиции.

радиоцентре, провели в студию и, усадив за круглый стол, попросили рассказать что-нибудь о наших изысканиях. Трепаться об этом мы могли без усталости и каких-либо проблем, но, оказавшись перед микрофоном, оробели и никак не могли сосредоточиться. Потом мы с Вовчиком вдруг поймали, как говорится, смешинку. Видимо Юрка Клейнерман что-то ляпнул. От страха и возбуждения мы начали истерично и безостановочно ржать и наше интервью было на грани провала. В конце концов, нас разъединили. И мы уже по отдельности рассказали о том, о чём нас просили. По окончании интервью нам сделали экскурсию по теле-радиоцентру. Провели в студию, где готовилась воскресная молодёжная программа о современной музыке, которая была известна мне по радио эфиру. Я спросил у девушки-оператора, сидевшей за пультом:

- А почему вы крутите в вашей программе всякую фигню и очень редко что-то из того, что действительно слушает молодёжь?

Она ответила, что существуют определённые нормы. Это 50 процентов молдавской и советской эстрады и 50 процентов зарубежной, из которой половина - это эстрада соцстран.

- А, ну тогда понятно. Хотя и в тех 50 процентах зарубежной эстрады тоже мало чего-то действительно интересного - пробубнил я.

- Понимаешь, даже то, что мы там ставим, это не так-то легко достать - пояснила мне девушка.

- Что вы говорите. Я завтра вам на год вперёд принесу материала.

- Неужели?! Тогда я буду ждать.

- Что серьёзно?

- Ну да. Абсолютно серьёзно. Принеси, а я посмотрю и буду ставить то, что можно.

- Договорились. Только не завтра тогда, а давайте на той неделе. Я куплю новую бобину и запишу сборник из всяких композиций.

- Хорошо. Только не забудь всё пронумеровать, написать название исполнителя, а также желательно указать ещё и название композиции.

Я неделю провёл в творческом поиске: записывал музыку, проверял, чтоб качество было отменным, бегал по пацанам, у кого были диски и т.д. В условленный день и час я принёс бобину, передал девушке и на протяжении чуть ли не целого года, каждое воскресенье слушал её программу. А когда слышал что-то из того, что я принёс, то очень гордился этим. Вот такая история.

Часто мы выступали на конференциях, где чувствовали себя уже настоящими корифеями науки, маститыми учеными с огромным опытом практических исследований, которым никто не мог составить конкуренцию. Однажды на одной из городских школьных конференций по биологии после доклада о анабиозе (анабиоз - временное замедление или прекращение жизненных процессов в организме под воздействием внешних или внутренних факторов), которой сделала какая-то писклявая школьница-отличница, я от скуки ради поднял руку и задал ей вопрос:

- А что, кроме того, чтобы переписать текст из журнала «Наука и Жизнь» или из какой-нибудь энциклопедии, ты лично в практическом плане сделала для исследования этого феномена?

Девчонка засмушалась и пролепетала что-то несуразное в ответ. Потом мстительно сощурилась и пристально, с хитринкой во взгляде посмотрела на меня. Через шесть лет я женился

на той девчонке, с которой мы вместе прожили тридцать шесть лет и проработали вместе в биологии более четверти века.

3. Московская олимпиада.

Как-то раз Евгения Борисовна собрала в своём кабинете четверых ребят: меня, Мишку Духовного, Андрея Максима и кого-то ещё, кого я уже не помню.

- Ребята, - обратилась она к нам, - через месяц в Москве, в МГУ будет Всесоюзная Олимпиада по биологии. Я посоветовалась с нашими руководителями разных кружков, преподавателями и вашими наставниками, и мы отобрали вас четверых для участия на Олимпиаде в составе сборной МССР. У вас есть ещё немного времени подготовиться.

МИНИСТЕРУЛ
ЫНВЭЦЭМЫНТУЛУИ
ал Републичий
Советиче Социалисте Молдовенешть

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
Молдавской Советской
Социалистической Республики
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДВОРЕЦ ПИОНЕРС

П Р И К А З

30 марта 1981 г. № 14-К
г. Кишинев

Командировать в г.Москву с 3 по 7 апреля 1981 г. для участия в биологической олимпиаде МГУ членов НОУ "Визиторул" в составе:

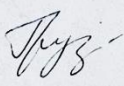
1. Максим А.	- сп. № 16 9 кл.
2. Илиади К.	- " № 6 -"
3. Лукьянов В.	- " № 34 10 кл.
4. Духовный М.	- " № 4 10 кл.

Руководителем делегации назначить г. Дедю И.И. - доктор биологических наук, профессор, зам.председателя научно-методического совета НОУ "Визиторул".

Бухгалтерии оплатить командировочные расходы.

Основание: разрешение Минпроса МССР от 30.3.81 г.

Директор
Республиканского Дворца
Пионеров и школьников

З.В. ГРУЗДЕВА

Молд. отд. ВГО «Союзучетиздат» А4|з 64д|1-79 г. т. 10.000 Орг. тип. з. 7788

Как готовиться? Что учить? Какие будут задания? Ответов на эти вопросы не было. Ничего не оставалось делать, как просто штудировать уже итак опустыленный школьный учебник биологии. Всё равно, в то время, кроме него, у меня ничего другого не было.

И вот мы встретились в аэропорту, объявили наш рейс, и мы пошли на посадку. С нами поехали два сопровождающих: наша Евгения Борисовна Рабинович и профессор из университета - Иван Ильич Дедю.

- Ребятки, положите себе в сумку эту бутылку вина. В Москве я её заберу у вас. - Это в подарок одному человеку, - сказала нам Евгения Борисовна и протянула бутылку какого-то коллекционного вина. Мишка забрал её и спрятал в свой портфель.

В Москве нас поселили в гостиницу рядом с университетом, в большой четырёхместный номер. Потом повели на экскурсию по университету, на биофак, где будет проходить олимпиада. Там нам дали какие-то бумаги, планы, расписания, талоны на питание в столовой и т.д.

Московский Государственный Университет. Биолого-почвенный факультет.

В первый день конкурса нас почему-то разделили. Я побродил среди аудиторий и нашёл ту, где мне надо будет взять конкурсный билет. Раздел «Эволюция». Так-так. Зашёл, выбрал себе билет и сел готовится к ответу. Прочитал вопрос и понял, что одними знаниями здесь не отделаться. Вопрос был построен так, что в ответе на него надо было рассуждать, а эти рассуждения, в свою очередь, должны были основываться на тех самых знаниях. Хитро придумано. Типа, объясните эволюционную целесообразность альтруизма (это такое врождённое поведение, когда одно живое существо жертвует своим собственным благосостоянием или жизнью в пользу другого). Иными словами, почему такое поведение в процессе эволюции не исчезло. Ведь обладатели таких альтруистических генов будут всегда в проигрыше. Или такой вопрос по Зоологии: в животном мире есть много примеров, когда родители заботятся о своём потомстве. Приведите пример, когда, наоборот, потомство заботится о родителях. Ничего себе вопросик. Сидел, сидел, скрипел мозгами, скрипел. Ничего в голову не лезет. Уже думал поменять билет, как вдруг какая-то искра зажглась в голове: да у пчёл же так и у муравьёв. Потомство заботится за маткой. Довольный написал подробный ответ. Как потом оказалось 4 из пяти баллов. Видимо, что-то упустил. Как потом не думал, ничего дополнительного не придумал. До сих пор интересно.

Вечером в гостинице мы обсуждали, у кого что было. Все умничали, орали, доказывали, но пятёрки ни у кого не было.

Второй день олимпиады был посвящён практическим заданиям. Я выбрал «Орнитологию» потому что, как я ранее уже писал, выучил на спор более пятисот видов птиц. Хотя я и запомнил их в основном только по картинкам, тем не менее, названия именно птиц я знал намного лучше, чем рыб, земноводных, пресмыкающихся или млекопитающих.

Мне вручили три разных чучела друзей-пернатых, которых я сразу идентифицировал и записал их название в конкурсный лист. Так, через 3 минуты с начала теста я отдал лист и направился к выходу из аудитории.

- Но, молодой человек, позвольте! - А где ваше описание поиска? - спросила меня женщина из жюри.

- Какое такое описание? В задании написано: определите бинарное (родо-видовое) название птицы. Я и написал (к примеру) 1. Славка черноголовка 2. Сорокопут жулан 3. Степной лунь.

- Да, но вы не написали, как вы пришли к такому определению. - Надо написать ваш алгоритм поиска по этой книге «Определитель птиц фауны СССР», - и она указала на толстую книгу, лежащую у каждого на столе.

- Да я вообще не пользовался этой книгой. Я итак знаю названия этих птиц.

- Так нельзя. Возьмите, пожалуйста повторное задание и определите названия птиц. Она принесла мне другие три чучела, которые выбрала особенно тщательно.

Я сходу, даже не записывая в лист, перечислил их названия. Женщина открыла было рот, чтобы что-то сказать, но наша перепалка привлекла внимание какого-то мужчины старорежимного вида. Судя по всему, профессора биофака МГУ.

- Молодой человек, вы что ж, любую птицу так сходу можете определить?

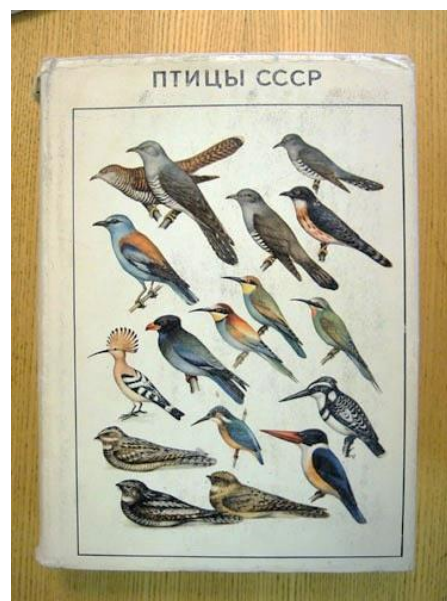
- Ну, наверное, почти любую. Во всяком случае, из тех, которые есть на картинках в этом определителе, - ответил я.

- Любопытно. - Можно вас на минуточку, - и он, взяв меня за локоть, повел к стеллажам, полностью забитыми чучелами. Держа меня на расстоянии, чтобы я не видел, что написано на бирках, он попросил меня определить по порядку птиц, расположенных то на одной, то на другой полке.

Я более менее уверенно называл виды птиц, правда предупредил, что с уверенностью определять их могу только по самцам, так как в основном именно самцы изображаются на картинках.

- Прекрасно. Вы, молодой человек, большой молодец. - Но почему же вы не напишите алгоритм поиска по определителю? - с удивлением спросил профессор.

- Я не знаю, как это делать, - признался я.

- Да это сушая ерунда. - Сейчас я вам покажу.

Профессор взял определитель и показал мне, как надо им пользоваться, чтобы определить вид любой птицы.

- Действительно, просто. Правда для того, чтобы с лёгкостью пользоваться этим определителем, надо полностью владеть терминологией частей тела и оперения птицы.

- Совершенно верно. - Что же нам с вами делать? - потёр лоб профессор. Ладно, вы идите, пока мы тут посовещаемся.

В конце концов, мне присудили почётное четвёртое место, и Николай Николаевич Дроздов (ведущий «В мире животных») вручил мне грамоту и набор ручек или фломастеров с олимпийской символикой.

После обеда мы встретились в гостинице и начали обсуждать прошедший день. Вдруг Мишка предложил пойти в ресторан. Какие-то деньги у нас были с собой, и мы, не долго думая, согласились с его предложением. Это было моё первое посещение настоящего ресторана без родителей. Усевшись за столик, мы заказали какой-то мясной салат и что-то ещё из самого дешёвого. Пока официант записывал заказ, неугомонный Мишка добавил:

- И принесите нам бутылочку белого вина.

На что работник общепита даже не повёл глазом. Мол, салабоны же ещё. После ресторана мы поднялись в свой номер и принялись пролистывать учебники перед последним днём конкурса.

Мишка залез на подоконник в нашем номере на пятнадцатом этаже, взял в руки бинокль (не помню, откуда он у него там оказался) и стал высматривать людей внизу.

- Скучно, аж жуть - сказал он и сразу зевнул. Давайте что-нибудь придумаем или пойдём куда-нибудь. Вон, посмотрите, какие классные девчонки внизу. - Пойду-ка я с ними сейчас познакомлюсь, - и он вышел из номера на охоту.

Минут через десять он вернулся и заявил, что пригласил девиц прийти этим вечером к нам сюда в гости на бутылку молдавского вина. Оказалось, что они тоже участники биологической Олимпиады и приехали откуда-то, откуда я уже не помню. Вообще же, как потом выяснилось, практически все участники этой Олимпиады были нашими соседями и жили с нами на том же этаже.

- А где ты молдавское вино найдёшь?

- Так у нас же есть бутылка. Помните, мне наша Евгеша в аэропорту дала?

- А ей что ты скажешь?

- Скажу, что случайно разбили.

Мы удивились его дерзости, а впоследствии и как ему это легко сошло с рук. Был он сыном каких-то известных профессоров - биофизиков и, как все сынки больших родителей, довольно балованным и не обременённым формальностями отроком. При всём при этом он действительно был очень эрудированным парнем.

Вечером пришли девчонки, но привели с собой ещё двух парней из своей делегации. Боялись чего-то, что ли? Мы перезнакомились, разлили по граммулке единственную заныканную от наших сопровождающих бутылку вина и приступили сначала к светским, а потом к более

общим темам разговора. Ребята сказали, что они тоже хотят поучаствовать в алкогольном спонсировании вечеринки и ушли на поиски мятного ликёра. Спустя немного времени они вернулись, но не только с двумя бутылками ликёра, а ещё привели с собой гостей из какой-то (по моему латвийской) делегации. Те же в свою очередь принесли две бутылки «*Советское Шампанское*» и керамическую бутылку «*Рижского бальзама*», которую также как и мы, везли кому-то в дар. Высокий парень из Прибалтики сказал, что ему нужен лёд для коктейлей. Мы вообще не понимали, о чём речь. Тогда он сам отправился на поиски. Хотя у нас и был довольно большой номер, но стало немного тесновато, так как уже набилось немало людей. Потом оказалось, что напротив нашего номера находится номер ребят из какой-то азиатской республики. Они присоединились к нашей вечеринке, и мы уже более комфортно распределились на два номера. Народ постепенно разбился на небольшие кучки, где в каждой из них велись дискуссии на какую-то определённую тему. Гвалт стоял невероятный. Кто-то закурил, кто-то начал подражать курящим, пытаюсь выставить себя независимой взрослой личностью. Короче, дым стоял коромыслом. Однако из-за того, что мы были все соседями, то некому было жаловаться на нашу спонтанную научную вакханалию.

Вернулся высокий прибалтиец с ведёрком наколотого льда и пол-литровой бутылкой столичной водки.

- Где ты взял лёд?

- Лёт ест всекта в отеле, - с лёгким прибалтийским акцентом ответил он. - Нато просто настоятельно просить портъе. И он приступил к изготовлению коктейлей.

Алкоголь нас ещё больше разогрел на дискуссию. Мы принялись умничать, философствовать и бурно обсуждать разные темы, в том числе довольно глобальные, такие как вопросы расизма, религии, происхождения и смысла жизни. Большинство ребят выступали лидерами в разговоре, тогда как девчонки в основном зачаровано наблюдали за ними, ожидая, видимо, более пикантных тем. И вот, как только подогреваемые коктейлями, мы коснулись вопросов возможности существования любви у животных и разности между любовью и сексом, они активно включились в беседу, при этом стреляя глазками своим визави.

Вскоре Андрюша, один из членов нашей делегации и какая-то девица так перевозбудились обсуждаемой темой, что срочно стали нуждаться в уединении. Не найдя ничего подходящего, они забрались в единственный платяной шкаф, в котором просидели чем-то там занимаясь всю ночь. А когда, в конце концов, кто-то под конец вечеринки всё-таки открыл дверь того шкафа, они с бледными, полуживыми из-за гипоксии (недостаток кислорода) лицами, кулями вывалились на пол. Впрочем, на их лицах всё же можно было разглядеть умиротворённые от сладкого времяпрепровождения улыбки.

Я променял свой призовой набор ручек с олимпийской символикой высокому прибалту на гдээрговскую ручку-перевёртыш с раздевающейся девушкой. Предприимчивый прибалт сказал, что всё, что имеет олимпийскую символику, очень хорошо меняется шведами у них в порту на разные шмутки.

На следующий, самый важный день мы с красными от недосыпа глазами попёрлись на Олимпиаду, где показали совершенно невпечатлительные результаты, после чего отбыли домой.

Лагерные мытарства

В раннем детстве, как только наступали летние каникулы, нас отправляли на всё лето в село к маме на родину, в Украину. Я там приобрёл друзей - гарных парубков, с которыми мы весело проводили время. Речка, лес, грибы, ягоды, колхозная сельхозтехника, криница, сад с яблоками, веломашинка (велосипед), корова, парное и топлённое молоко, кролики, крыжовник, еда из печки, раздолье и счастье. Когда я возвращался с каникул, то уже бегло мог балакать на украинской мове. Однако после четвёртого класса моими родителями было решено отправить меня в пионер лагерь, где я и отмотал свой первый срок.

(1) Хотя в лагерь меня послали вместе с сестрой, но наша разница в возрасте (шесть лет) априори подразумевала совершенно отдельное наслаждение предстоящим пионерским отдыхом. Лагерь «Медик» находился на берегу Чёрного моря в Сергеевке и предназначался для детей медицинских сотрудников. Мама нас проводила до автобусов, которые, выстроившись в ряд, ожидали погрузки. Перед отправкой всех детей сразу распределяли по отрядам, согласно их возрасту. Каждый автобус вёз какой-то один отряд, состоящий из 25-30 радостных пионеров. Правда, на моём лице никакой радости и близко не просматривалось. Я был зол на маму за то, что посылает меня на погибель. На сестру за то, что мы не будем там вместе и вообще на весь белый свет.

- Сыночек, займи себе место впереди автобуса, там меньше укачивает.

- Ну и пусть, - огрызнулся я и, нахмутив брови, влез в вонючий красный ЛАЗ.

Разместился я назло мамане, на заднем сидении возле окошка. Она махала руками, указывая, чтобы я пересел вперёд, что-то пыталась сказать, но я, насупившись, как воробей зимой, злобно смотрел в окно. Типа, вот смотри, какого сокровища ты лишаяешься. Через минут десять зашла какая-то женщина и несколько раз пересчитала нас по головам. Потом, с довольным выражением лица, видимо всё у неё сошлось, крикнула в окошко, что у неё полный боекомплект. Автобусы, выплёвывая едкий дым из выхлопных труб, завелись. А как только водитель закрыл двери, родители бросились к окнам с последними наставлениями своим чадам. Кто-то что-то орал, кто-то махал на прощание руками, кто-то украдкой утирал слёзы. Всё. Поехали. Вперед с сиреной рванули гаишники, перекрывая все перекрёстки, чтобы колонна из 15-16 автобусов беспрепятственно проследовала через город.

Уже через пару дней своего пребывания в лагере, я удостоверился, что все мои самые худшие опасения полностью оправдались. Лагерь оказался самого что ни на есть строгого режима. Наши воспитатели и вожатые были самыми настоящими маньяками строевой подготовки. Они нещадно муштровали нас с утра до вечера. Мы маршировали и по одиночке, и строем, выкрикивая

слова какого-то рэпа с коммунистическим содержанием, который назывался «речовкой». Орали песни про белую бескозырку и воротник в полоску. Я стоически страдал от такого времяпровождения и лютой ненавистью возненавидел на всю жизнь строевую подготовку.

Небольшое отступление по этому поводу. Однажды, где-то классе 10 в нашу школу пришла разрядка отобрать человек 30 для несения почётного караула у «Вечного огня». Наш военрук, со свойственной всем военрукам прямолинейным рвением, начал нас муштровать. Промаршировав по 2-3 часа в первые тренировочные дни, я понял, что это надолго и решил позорно дезертировать. Прошу понять меня правильно, я был совсем не против постоять у Вечного огня, отдавая долг памяти нашим павшим солдатам. Но бесполезно истязать себя многочасовой муштрой на протяжении нескольких недель, нет уж, позвольте. Я просто пошёл в поликлинику и сказал, что у меня болит нога. Врач без проблем выдал мне справку-освобождение от всяких физических нагрузок, связанных с ходьбой, и таким образом меня отстранили от муштры. Надо заметить, что мой пример оказался заразительным и, по-моему, все будущие защитники Отечества из нашего класса воспользовались проторенной тропинкой, получив подобные освобождения.

С треклятой муштрой я ещё раз столкнулся, но уже в армии. Там возможности избежать этой кары не было никакой. Как говорится, не ты выбираешь армию, а армия выбирает тебя. Надо же было такому случиться, что именно в то время, когда я попал в Московскую учебку младших авиационных специалистов, этой самой учебке решили присвоить боевое знамя полка. Кстати, это была чуть ли не единственная учебка в Союзе, которая удостоилась такой чести. Я так думаю, что за подготовку прапорщиков (входило в её состав такое подразделение, как «Школа Прапорщиков») для службы в Сирии и в разных африканских странах. Зима в тот год была лютая. Доходило до минус 30. А так как это была Москва, то генералов по этой учебке шло каждый день немереное количество. А штабным генералам, что важно? Правильно. Чтоб на солдате форма ладно сидела и чтоб он шаг чеканил параллельно и симметрично. Так вот, в рамках подготовки к параду, посвящённому получению боевого знамени, истязали нас строевой муштрой просто безбожно. И тогда я смекнул, что если я овладею приёмами этой проклятой строевой подготовки,

то меня припадут для какой-другой деятельности. Парень я был ловкий, с координацией движений у меня было всё отлично, и я за короткое время, хоть и не на уровне кремлёвских курсантов, но всё же, довольно не плохо освоил все приёмы строевого устава. Командиры заметили мои успехи, и впоследствии, хотя и не совсем так, как я себе предполагал, но от изматывающей муштры я был избавлен. Меня назначили следить за тем, как тренируются другие, указывать своим товарищам на их недостатки и помогать им осваивать трудную науку телодвижений. Я стоял посреди плаца, по которому вышагивали мои сослуживцы, повторяя «ать-два», «ать-два», а также водил взвод на занятия или даже целую роту в столовую и обратно. Ну ладно, вернёмся к делам лагерным.

Не только я страдал в том пионерском ГУЛАГе. В те недолгие промежутки свободного от муштры времени делать было в отряде абсолютно нечего, и уходить куда было нельзя. На море нас вывозили после завтрака, и находились мы там до обеда, где покорно сидели на песке в огороженном периметре.

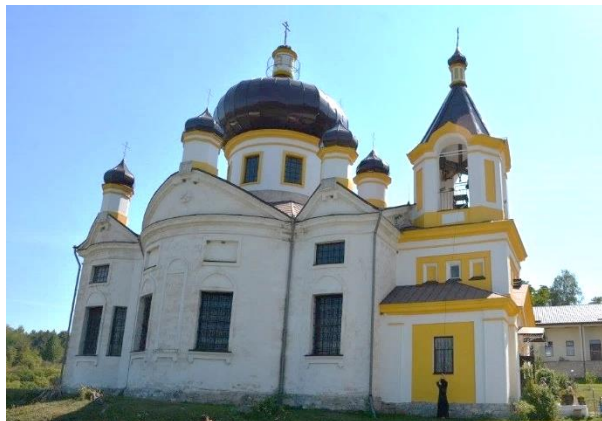
Примерно раз в час нас загоняли по колено в море минут на десять, и то, если совсем не было волн. Короче, жизнь была хоть вой, хоть плач, чем многие и занимались. Возле отряда даже была специальная скамейка для плача, куда можно было присесть и поплакать за далёким покинутым домом. Я долго сопротивлялся соблазну посидеть на той скамейке, но однажды всё же не сдюжил и присел ненадолго.

Выдавив на спец-скамейке из себя слезу отчаяния, я бросился писать домой письмо, где всё описал, умоляя меня срочно забрать, либо мне тут хана. По всей вероятности, мои страдания больно ранили мою маму прямо в сердце, так как через несколько дней, меня наконец-то навестила моя сестричка. Получив в письме от мамы взбучку, она пришла ко мне в отряд и угостила арбузом, который добыла на близлежащей к лагерю бахче, совместно с хлопцами из своего самого старшего отряда. Я жрал сладкий арбуз вперемешку со слезами благодарности и отчаяния. К счастью, всё когда-то кончается. Так и мой срок подошёл к концу. Меня доставили обратно домой, и я зарёкся в будущем ездить в какой-либо лагерь. Конечно, мой зарок был впоследствии забыт, и я ещё в общей сложности отмотал до окончания школы не менее восьми лагерных смен.

(2) Второй лагерь, в котором мне пришлось чалиться, назывался «Зойка» (имени Зои Космодемьянской) и находился возле села Кондрица в молдавских Кодрах. Режим там был, несомненно, менее строгий, так что я там побывал даже пару раз. Сам лагерь располагался у подножья крутого холма на территории бывшего монастыря. Посреди «Зойки» находилась церковь, в которой по старой коммунистической традиции разместился склад, набитый каким-то

хламом. Детвора из старших отрядов размещалась непосредственно в бывших монашеских кельях со стенами в метр толщиной. В таких кельях даже посреди жаркого молдавского лета было всегда

В советское время в этой церкви находился пионерлагерный склад.

Палаты первого отряда, бывшие и настоящие кельи монахов.

промозгло. Запомнился мне этот лагерь тем, что я научился там играть в шахматы и плавать. А ещё я там познакомился с Андрюхой Максимом, с которым через несколько лет познакомился

Пионерлагерь имени Зои Космодемьянской. Кондрица. Фото Леонида Школьного.

ещё раз, но уже в стенах научного общества учащихся. Одним из мест нашего времяпровождения была вершина холма, где мы добывали голубую глину и лепили из неё всякие поделки: пистолеты «Кольт» и «Наган», какие-то машинки и фигурки животных. Потом, после их сушки, мы разводили костёр и обжигали свои поделки, превращая их в «терракоты». Ещё помню, как ко мне приехала сестра. Точнее она пришла пешком с юношей, который жил в нашей пятиэтажке, и его друзьями. Мы пристроились на

пикник на полянке в близлежащем к лагерю лесочке. Сестра меня пичкала всякими вкусностями, а её друзья, перекусив и распив бутылку вина, стали показывать мне «игры настоящих мужчин». Они перекидывали друг другу пустую бутылку, ловко подхватывая её налету, при этом жутко гордились своей ловкостью и сноровкой. Я же жевал мамину передачу и, развесив уши, слушал, как они понтуются своими «бутылко-швыряющимися» навыками.

- Всё, пацан. Нам надо идти. Пошли, мы отведём тебя в лагерь. Будь молодцом и отсиди с честью свой срок.

- Как же так. Вы что, уже уезжаете?

- Нет, мы уходим. Мы сюда вышли в 6 утра, а пришли только к полудню. Час у тебя и 6 часов нам надо на обратную дорогу, так что дома мы будем только вечером.

- А что на автобусе «настоящие мужчины» не ездят? - наивно спросил я.

- Никогда. Только пешком.

Мы распрошались, и я поплёлся досиживать свой срок.

(3) - Костя, я взяла тебе путёвку в лагерь на море, - заявила мне мама, заходя в дом после работы.

- На какое море? Куда? В проклятый «Медик»? Я ни за что туда не поеду. Я лучше сбегу из дома.

- Ну как же, как же. Там море, солнце, воздух. Тебе там будет хорошо. Тем более, что ты постоянно зимой болеешь ангинами. Море тебе просто необходимо.

- Нет! Хоть стреляйте.

Так мы припирались до вечера, а когда пришёл с работы отец, то родители принялись в два голоса убеждать меня в целесообразности поездки в тот треклятый лагерь. В конце концов, я сдался и покорился родительскому произволу, но поставил условие: я поеду только в том случае, если со мной вместе поедет какой-нибудь мой приятель. Мама сказала, что это не проблема, и она сможет достать ещё одну путёвку. Выбор подельника выпал на моего дружка Ваську Ярыгина, которого я прозвал Бациллой. Наверное, у меня возникла такая ассоциация от производных его имени, внешнего вида и темперамента. В довесок к Бацилле с нами поехал ещё какой-то среднеазиатский родственник маминой подруги, доставшей нам путёвки.

Я, Васька Ярыгин и кто-то ещё.

По прибытию в лагерь нас для начала собрали на открытой эстраде, где начальник режима довёл до нас лагерные правила и распорядок. Мы сидели на длинных скамейках и с унылыми лицами слушали его наставления, запреты и пожелания.

Вдруг кто-то, сидящий позади, неожиданно пощекотал меня по рёбрам. Я повернулся и увидел смеющееся личико симпатичной девчонки.

- Тики-точки, - произнесла она с улыбкой.

- Что это было? - не понял я и взглянул на Бациллу, которого также только что «тики-точкнули».

Мы растерялись, не зная, как реагировать на такой беспредел. Вроде мы уже вышли из того возраста, когда мальчишки дёргают девчонок за косички в знак того, что «ты мне нравишься», а уж если огреть её портфелем по башке, то это было вообще явным проявлением

зачатков любви. В то же время в другой, «шуры-мурный» возраст мы ещё только вступали и понятия не имели, как должны поступать настоящие пацаны в такой ситуации. Поэтому мы просто сидели и терпели их «тики-точки» на своих рёбрах, каждый раз оборачиваясь на проявление приятного насилия с глупой улыбкой. Знали бы они, какой вулкан будят...

Одним из самых лучших занятий в этом лагере было, и, чтобы вы думали, дежурство в столовой. Вся работа заключалась в том, чтобы накрыть посуду на обед и разлить компот перед тем, как отряд возвратится с моря. Всё остальное время подразумевалось, что дежурные должны проводить в чтении книг или игре в шахматы, или ещё занимаясь какой-то пионерской фигнёй. Мы же это время тратили на ловлю бычков в лимане. И ловили мы их в трубах. Хитрость такого способа рыбалки заключается в том, что

бычок - рыба, живущая в норах. Для него любой предмет, лежащий на лиманском песчаном дне, уже представляет собой жилище-укрытие. Таким образом, если раскидать на дне обрезки труб, то для бычков они будут служить просто фешенебельными отелями, в которых они с нескончаемым удовольствием могут проводить всё свободное от кормёжки и любви время. Зная такие «трубочные» места, надо просто медленно бродить и шарить ногами по дну лимана. Благо там редко бывает глубже, чем подростку по горло. Нашував ступнями трубу, надо осторожно вытащить её из воды, зажав с двух сторон ладонями. Потом, слегка раздвинув пальцы одной руки, надо слить воду в сетку-авоську или полиэтиленовый кулёк, которую держит твой товарищ. Таким образом, за час - другой можно наловить пару кило рыбы без всяких крючков, лесок и удочек. Бычки потом чистились, солились и вывешивались длинными гирляндами для просушки на чердаке отрядного барака-палаты. Через пару дней пища богов уже готова.

Вторым занятием, было безудержное поедание зелёных грецких орехов, коих в том

лагере росло немерено. Сначала перочинным ножиком срезалась зеленая попка шкурки орешка, потом лезвие вставлялось в маленькую щёлку между двумя скорлупками и проворачивалось. После чего орешек разламывался на две половинки и оставалось только выудить сердцевину, очистить её от тонкой шкурки и отправить в рот для получения веземного наслаждения. Всё было прекрасно в этом занятии, кроме двух вещей. Первое - это проблема с перочинными

ножами. Были они у избранных, и иногда приходилось долго ждать своей очереди. Второе - это то, во что превращались наши руки и губы. Но если с первой проблемой можно было справиться: стащить из столовой алюминиевую ложку и заточить ручку прибора об асфальт, превращая её в подобие лезвия ножа, то со второй проблемой справиться было практически нереально. Молодой орех содержит столько йода, что, почистив и съев три-четыре ореха, наши пальцы и губы приобретали ядовито-коричневый цвет, что, как вы понимаете, не способствовало успеху в жесткой конкуренции за свидания с особями противоположного пола. Мы пробовали чистить орехи, натягивая целлофановые кульки на руки, но терпения не хватало, да и некоторые действия всё равно надо было делать голыми пальцами. Поэтому всегда стоял вопрос, какое наслаждение выбрать: гастрономическое, либо душевное.

Ещё одно лагерное занятие, которое приходит на память - это ночное мазанье. Изображая из себя диверсионный отряд, мы ночью проникали ползком в девичьи палаты и выдавливали зубную пасту на их мирно сопящие лица. Чтобы девки не проснулись от сего действия, мы сначала согревали пасту у себя подмышками. И ни в коем случае нельзя было мазать болгарским «Помарином». Он был жутко жгучим и намазанные часто просыпались. К тому же от него оставались покраснения на коже. Хотя некоторые «бабаненавистники» ратовали за такие изуверства и даже предлагали использовать зелёнку или чернила, мы старались вести себя по джентельменски и не позволяли особого жесткача. Особым шиком было выдавить пасту на ладонь жертвы и потом пощекотать её за нос или щёку. Такой способ мы называли «самоубийством».

На утро девки, просыпаясь, визжали и жаловались вожатым. Те, в свою очередь, обещали найти виновных. Они устраивали шмон, проверяя, у кого какая паста. Нюхали, сравнивали, но заловить им нас не удавалось. Более того, для подстраховки мы делились зубным порошком, а тюбики с пастой хранили в секретках, что полностью сбивало их со следа.

Но каждый преступник рано или поздно попадает. Происходит это либо из-за неспособности вовремя остановиться, либо из-за глупости или случайности. Мы же спалились из-за неожиданного недоразумения. После очередной нашей удачной ночной вылазки, вожатые и воспитатель провели обыски и, не вычислив изуверов, поклялись лечь спать вместе с девицами в их палате. Благо для девиц, всё надзиратели нашего отряда были женского пола, но через пару-тройку дней, забыв свои обещания, те вернулись на ночлег в свои комнаты. Мы же, для пущей уверенности, выждали ещё несколько дней. Потом предприняли контрольную вылазку и, убедившись, что вожатых и воспитателя в девичьей палате нет, на следующую ночь пошли на дело. Мы проникли в палату и расползлись в разные стороны, хищно предвкушая удовольствие от предстоящей забавы. И вот, проползая мимо чьей-то кровати, я увидел две свисающие массивные ступни слегка волосатых ног. «Чьи же это лыжи? - недоумевал я». Словно пытаясь мне ответить, массивные ступни вдруг начали чесать себя друг об друга. Перед моим носом замелькали не нежные девичьи пяточки, но настоящие копыта с кожными растрескавшимися наростами. Я понял, что это засада и сейчас нас схпают. Перед глазами вихрем пронеслись горестные лица родителей, изгнание из школы, детская колония строгого режима, или на худой конец, постановка на учёт в детскую комнату милиции. Я резко попытался встать и сообщить пацанам о «шухере», но больно ударился головой об раму кровати, под которой скрывался. От боли я взвыл, а та, кто

лежала надо мной, вскрикнула от страха. Девки начали вскакивать со своих кроватей, и одна впопыхах наступила на Бациллу. От неожиданности они заорали вместе, тем самым пугая друг друга ещё больше. Я наконец-то выполз из под кровати и узрел, как наша воспитательница (владелица массивных ступней), уселась на кровати, словно сомнамбула, пытаясь впотьмах хоть что-то разглядеть. Она медленно потянулась ко мне, издавая при этом нечленораздельные гортанные рыки. Оцепенев от ужаса и не сводя с неё взгляд, я начал пятиться задом к выходу, задевая походу тумбочки и табуретки, и усиливая тем самым всеобщий переполох. Мы с грохотом и несмываемым позором, но всё же удачно ретировались из девичей палаты и ринулись в свою. Так что к тому времени, когда у девок всё же зажгли свет, мы, натянув простыни на голову, исходили мелкой дрожью уже у себя в кроватях. Через пару минут, растрёпанная воспитательница, в окружении вожатых ворвались, в нашу палату. Но их поезд уже ушёл. Мы наглухо ушли в полную несознанку.

(4) После последней отсидки, мои представления о лагере слегка изменились. «Что ж, и там люди живут, - философски заключил я». Поэтому в следующий раз, когда мне представилась возможность отбывать очередной срок, я не без энтузиазма согласился. Тем более, что в следующем лагере, куда я отправился, чалилась вся братва из нашего дома. Лагерь был ведомственный, от «Министерства Заготовок МССР» от коего, кстати, и была наша пятиэтажка. А дело начиналось так. Мои родители со своими друзьями выехали на пикник с ночевкой куда-то загород. Ну и меня с братом прихватили. Какое-то время я пытался себя там чем-то занять. Побродил по лесу, попинал мяч. Батя мне даже дал проехать на машине пару сотен метров по грунтовке. Потом мне развлекать себя стало нечем, и я заскучал. Это заметил один мужик из нашей компании и предложил отправиться с ним в лагерь на Днестре, где он служил лагерным лепилой, т.е. доктором, и где, по его словам, находится вся орава из нашего дома.

- А как же путёвка? – спросила мама.

- Нема проблем. Всё будет «чики-пики», - заверил её врач. - Оформим его на месте.

Секунд за пятнадцать мои родители собрали меня и, благословив, отправили на очередной срок.

Лагерь «Спутник», в Оницканах оказался местом особо легкого режима. Это был триумф победившей анархии, такой ярко выраженной, что даже сам Нестор Иванович обрыдался бы от счастья. Я вообще не припоминаю там существование каких-либо смотров, линейек, речёвок и прочей пионерской лабуды. Нас кормили по часам, пытались развлекать всякими фильмами и экскурсиями, но большую часть времени мы были предоставлены сами себе. Мы бегали купаться на Днестр тогда, когда нам вздумается. По дороге заходили в сад, где до отвалу обжирались яблоками «Белый налив».

Прямо за лагерем проходил канал, по которому текла вода для полива близлежащих сельхозугодий. Шириной метра три-четыре, не более. Так вот, мы каждый день вылавливали из него до килограмма небольших карасей. Их там обитала целая прорва. Они так там расплодились то ли из-за того, что мы их хорошо подкармливали (таскали тарелками еду из столовой) то ли потому, что они приплывали туда со всего канала на халявную еду. Поначалу мы улов солили и

сушили. Потом стали обменивать его у наших поварих в столовой на сухофрукты, из которых они варили для нас компот. Мы набивали полные карманы черносливом, грушами, изюмом, яблоками и жевали целыми днями, празднично шатаясь по лагерным делам. Потом, уже просто всю рыбу отдавали поварам, а под конец и вовсе перешли на спортивную рыбалку. Поймал-погладил-отпустил. Интересно, что настоящих снастей для рыбалки, по-моему, не было ни у кого. Из гибкой ветки выстругивали недлинное удилище и наматывали на него обычную нитку. В качестве грузила шли любые гайки и куски проволоки, а за поплавки сходили птичьи перья. А вот с крючками, приходилось немного повозиться. Мы их изготавливали из канцелярских скрепок, заточенных об асфальт.

Мне так понравилось в этом лагере, что я и летом следующего года снова посетил это благолепное местечко. Второй срок там существенно отличался от предыдущего. Ну, во-первых, я стал старше, меня определили в крайний отряд. Во-вторых, несколько моих друзей по дому уже числились там работниками, что создавало условия для ещё более вольготного времяпровождения. В частности, один парень из нашего дома подрабатывал в лагере электриком, другой художником, а третий занимался мелким ремонтом жилья, замков и прочей ерунды. Мы жили в домиках по четыре человека, а не в бараках-палатах, рассчитанных на весь отряд. В эту смену нам завезли целую шоблу пионеров из Москвы. Видимо, детёнышей каких-то сотрудников, но уже Всесоюзного министерства. Ребята более-менее легко влились в наш молдавский коллектив, а вот мамзели некоторое время важничали и кривлялись. Однако со временем, поняв, что их снобизм и столичный выпендрёж всем в лагере был абсолютно до лампочки, смирились и покорились всем прелестям колониального отдыха. Нас возили на экскурсию в Кишинёв и даже покататься в море куда-то на пляж под Одессу.

Воспитательница нашего отряда была в самом расцвете своего заката и, как она сама себя считала, зайдлой театралкой. А несколько девиц-пионерок из Москвы, в свою очередь, посещали в городе-порте семи морей какие-то театральные студии. На почве невообразимой любви к искусству они быстро сошлись и решили организовать свой театр. Понятно, что воспитательница сразу захватила должности художественного руководителя и главного режиссёра. Девушки стали ведущими актрисами и после жесткого кастинга отобрали в труппу ещё несколько актрис, в основном из своей московской тусовки. Но так как в репертуар прославленного коллектива входили и пьесы с мужскими персонажами, они ринулись на поиски кандидатов. Надо сказать, что для большей части претендентов на мужские роли само слово театр было в новинку. Отчасти потому, что они едва говорили по-русски, отчасти, по-видимому, из-за того, что в тех бедных молдавских деревнях, откуда их привезли, театр был в то время не в моде.

- Сударь, не соизволите ли вы принять участие в нашей постановке в качестве артиста? - спросила одна из рабынь искусства, залюбовавшись меня где-то на выходе из столовой.

Я некоторое время всматривался в её лицо, пытаюсь понять, сможет ли она мне понравиться. Усилия, потраченные мною на взгляд, не оправдали увиденное.

- Не врубился. Повтори, чё те надо, - довольно развязно сказал я.

- Мы хотим создать при лагере театр, и нам нужны артисты. Мы приглашаем тебя попробовать на роль ...(кого-то).

- Сама подумай, кому и что ты предлагаешь, - с гонором вора в законе ответил ей я.

Надо сказать, что наша воспитательница, разглядевшая во мне выдающийся, но пока ещё нераскрытый актёрский талант, наблюдала за нами со стороны с нескрываемым интересом настоящего опытного селекционера. Девушка повернулась к ней с вопросительным выражением лица. Та же, кивнув головой, решительно повела одной из своих могучих бровей вверх, давая сигнал «усилить натиск».

- А что такое?! Мы хотим, чтобы ты играл в нашей пьесе. - Дошло? - грубо и заносчиво пояснила мамзель.

- Отстань от меня, мырма, - я сплюнул сквозь щербинку в передних зубах и с чувством превосходства удалился прочь.

Ошарашенная таким к себе отношением, московская фифа бросилась за утешением к воспитательнице.

Прошло ещё несколько дней, и уже сам художественный руководитель, вышла на мой след. Она выследила меня и вырвала из компании сотоварищей, с которыми я играл в буру на конфеты.

- Константин, прошу вас на разговор, - сказала она.

«Почему не Константин III, - подумал я и с неохотой поплёлся за воспитательницей». «Бить будете, мамаша? - надо было бы спросить её, но к тому времени с творчеством Булгакова я ещё не был знаком, поэтому спросил просто: Так и шо за проблемы?»

Вдохновитель Оницканского театра вежливо и тактично объяснила сложившуюся в театре непростую ситуацию, посетовала на творческий кризис у знаменитого коллектива, на плачевное состояние сцены и декораций, на текучку кадров и т.д. и т.п. За участие она сулила всякие ништяки, совершенно мне неинтересные. Просила не обижать наших московских гостей, которым и так не сладко на чужбине, вдали от родины. И если им не дать вволю порезвиться на сцене, то они могут вообще загнуться от тоски и безысходности.

- Хорошо. Но почему я!?

- А больше некому. Мы всех вменяемых уже попробовали. Сначала вроде бы ничего, но как на сцену выйдут - немеют...

- А почему вы думайте, что я не немею?

- Я знаю. Я опытный педагог.

Тут она начала перечислять все свои достижения. Что она чуть ли не ученица Крупской и Сухомлинского. Что у неё колоссальный педагогический стаж, что у неё в учениках были...

«Врёт. Столько не живут», - подумал я. Но сказал, что вынужден отказать, т.к. занят на более ответственных позициях в лагере.

- Это на каких же? – полюбопытствовала ученица Сухомлинского.

- Я капитан футбольной команды и ответственный за составление списка уборки территории.

- Футбол подождёт! - рубанула она рукой. Он должен уступить место театру. Ну, а список... ты ведь уже составил его на всю смену вперёд. - Так что на сцену, друг мой на сцену, - похлопала по плечу меня старая перечница.

- Не, всё равно не пойду, - пошёл я на принцип.

- Жаль. Ты сильно разочаровал меня и подвёл своих московских друзей. Она махнула в сторону моих партнёров по картам и чуть ли не смахнула со своей щеки слезу отчаяния.

- Как!? - Они играют в театре!?! – у меня перекошилось от удивления лицо.

Дело в том, что Миха и Коляпа, мои московские приятели, громче всех гоготали и паскудили поклонников искусства Мельпомены. Они оба склонили головы, уличенные в двуличии, и тут же сообщили, что и мой напередший лагерный кореш Вадик Образцов тоже якшается с театрами.

«Как! И ты, Брут?»

В конце концов сдался и я. Я махнул рукой и бросился с головой в омут театра. По правде говоря, в памяти совершенно не осталось, что мы там ставили и в роли кого я там участвовал. Помню только, что у меня классно получалось показывать животных. Были какие-то состязания на сцене между командами, где участники должны были изображать каких-то животных, а зал отгадывать. Так вот, всё, что я показывал, отгадывалось на раз, хоть были и сложные персонажи типа слона или выдры. Видимо, уже тогда биолог прочно сидел во мне.

Футбол был одним из самых любимых занятий в лагере для многих пацанов. Мы рубились в него с утра до вечера. Футбольное поле, конечно, желало быть лучшим. Его форма была скорее трапециевидным, чем прямоугольным, да ещё и под небольшим уклоном. Под стать были и ворота. Хоть и те, и другие ворота были равнобедренными трапециями и равными по площади, первые были немного шире внизу, а вторые, наоборот, немного шире сверху. Также нам периодически приходилось воевать с селянами, которые привыкли использовать поле как пастбище, где они всё время норовили привязать своих коров на выпас. Так что из-за обилия коровьих лепёшек на поле оно было ещё и минным. Мяч поначалу нам выдали новый, но из-за сумасшедшей нагрузки на него буквально через неделю он превратился из круглого в

неправильный эллипс. Шнуровка кое-где перетёрлась, и из неё местами торчали вздувшиеся пузыри камеры. Летел такой мяч по довольно замысловатой траектории, которую никак нельзя было не рассчитать, не предугадать.

Наше увлечение футболом не прошло мимо физрука лагеря, коим была молоденькая, но, как впоследствии оказалось, довольно бойкая студентка. Так как народу в лагере было немного, она надумала провести не внутри лагерные, а меж лагерные футбольные соревнования. Куда-то ездила, с кем-то о чём-то договаривалась и, в конце концов, согласовала проведение турнира с другими пионер-лагерями Криулянского района. Собрав из нас сборную, она с энтузиазмом преступила к тренировкам.

- А мячик новый дадут? – промямлили мы хором.

- Конечно. У меня их ещё несколько штук есть, - ответила тренерша.

«Вот же зараза. Мы уже собрались скидываться своими копейками, чтобы заслать гонца в Кишинёв, в «спорт-товары», а у неё ещё в запасе несколько», - зашипели украдкой мы.

Тренерша по долгу службы и учёбы (она была студенткой пединститута на факультете физкультуры и спорта) знала правила игры, а из особенностей её тактики, только то, что касалось расстановки игроков на поле. Мы всегда раньше играли по старой дворовой схеме: вратарь и вся остальная шобла. Ей это показалось очень непрофессионально и архаично, поэтому она расставила нас так, как писали в её учебниках. По её научному замыслу мы должны были передвигаться только в пределах своих зон: защита, полузащита, нападение, левый край, правый край, центр.

И вот через пару дней к нам приехала первая команда из соседнего лагеря. Турнир был составлен по олимпийской системе: проиграл - выбыл. Поэтому мы волновались нехило. А тут накануне вечером, прямо перед отбоем, она зашла к нам в домик и сказала мне доверительно: «На тебя я возлагаю всё надежду. Как на капитана, так и как на форварда команды». Я, естественно, возгордился, но и сильно разволновался. Ещё она принесла мне откуда-то дополнительные подушки, чтобы я подложил их под ноги, когда буду спать. Мол, так по спортивной науке положено. Кровь стечёт вниз и ноги лучше отдохнут. Я подчинился воле тренера и науки и заснул в позе буквы «зю», чтобы достичь полного «дзена» для своих ног. Ночью от этой научной дури меня схватила мощнейшая судорога в правой голени. Что такое судорога, мне до тех пор было неизвестно вообще. Я заорал от боли и попробовал вскочить на вторую ногу. Однако она, по видимому, тоже была уже полностью обескровлена и не желала выполнять свою функцию. Я с грохотом свалился на пол. Мои сокамерники врубили свет и повскакивали на свои кровати с огромными от страха глазами в полных непонятках. Я тем временем вспомнил, как отец мне как-то рассказывал, что однажды, когда он плавал в море, у него случилась судорога. И только благодаря уколу булавкой, которой была сцеплена резинка его плавок, ему удалось нейтрализовать мышечный спазм. Я прокричал своим товарищам, что мне срочно нужна иголка, чем показался окончательно сбрендившим в их глазах. В итоге молодой организм победил хворь, ноги налились кровью, судорога отступила и я выкинув подушки, обессиленный забылся в тяжелом сне.

Утром мы пошли встречать гостей. Как только наши соперники вышли из ржавого «Пазика» мы поняли, что битва будет нешуточной.

- Это что за переростки? – возмутились мои коллеги по команде. Какие же это пионеры? По их мордам и фигурам можно было предположить, что большинство этих амбалов уже состарилось и для комсомольского возраста. Ну что было поделать? Не паспорта же, в самом деле, проверять. И мы приняли неравный бой.

Играли переростки, честно скажем, неважно. Они постоянно пытались «покостылить» нам ноги, поэтому мы всё время прыгали, как козлы. А когда кто-то из них бил по мячу, то мы от него старались или увернуться или просто ложились на землю. Иначе от столкновения с мячом-снарядом мы все по очереди легли бы в том бою без сознания. Со слезами сочувствия мы смотрели на нашего вратаря. Однако попасть своими пушечными ударами в створ ворот у соперника никак не получалось, поэтому и ему удалось выжить. Тем не менее, случалось, что и нам удавалось отобрать у соперника мяч. Тогда мы долго и четко его распасовывали или, проявляя чудеса индивидуального мастерства, доводили врага до полного изнеможения. Правда, делали мы это в пределах установленной тренером своей зоны ответственности, поэтому развить успех нам никак не удавалось. Баталия и даже добавочное время завершились вничью, и, чтобы выявить победителя, решено было бить серию пенальти. На нашего вратаря было жалко смотреть. Мы тщетно пытались его как-то приободрить. В ответ же он бросил на нас взгляд, полный тоски, взглянул на небо и обреченно стал в ворота. В тот день судьба оказалась к нему и нам в целом благосклонна. Переростки били со всей дури, но мяч раз за разом отправлялся либо на Луну, либо на Марс, либо на Венеру. Они ни разу не смогли попасть даже в створ ворот, а вот мы, напротив, забили им пару дуль. Победа была вырвана из лап чудовищ, и мы пару дней купались в лучах лагерной славы.

Вторая игра была на выезде. Нас погрузили в автобус, переделанный из грузовика, и мы задорно потряслись по ухабам грунтовки в какое-то соседнее село. Пылюка в автобусе от проселочного автобана стояла столбом. Мы натянули майки на головы, чтобы не задохнутся, и в таком виде по прибытию повыскакивали наружу.

Соседний лагерь встретил нас с нескрываемой враждебностью. И, несмотря на всякие радостные и жизнеутверждающие слова дирекции, посвящённые нашему приезду и предстоящему спортивному событию, большая часть местных детишек косилась на нас, как пчелы на пыльцу.

Мы отхаркались и отплевались от дорожной пыли, умылись из умывальников с пимпочками и вышли на поле для построения.

- Не понял. - Это что международный матч? - спросил меня наш левый крайний нападающий.

- Наверное, - ответил я, всматриваясь в невообразимо смуглые лица соперника.

Было такое ощущение, что против нас выставили сборную каких-то тихоокеанских островов. Соперники все как на подбор были коротконогими и практически чернокожими жгучими брюнетами. Из светлого у них просматривались лишь белки глаз. Даже зубы были тёмного цвета.

- Видать ромалы с Вулканешт. Там на юге фтора в воде недостаток, поэтому постоянные зубы у местных детишек вылезают сразу черными, - просветил меня наш центральный защитник.

Наши команды, ещё немного посверлив друг друга взглядами, по свистку приступили к игре. Арапчата сразу навязали нам бешенный темп. Они крутились, как юла под ногами и бегали по всему полю, как заведенные. Мы же, выполняя указания тренерши, были ограничены в движении в пределах своих идиотских зон, поэтому постоянно упускали соперника. В конце первого периода мы проигрывали уже несколько мячей. Тогда в перерыве мы решили, что пошла она на фиг со своими зонами, будем играть, как играли раньше. Во втором периоде, пренебрегая тренерскими установками, мы бросились носиться по всему полю. Тренерша поначалу принялась что-то орать, заламывала себе руки и рвала на голове волосы от отчаяния. Но по мере того, как мы сначала сравнивали счёт, а потом и вышли вперёд, наставница успокоилась и даже заметно повеселела. Наш успех во многом был определён исключительно строгой индивидуальной игрой соперника. Они все без исключения были жутко жадными до мяча и, чтобы отдать пас партнёру, у них не могло быть и речи. Таким образом, несмотря на их виртуозную индивидуальную технику игры, справиться в одиночку с тремя-четырьмя противниками было не под силу даже этим «гарринчам» с юга Молдавии. Второе, наше везение заключалось в каком-то невероятном кретинизме одного из защитников противника. Он почему-то постоянно хватал мяч руками. Его били товарищи, на него орал благим матом их тренер, но он с завидным упорством тянул свои руки к мячу, если тот пролетал мимо. За это команда соперника получала штрафные и парочку пенальти, которые мы успешно реализовали. Для меня до сих пор загадка, почему его ни на кого не поменяли или просто не выгнали.

Игра закончилась с каким-то баскетбольным счётом: типа 12-15 в нашу пользу. Соперник был повержен, а мы безмерно счастливы. Потом состоялся праздничный обед, где кроме горохового супа и полусырой котлеты с пшёнкой, нам выдали по две конфетки «Коровка». В конце праздника должны были состояться танцы и местные фетицы (девушки) уже присматривались к победителям. В отличие от девушек, цыганята из побеждённой команды

проявляли к нам всё большую враждебность. Они пытались нас как-то задеть, обзывались, плевались. Всё время настырно расспрашивали нас: «Врей ла бот?», что означало, нет ли у нас желания получить по мордám. В общем, всячески лезли на скандал. Тогда наш водила, видимо знаток поведения цыган, проинформировал нашу тренершу, что дикари наверняка собираются отомстить за проигрыш. Поэтому, во избежание поножовщины, нам надо срочно отсюда литься. Мы ушли по-английски: заскочили в душегубку-автобус и на полном форсаже рванули прочь. Местная братва подрастерялась от нашей прыти, но потом они всё же успели запустить нам вслед пару каменюк, впрочем, не достигнувших, как и их удары по мячу, цели.

Перевозбужденные, мы вернулись в свой лагерь и на радостях протанцевали до упаду весь вечер, но уже со своими почитательницами из лагерного футбольного фан-клуба.

По каким-то независящим от нас причинам турнир на том и закончился. Таким образом, наша сборная осталась навечно непобедимой, т.к. через пару недель перестала существовать ввиду окончания лагерной смены.

(5) Последний мой срок оказался настоящим апофеозом всей моей лагерной жизни. Имея уже за плечами более 7 ходок, я чувствовал себя опытным пионером-рецидивистом. Поэтому, когда мама заикнулась о поездке в лагерь, я сразу согласился. По иронии судьбы, последний срок я мотал в том же месте, где и первый. Лагерь находился на берегу Чёрного моря, в посёлке-курорте «Сергеевка» и назывался «Автодорожник». Туда съехались детишки работников автотранспорта. А я, видимо, попал туда по обмену между ведомствами медиков и транспортников. Сразу же по приезду в лагерь ко мне подошли два пацана и сообщили, что они собираются в деревню за куревом.

Пионерлагерь "Автодорожник". Сергеевка.

- Давай бабки и скажи сколько, и какого курева тебе брать, - сказал мне один из гонцов. Второй, судя по всему, вёл бухгалтерию, т.к. аккуратно записывал в тетрадку: имя, марку сигарет и количество сданных денег. К тому времени, с одной стороны, мне ещё не приходилось фильтровать дым сквозь свои лёгкие, но с другой - народ повально сдавал бабки, и чтобы сразу же не прослыть среди братвы белой вороной, я решил присоединиться к акции.

- А что там есть? - спросил я с деловым видом.

- Ну, в прошлом году из молдавских здесь был «Космос» и «Селена», а из болгарской туфты «Родопи», «Опал», «Ту-134».

Передо мной стоял трудный выбор. Тогда я попросил озвучить цену.

- «Космос» дорогой, по 70 копеек. «Селена» по 40, болгарская туфта по 35, - прояснил ситуацию хлопчик.

- Ну что же, давайте мне пачку «Селень», - решил я, делая компромиссный выбор между патриотической дороговизной и болгарской туфтой. Да и название «Селена» звучало как-то загадочно, нежно и вкусно.

- Одну пачку? - у гонцов полезли вверх брови. Ты думаешь, мы будем каждый день туда бегать?

Я начал лихорадочно прикидывать, где я допустил оплошность в расчётах. «Так, так. Смена длится около трёх недель, это 21 день. В пачке 20 сигарет. Даже если я заставлю себя смолить по одной в день, мне хватит на весь срок. Тогда всё правильно. Чего это они тогда так возбудились? – подумалось мне. Но в ответ я уклончиво сказал:

- Надо будет, сам смогаюсь.

- Ну смотри. - Хозяин барин, - согласились со мной гонцы, и я, отсчитав им 40 копеек, протянул деньги.

Надо сказать, что, несмотря на все усилия пацанов, я так тогда и не втянулся в это дело. Конечно же, как только они принесли сигареты, мы отправились в ближайшие кусты на перекур. Я достал сигарету и прикурил от спички товарища. Набрав полный рот дыма, я подержал его какое-то время и выдохнул. Ощущения были отвратительные. Какая-то вонь и горечь во рту. Однако я постарался скрыть свои негативные эмоции и продолжил процесс самопожертвования. Набирал дым в рот и выпускал тонкой струйкой.

- Пацаны, смотрите, он не в затяжку курит! – ткнул на меня пальцем один из моих новых приятелей.

«Зараза, опять я где-то промахнулся, - подумалось мне».

- Ты что? Так нельзя, так рак губы заработаешь, - начали просвещать меня заботливые товарищи.

- А как надо? – по беспонтовому сдался я.

- Втягивать дым надо в лёгкие, - приступили к ликбезу пацаны. - Вот так, - и они наперебой стали показывать в деталях весь процесс.

Я рискнул повторить, но проклятый дым, застревая во рту никак не хотел пропихиваться внутрь лёгких. Молодой организм бешено сопротивлялся такому насилию и наглухо запирал горло. Несмотря на мои усилия и объяснения пацанов, все попытки протолкнуть проклятый дым, были тщетны.

- Вы неправильно объясняете, - вмешался в инструктаж бывалый курильщик. Смотри, чё надо делать. Берёшь чинарик, и втягиваешь дым со словами: «и...и...и, мама идёт». Когда говоришь «и...и...и» - затягиваешься, а когда «мама идёт» - выдыхаешь.

Я собрался и, мысленно потренировавшись, затянулся. Получилась только первая часть: «и...и...и». Вторая часть текста схоронилась под припадком дикого кашля. Пацаны радостно заржали и, похлопав меня по плечу, заверили, что так и должно быть первый раз. Потом, мол, будет легче.

В последующие дни я ещё несколько раз попробовал затянуться, но всё также плачевно. «На фига мне такое счастье? – подумалось мне, - наверное, ещё не время». И я спрятал пачку сигарет у себя в тумбочке, лишь изредка её вытаскивая, чтобы угостить какого-то из стрельцов.

Меня определили в самый старший отряд, хотя большая часть соотрядников уже вышла из пионерского возраста и была на год-два старше меня. Была у нас также парочка уже совсем взрослых детей. Одного из них звали Гоша, (Георг как он представлялся). Был он сыном физрука и приехал из далёкой Хакасии, страны бескрайних степей, глубоких озёр, высоких гор и хитрых шаманов-кидал. Его бату в своё время за что-то сослали в этот благословенный край, расположенный где-то на задворках Сибири. Он там заделал Гошу, а потом видимо по амнистии, вернулся один в солнечную Молдавию. Гоша каждое лето приезжал к батяне в Кишинёв, вдоволь наестся фруктов и овощей, а заодно и покупаться в Чёрном море. Хоть он и был переростком, но, по-видимому, как сына сотрудника лагеря, его пристроили к нам в отряд. Надо сказать, что мы с ним довольно близко подружились, хотя я совершенно не помню, на почве чего именно. Видимо, и так бывает. Среди братвы Гоша обладал непререкаемым авторитетом, поэтому я стал обладателем своеобразного дипломатического иммунитета. После лагерной смены мы с ним некоторое время переписывались и даже пытались создать свой «бизнес».

Однажды, ещё в лагере, я его угостил жвачкой.

- Ах, какой вкус апельсина, - промяукал сибиряк, с наслаждением жуя резинку. - Где достал такую жову? – полюбопытствовал он.

- Да что там доставать. У нас в каждой кондитерской такие продаются, а делают их в Кишинёве, на фабрике «Букурия».

Он присмотрелся к фантику и по слогам прочитал: «Гу-мэ де мес-те-кат».

- Так это по-молдавски?

- Ну да.

- А сколько стоит?

- Пятнадцать копеек штука.

У Гоши хищно заблестели глаза азарта и предпринимательства.

- У нас такая за рубль, не меньше пойдёт. А ещё есть?

- Да есть несколько, - я вытащил из кармана и протянул на ладони несколько конфет и жвачек.

- О! А это что, клубничная «де местеката»? Он развернул и отправил в рот резинку, экономно завернув в фантик не дожёванную апельсиновую.

- Эта вообще за рубль двадцать пойдёт.

Короче говоря, мы решили наладить бизнес. Я ему отправлю первую партию, он всё продаст, пришлёт мне деньги, на которые я закуплю вторую, но уже поболее. Ну и так далее.

В глазах забрезжились фирменные джинсы, Кадиллак, белый рояль, личный вертолёт, солнечные пляжи Французской Ривьеры и яркие огни Лас Вегаса. Мы погрузились в сложные расчёты дебита и кредита, предвкушая баснословный барыш.

Уже спустя несколько месяцев после лагеря я на сэкономленные от школьных завтраков и обедов деньги купил штук сто жвачек и отослал ему бандеролью. Спустя пару недель от него пришло письмо и один рубль. Он писал, что всё получил и приступил к реализации. Что рубль послал для проверки надёжности почтового канала. После этого от него не было, ни слуху ни духу. То ли повязали за спекуляцию, то ли, что более вероятно, он без зазрения совести просто «кинул» своего поделника, т.е. меня. Что поделаешь: «ничего личного, просто бизнес».

Второго взрослого детину прозвали Кинг Конг. Такое имя ему дал сынок то ли зам. министра, то ли самого министра транспорта, отдыхавший вместе с нами в отряде. Сами то мы тогда ещё не знали, кто такой этот Кинг Конг. А шишкин сынок, имеющий доступ к видеоманитофону и посмотревший одноимённый фильм, чётко подметил сходство между детинкой и громадной гориллой. Конг был сыном музрука (музыкального руководителя) лагеря, поэтому его тоже пристроили к нам в отряд, правда, спал он со своим отцом в отдельной комнате на полу, т.к. подходящих кроватей в лагере не нашлось. Разница между отцом и сыном была колоссальной. Конг был под два метра ростом, с огромными толстыми руками и ногами. На короткой бычьей шее сидела мощная голова с низким, морщинистым лбом и сросшимися бровями, прикрывавшими выступающие надбровные дуги. Конг был, вопреки тогдашней моде, довольно коротко острижен под бобрик. Хотя из ушей и носа этого монстра торчали, как и на голове, рыжие волосы. Но, как все богатыри, парень был довольно добродушным и чувствительным.

Папаша Конга почти никогда не расставался с аккордеоном, из-за которого его едва было видно. Он целыми днями наигрывал какие-то грустные мелодии, мурлыча себе что-то под нос, на котором еле-еле держались большие очки в толстой роговой оправе. Его постоянная печаль, видимо, была вызвана глубокими сомнениями по поводу своего отцовства. Трудно себе было представить, что такое сухое и щедрое «музрукское» тело могло дать жизнь такой горе мяса, каким был Конг. Периодически папаша пробуждался от своей унылой медитации и выдавал очередной философский перл типа: «Не надо судить о человеке только по его перегару...».

Тем не менее, Конг был в батяню хотя бы тем, что обладал необыкновенным музыкальным талантом. Из инструментов он выбрал себе в жертву гитару, которая в его руках выглядела как шестиструнная миниатюрная гавайская укулеле. Как он ни старался, но каждый палец его левой руки зажимал сразу как минимум две струны, поэтому какофония стояла невообразимая. Кроме того, он считал, что чем громче он поёт, тем лучше у него получается. Поэтому, когда он орал очередной шлягер, у него на шее рельефно вздувались три-четыре жилы, а лицо приобретало пунцовую окраску. Казалось, ещё чуть-чуть и он лопнет, словно перекачанный пурпурный воздушный шар.

Иногда он просил, чтобы мы ему подпевали. Понятно, что отказа он не потерпел бы, поэтому мы прерывали свои дела и обречённо садились вокруг него на короткие музыкальные паузы. Из всего репертуара мне почему-то запомнилась композиция «Белфаст» германокарибской поп-банды Boney M (или Бони Мы, как мы её называли). Текст песни, как видится мне сейчас, представляет из себя несвязанную вакханалию из слов о надежде, вере, лжи, ненависти, поражении, прощании и человеческих жертвах. Что-то подобное у нас тогда в душе и творилось. В силу слабого знания английского и ужасного шотландского акцента мы хором (или как сейчас бы сказали, бэк-вокалом) выкрикивали только слово «Белфаст» и словосочетание «Ю кэн трай».

(XOP) Belfast, (XOP) Belfast, (XOP) Belfast

Got to have a belief in

Got to have a belief in

Got to have a belief in all the people

'Cause the people are leavin'

When the people believe in

When the people believe in
When the people believe in all the children
'Cause the children are leavin'
Belfast
(XOP) Belfast
When the country rings the leaving bell you're lost
Belfast
(XOP) Belfast
When the hate you have
For one another's past
You can try **(XOP) You can try**
You can try **(XOP) You can try**
You can try, **(XOP) try, try, try**
To tell the world the reason why
Belfast
(XOP) Belfast
(XOP) Belfast

Если у нас получалось хорошо, и никто ничего не перепутывал, то в конце песни Кинг Конг умиротворённо и радостно давил лыбу. Он закатывал от удовольствия глаза, представляя себя финалистом где-нибудь на конкурсе в польском Сопоте или обладателем Гран-при на Золотом Орфее в Болгарии.

Министерский сынок, как и полагается, был шухерным, бесшабашным, весёлым и щедрым пацаном. Он о многом знал, многое видел и о многом рассказывал. Не в малой степени его можно было бы назвать одним из главных заводил всяких наших противоправных задумок и деяний. Но и он оказался мелким фраером по сравнению с водителем его высокопоставленного батяни. Однажды, уже ближе к середине лагерной смены, шофер министра появился у нас в отряде. Родители через шофёра передали сыну целую уйму всяких вкусностей, коими он поделился с избранными лагерными товарищами. Мы уплетали персики, абрикосы и виноград, которые он целыми ящиками выставил в беседке. Также там были полные подносы разных конфет, шоколадок и пирожных. Я тогда впервые попробовал эклеры, которые люто полюбил на всю оставшуюся жизнь.

Водитель, провалявшись целый день на пляже, к вечеру пришёл к нам в палату-барак переночевать. Хотя на утро ему и надо было отправляться в обратный путь, вечером он был подшофе и настырно требовал всяческих развлечений и гуляний. Парень он был молодой и видный. Он позаимствовал у Кинг Конга гитару, закурил какие-то иностранные сигареты и иногда прикладываясь к бутылке с вермутом, допоздна пел нам всякие блатные песни про Одессу, Колыму и Семена с Молдаванки из репертуара Аркадия Северного. Мы зачарованно слушали его песни, хоть и не всегда понимали, о чём там идёт речь из-за обилия в них фени. Уже после отбоя его сдобренная вермутом кровь бурлила и требовала продолжения веселья.

- А как вы шухерите по ночам? - спросил министерский водитель. Девочек мазать лазаете?

- Да мы как-бы уже переросли это. Если и лазаем, то уже чтобы помазать, а не помазать, - услышал он в ответ от какого-то секс-гиганта.

- Понятно. Но развлекаетесь же как-то по ночам? Не спать же ложиться в одиннадцать часов, - продолжал допытываться неугомонный водила.

Мы молчали, пытаясь лихорадочно вспомнить какие-нибудь послеотбойные подвиги.

- Ну, у нас есть тут пару храпунов. Так мы, чтобы прекратить их ночные пофыркивания и носоглоточные рулады, делаем им велосипедик.

- Ну и как это?

- Вставляешь кусочки бумажек между пальцами на ногах и поджигаешь. Когда огонь подбирается к пальцам, жертва начинает рефлекторно дрыгать ногами, будто крутит педали. Иногда делаем так двоим или троим, устраивая тем самым Тур де Франс или Джиро д'Италия.

- Забавно. У нас так в армате (армии) делали. А ещё чего-нибудь?

- Пытались как-то этим храпунам во время сна над ухом постоянно переливать воду из стакана в стакан, приговаривая при этом: «Пись...пись...пись...». Кто-то сказал, что они обязательно описаются во сне. Часа два мудохались, а они ни в какую. Видимо, лажа это всё.

- Точно лажа, - согласился водила. Ладно, покажу вам один прикол. Пойдёмте, покажите мне, кто там у вас особо злостный храпун.

Мы зашли в палату как-раз в тот момент, когда один из храпунов заходился в сумасшедшей трели.

- Хватайте его койку и несите. Только осторожно, - дал установку молодой проходимец.

- Куда нести? - растерялись мы.

- На улицу, на стадион.

Человек шесть подхватили койку и засеменяли в ночи. Стадион был на приличном расстоянии, так что выносная команда даже запыхалась по дороге. Мы поставили койку посреди футбольного поля, и заботливо укрыв бедолагу одеялом, оставили его там на ночь. Потом водила предусмотрительно ушёл спать в машину, а мы, хихикая, вернулись к себе. Через какое-то время мы с подлым чувством удовлетворения утихомирились и забылись во сне.

Утром мы проснулись от криков и шума.

- Подъём, убудки! - задыхаясь от возмущения и злости, орал наш воспитатель. - Что вы устроили, сволочи?!

МихДимыч, как мы его называли (от Михаил Дмитриевич) метал громы и молнии. Его борода торчала параллельно земле, а глаза сверкали гневом. Мы поначалу не поняли, с чего это он так перевозбудился, напрочь забыв о нашей ночной шалости. Но когда заметили рядом с ним жертву ночного произвола, догадались, о чем речь. Выкручиваться и врать было бесполезно, и мы ринулись в коллективную контратаку.

- А чего эта рожа всё время храпит?! Мы не высыпаемся! У нас скоро нервный тик будет! Сколько нам ещё надо было это терпеть?

Финт ушами оказался удачным. МихДимыч укротился, сел на койку и спросил: «И что теперь делать? Давайте теперь его убьём? Задушим? Расчленим и бросим останки в лиман на съедение бычкам?»

Храпун оглядел присутствующих и испуганно произнёс: «может я домой уеду?»

И в этот кульминационный момент в нас проснулась совесть. Кто-то рванул на поле за его койкой, кто-то начал предлагать недоеденные за ночь конфеты и пирожные. Все вместе начали клятвенно заверять, что такое больше не повторится и что он может храпеть сколько хочет. Парень оттаял, заулыбался и конфликт был исчерпан. МихДимыч встал, махнул рукой и, бубня себе ругательства под нос ушёл. Надо сказать, что слово своё мы сдержали и максимум, что делали в ответ на его храпо-трели, так это просто передразнивали его.

Вообще, работу МихДимыча, конечно же, нельзя было назвать лёгкой. Представьте себе, как надо изодраться, чтобы сдерживать в узде около 20 головорезов. Он всячески пытался казаться нам своим в доску. Играл с нами в карты, позволял пацанам курить, сквозь пальцы смотрел на самоволки в посёлок.

Интересно, что многие наши хулиганские затеи часто терпели крах прямо накануне их осуществления. Мы понимали, что среди нас есть стукачи, завербованные нашим воспитателем. Подозревали даже несколько человек, но ни улики, ни каких-либо доказательств у нас не было. И вот после очередного провала, пацаны захотели прощупать одного из подозреваемых. Решили ввести его в состояние эмоционального шока, при котором он, по их мнению, должен был расколоться. Этот парень вообще вызывал у многих раздражение. Был очень надменным, смотрел на всех свысока, постоянно выпендривался и т.д. Но реально подцепить его для экзекуции было как-бы и не за что. И вот эти паскудники придумали использовать меня в качестве фитиля для взрыва бомбы конфликта. Дело в том, что он стал оказывать знаки внимания одной мамзели, с которой я один раз вечером прогулялся по одной из слабоосвещённых аллей лагеря. Звали девушку Зойка. Она была довольно симпатичной и очень фигуристой. Также она приходилась лучшей подругой для подружки Гоши, с которым мы постоянно вместе кентовались. Однажды на совместной прогулке Гоша со своей подружкой отстал малёха для поцелуйчиков, а мы, чтобы не смущать их, пошли дальше вдвоём. И всё.

- Слушай, тут эта «Каланча» к твоей Зойке липнет. Надо его проучить, а то как-то не пацански, - начали провоцировать меня на конфликт товарищи.

- А что Зойка моя? – удивился я.

- Конечно. Ты что не знал, что она по тебе давно уже сохнет?

- Чего же вы уроды молчали? Вон, уже пол смены прошло, а я не в теме.

- Давай поговори с ним по мужски, чтоб он знал, как к чужим бабам приставать.

Честно говоря, Зойка хоть и была видной девушкой, но у меня как-то не вызывала волны чувств, жар в сердце и прочий любовный трепет. Поэтому я её без проблем отдал бы и без поединка. А тут без серьёзной мотивации, надо было биться с оглоблей на три головы выше меня и на пару лет старше.

- Как же я его побью? Я даже до лица его не достану. - Он вон какой высокий, - пытался я снять свою кандидатуру с турнира за даму.

- Тебе надо сделать так, чтобы он тебе дал по морде. А дальше мы появимся и накомстыляем ему, чтобы он впредь не брыкался на наших друзей.

- И спросим его, почему это он стучит нашему воспитателю? - В суматохе он должен проговориться об этом, - хитро прищурился белобрысый психолог из нашей компании.

- А если он скажет, что ему не нужна Зойка? Что он на неё не претендует. - Тогда что? – кидал я себе спасательные круги.

- А ты скажи ему, что отвечать всё равно надо, и дай ему по морде. Он в ответ, а тут мы тут как тут.

- Ну я же вам сказал, что я не достану до его морды.

Тогда пацаны приступили со мной к тактическим тренировкам. Выбрав из компании самого высокого они начали на нём показывать, как я должен подобраться к его морде. Выглядело это комично и очень неправдоподобно. Противник должен был не просто подпустить меня к себе, но и практически наклониться или приподнять меня, чтобы мой кулак достиг его лица.

- Да фигня всё это, - заступился за меня Гоша. Надо что-то другое придумать.

Но злобные сотоварищи уже твёрдо решили выставить именно меня приманкой.

- Ты подведи его к скамейке, а потом неожиданно раз! - и заскочи на неё, - и сразу с разворота бей его ногой в морду.

Мы прорепетировали и это эпизод, но после нескольких дублей поняли, что если он сделает просто один шаг в сторону, то я буду сотрясать своими конечностями только воздух.

- Ладно. Вызови его просто на разговор. А когда начнёте базар, то кидай ему разные предьявы, не важно что. Главное, чтобы он как-то на это среагировал. А любая его реакция будет расценена нами как агрессия против нашего друга. Мы выскочим из кустов и накажем его – резюмировал Гоша.

- И обзывай его всячески, - с усердием подсказывал мне белобрысый мастер провокаций.

Накануне вечером Гоша показал мне уйму всяких выдуманных им самим приёмов рукопашного боя. А сын министра учил технике боя «пьяная обезьяна». Вспоминая увиденное им по видеоманитофону, он корчил страшные рожи и с криками «ки-я-я-я» махал ногами, напоминая скорее балеруна, чем каратиста.

Ночью я никак не мог уснуть из-за перевозбуждения от предстоящей битвы. Мне представлялось, как я разделяюсь с ним: хук слева, прямой правой, хук справа. Противник повержен. Моя и Зойкина честь защищена. В таких сладких грёзах я уснул.

Весь следующий день я ходил и косился на «Каланчу» пытаясь вызвать у себя ненависть к нему. Пацаны мне всё время подмигивали и, ударяя кулаками в свои ладони, выказывали знаки поддержки. Я же лихорадочно искал способ избежать насилия, но тщетно. И вот час икс настал. После ужина я подошёл к долговязому и сказал ему:

- Эй ты! Есть разговор.

- Ну и что тебе надо? – свысока, сквозь зубы спросил «Каланча».

- Пойдём, выйдем.

- Да мы и так на улице.

- Идём туда, поговорить надо, - я указал в сторону кустов, за которыми пацаны всегда курили.

«Каланча» оглянулся и заметил, что на нас уставлены несколько хитрых пар глаз моих подельников. Чужа неладное, он произнёс: «Тебе надо, сам и иди».

Ну и ладно, решил я. Не получилось заманить, ну что поделаешь. Но мои злобные сотоварищи всякими жестами дали мне понять, чтобы я не отставал от «Каланчи».

- Шо зассал?! - крикнул я ему в лицо. - Ссыкло!

- Что? Кого зассал? - Тебя. что ли? - «Каланча» осмотрелся, и не увидев моего кореша нигде рядом, сказал:

- Да что ты без своего Гоши можешь мне сделать?

Я понял, что он повёлся и усилил натиск всякими обидными для него обзывательствами. Наконец-то он решился.

- Ну пошли, послушаем, чё те надо.

Я, опустив голову, повёл бычка на заклатие. Мы пришли на предполагаемое место экзекуции.

- Давай туда, - я почему-то указал на злополучную скамейку, ломая тем самым весь план операции. Она находилась метрах в десяти возле других кустов, а пацаны, после того, как мы отвергли план «удар с разворота, ногой в челюсть в прыжке со скамейки», спрятались за другими кустами. И перейти незамеченными с одной позиции на другую никак не могли.

- Что, на скамейку хочешь встать? Роста не хватает? - с подлой ухмылкой процедил сквозь зубы мой оппонент.

У меня прошёлся по спине холодок. Откуда эта оглобля знает? Или ему кто-то выдал нашу затею, видя, как я тренировался в кульбитах со скамейки. Или у него (как и у нас) сработал тот же стереотип.

Мы подошли к скамейке и я вдруг сделал неожиданный для всех, и прежде всего для себя, ход.

- Садись, давай поговорим о Зойке, - предложил я.

«Каланча» на мгновение растерялся, а когда услышал тему моих претензий, сразу расслабился.

- Ну и что тут о ней говорить? - Встречайся с ней, если она тебе нравится, - сказал он, садясь на скамейку. Пожалуйста. Мне то что.

Положение оказалось патовым. Бить его не за что. Конфликт исчерпан. Что делать? И я пошёл на обострение.

- Ни тебе, убудку, мне разрешение давать. Сейчас как дам по морде, будешь знать.

«Каланча» удивлённо вскинул брови и вскочил со скамейки, лишая меня возможности достать до его лица.

- Так, а что тебе надо! - несколько истерично вскрикнул он. - Хочешь с ней встречаться, так встречайся. При чем тут я?

Надо было что-то делать. Цель сильно отдалилась и я опять предложил ему:

- Да сядь ты сюда, я ещё не закончил.

- Сам сиди. Будет мне всякая босота указывать.

- Кто босота? Я?!

Это было уже слишком и я ринулся в бой.

На моё удивление, он всячески пытался избежать схватки. Выставив вперёд руки, он не давал мне приблизиться. Я же, словно бык на тореадора, бросался на него вперёд головой, стараясь пробиться сквозь частокол его длинных рук к ненавистному телу, откуда было уже вот-вот и до заветной морды. Он отпихивал меня в сторону, крича, чтобы я успокоился. Но крючок был спущен, маховик заработал. Жажда крови, я озверел в своём упорстве. Мой противник, отступая от моих боданий, споткнулся и упал на задницу. А лежащего, как известно, в наше время не били. Я навис над ним и выдал ещё один неожиданный ход.

- Кто стучит на нас МихДимычу!? Говори, гад!

В этот момент подскочили мои возбужденные товарищи и со злобными гримасами на лицах стали повторять мой вопрос. Парень здорово перетрухал, но ни в чём не сознался. Продолжая сидеть на земле, он заслонялся от нас руками, хотя до него никто ни разу не дотронулся.

- Я ни на кого не стучу.

- А кто стучит?

- Я не знаю.

Дальше допрос с пристрастием зашёл в тупик. Мы талдычили ему свой вопрос, он также отвечал, что не стучит и кто стучит не знает. Нам ничего не оставалось делать, как просто пригрозить ему на будущее, что если мы узнаем, что он стучит, то утопим в лиманской грязи.

Через какое-то время страсти с «Каланчой» улеглись. Он перестал быть с нами надменным, предлагал всякие ништяки в виде конфет и прочих лагерных радостей, пытался выказать своё уважение и т.д. Другом он нам так и не стал, но и из врагов и подозреваемых в стукачестве был исключён. Тем более, что буквально через пару дней, на момент разоблачения очередной нашей хулиганской выходки, у него были железные алиби (он лежал с простудой в лазарете).

А дело было так. Сынок министра за три рубля (хорошо быть богатым) договорился с одним из местных, что тот даст нам на ночь лодку с вёслами покататься по лиману. И вот, выждав час после отбоя, мы, прихватив с собой девиц, тихо, без шума и пыли выдвинулись на лиманскую пристань, откуда нас каждый день вывозили катерами на морскую косу. Лодка, как и было уговорено, находилась на месте. Мы быстренько расселись и отчалили от берега. Сын министра с подружкой пристроились на корме, я с Зойкой на носу, а Гоша со своей подружкой на средней скамейке, т.к. из нас только он соображал, как надо управляться с этой вёсельной яхтой. Во время ночного круиза пацаны периодически обнимались и целовались со своими подружками. У меня же с Зойкой любовь никак не клеилась. Несмотря на свои выдающиеся внешние данные, она была смертельно скучна. Никакой разговор не поддерживала, однозначно отвечала на вопросы: да, нет, не знаю. На мои потуги завязать с ней какие-то телесные шашни отвечала без энтузиазма, как спящая красавица. Эх, за что я проливал свою кровь в поединке?! Через какое-то время я потерял к ней всяческий интерес, уставился взглядом по курсу крейсера, наблюдая, как мелькают отблески

звёзд на зеркальной поверхности лимана. На следующий день я изменил Зойке с шепотными хохотушками из второго отряда.

Ночной лиман. Сергеевка.

Мы, проплавав полночи, тихо причалили к берегу, привязали лодку и также тихонечко побрели к своим баракам после романтической прогулки по водной глади Днестровского лимана. Вдруг, как бес из табакерки, перед нами выскочил разгневанный МихДимыч.

- Ааааа сволочи, убью!!! - бросился он на нас. Мы опешили от неожиданности и встали как вкопанные. МихДимыч, сверкая бешеными глазами, несколько мгновений выбирал жертву. Сынка министра он бить не стал - себе дороже. Гошу тоже пропустил, т.к. он был сын его коллеги по цеху, да и сдачи мог дать. Девушек, понятно - не по джентельменски. Кто остаётся? Таки да. Из всего коллектива только я получил прямой в лоб. Что вам сказать. Ну, во-первых, не знаю как, но я устоял на ногах. Во-вторых, я увидел россыпь звёзд. Я был настолько поражён фактом, что это не выдумка, что просто наслаждался калейдоскопом у себя в глазах. Знаете, как в мультиках показывают, что если кого-то трахнуть по башке или кто-то сильно ударится головой, то вокруг него крутятся звёзды. Так вот - это истинная правда. Видимо, заметив моё состояние «грогги» (одномоментное ухудшение состояния находящегося на ногах боксёра после получения им удара в голову), пацаны прикрыли меня своими телами и на перебой начали уверять разбушевавшегося не на шутку инквизитора, что я не виноват, что это они всё придумали и чуть ли не силой меня затащили в лодку. МихДимыч что-то мычал, сотрясал руками воздух, проклинал всех и всё. Спустя пару минут он выдохся и, махнув на нас рукой, побрел в лагерную темноту, как всегда бурча ругательства себе под нос. Мне хватило ума не орать, не грозить ему расправой или ещё

чего. Я просто сказал: «Извините». Представляю, как он волновался за нас и какие мрачные картинки рисовались в его воображении. Но кто нас сдал? Это так и осталось загадкой.

Расскажу, пожалуй, ещё одну душещипательную историю из этой лагерной смены, квинтэссенцию которой можно описать так: «Там где любовь. Там всегда проливается кровь».

Как это было, есть и будет всегда и везде, более-менее симпатичные девчонки-пионерки были поделены и распределены среди хлопцев-пионеров ещё в начале смены. По ходу дела иногда происходила небольшая коррекция или ротация. Старые пары распались и образовывались новые. Механизм этот, в общем-то, работал отлажено внутри всего лагерного коллектива, лишь с редкими эксцессами. Но чего этот механизм не допускал вовсе, так это вмешательство в его работу заблудших чужаков.

И вот однажды в наш лагерь с воли забрёл какой-то фраер. Выглядел он настоящим лощённым франтом, как в зарубежных журналах. Стройный, с длинными каштановыми волосами. Одетый в джинсы “Levi Straus” и тёмно-синюю вельветовую рубашку. Он всем своим видом производил впечатление наглого и уверенного в своей неотразимости альфа-самца. Его антураж дополняли зажигалка в виде пистолета и солнцезащитные очки-хамелеоны, которые он не снимал со своего носа, несмотря на вечерние сумерки. Кабальеро сидел в беседке, где о чём-то сладко щебетал с нашим лагерным девицам. Те же, с замиранием сердца слушали его трели, время от времени ахая или придурковато хихикая. На весь этот невообразимый разврат наткнулся белобрысый Пашка из нашего отряда, когда торопился куда-то по своим лагерным делам. Среди благодарных слушательниц была и его девица, которая не сводила влюбляющегося взгляда с франта-чужака и слушала его с приоткрытым ртом. Белобрысый Пашка был внешне обычным пареньком, но с одним изъяном. У него было довольно сильное косоглазие, поэтому самим фактом наличия у него своей фифы он очень дорожил, понимая, что, потеряв её, может остаться вообще без «скво». Пашка прервал монолог щёголя, спросив его:

- Ты ентава, хто такой и откедова?

- А ты кто? Брысь отсель, а то сейчас щелбаном прибью - уклончиво и невежливо ответил чужак.

Пришлый был на две головы выше Пашки, да и по возрасту лет на пять старше. А судя по наколке на его кулаке, он даже уже отслужил на флоте. Но, несмотря на все эти детали, Пашка, не раздумывая, ринулся в драку. Он вообще был отчаянный малый. Словно всей своей чрезмерной злобой и неукротимостью пытался компенсировать врождённый зрительный дефект. Слащавый хлыщ поначалу с лёгкостью показывал на Пашке приёмы рукопашного боя, отбрасывая его раз за разом к стенкам беседки. Однако со временем он стал немного выдыхаться, и его движения приобрели очертания некой надвигающейся усталости.

В этот момент, насвистывая себе под нос «Let My People Go» из репертуара великого Луи Армстронга, мимо поля боя проходил Петрикэ - тромбон из музотряда. Несмотря на то, что с этой кастой избранных пионеров-героев мы дружбу, в общем-то, не водили, Петрикэ без тени сомнения бросился на подмогу белобрысому. Словно зародыш Мухаммеда Али, невысокий укротитель «большой трубы» поднырнул под вытянутую руку франта и двумя ударами в корпус сломал напополам бывшего моремана, а потом эффектным апперкотом послал его в нокдаун.

Франт, осыпая всех проклятиями, пошатываясь, позорно ретировался восвояси, подспудно крича: «Салаги. Вы не знаете, на кого рыпнулись! Завтра я вернусь со своей бандой. Мы всех ваших девиц пере...(целуем), всех пионеров измудохаем, а цыгана и белобрысого подвесим за ноги на лагерных воротах. Вообще от вашего лагеря камня на камне не оставим, так что развалины Белгород-Днестровской крепости не позавидуют».

Пашка помахал кулаком вслед чужаку и, повернувшись к Петрикэ, выразил искреннюю благодарность тромбону.

- Ну, в общем... Ну, спасибо тебе. - Хотя я и сам бы справился, - Пашка протянул руку музыканту.

- Ты это. Ты того, - пробурчал смуглый поклонник джаза и с чувством выполненного долга удалился.

Все угрозы забредшего щёголя-матроса как-то прошли мимо белобрысого Пашки. Он рассказал нам о беседочном инциденте, хая свою подружку на чем свет стоит: «Эта шмара даже не завизжала, чтобы отпугнуть пришельца, а может даже и за него болела».

Петрикэ же отнёсся к его словам с должным вниманием и после ужина пришёл к нам в отряд для разговора.

- Надо готовиться к битве. Фраер похоже из блатарей. К гадалке не ходи, они придут за нами. - Такие всегда приходят, - сказал он со знанием дела. Надо быть на стрёме.

Как я говорил, музотряд в нашем лагере представлял собой отдельную касту пионеро-героев. Создавалось впечатление, что цыганский барон, курирующий Молдавию, пошёл на какую-то сделку с властями. Он решил собрать всех выловленных и приговорённых подростково-соплеменников в одну группу, чтобы объединить их на воле каким-нибудь одним интересом. А так как известно, что кроме как для воровства и музицирования, байстрюки из этого племени мало к чему пригодны. Тогда, выбрав лучшее из худших, из них сколотили духовой оркестр. Дирижёром у них значился Гера-Алмаз Бессарабский, отец которого отсидел ещё в трудовой школе-коммуне Макаренко. Гера был деловым человеком с тонкими чертами лица и постоянно шныряющими бусинками глаз. Справедливо решив, что группа деревянных духовых инструментов будет лишней в оркестре, он их выгодно продал, а коллектив обеспечил только медными. Группа же ударных была представлена и вовсе только одним инструментом - большим барабаном «бухало» с колотушкой и тарелкой, в который, как водится, дали дубасить самому плюгавому артисту. Иерархия и дисциплина в этой «Джаз-банде» была жесточайшая. За авторитета у них был тромбон Петрикэ, участвовавший в изгнании чужака и нанёсший ему унижительные увечья. Петрикэ проинформировал товарищей по своему цеху о произошедшем инциденте и, объявив боевую готовность номер «раз» приказал готовить оружие и боеприпасы. Братва молча кинулась исполнять команду авторитета. Работали профессионально, слаженно, сосредоточенно и молча. Было ясно, что подготовка к бою для них дело знакомое и привычное.

Спустя некоторое время мы посетили их подразделение и были в реальном шоке от их экипировки. Так как музыкантам надо беречь свои ручки, а духовикам ещё и рты, они изготовили себе кучу разных кастетов и перчаток со свинцовыми вкладышами. Каждый кастет выглядел прямо как произведение искусства с индивидуальной огранкой и гравировкой. Разрезав особым

способом резиновые эспандеры для рук, они изготовили себе «капы» для защиты зубов и рта. Они также позаботились о защите, ну, как бы это выразиться - паха. Из старых покрышек вырезали щитки, к которым леской пришили резинки от подтяжек. Их же дистанционное оружие окунуло

Гасило

нас в какую-то сказку. Мы увидели настоящие богатырские палицы, огромные дубины, на конце которых торчали в разные стороны пробитые насквозь гвозди-сотки. Целый арсенал цепей разной длины и калибра. Булавы разных размеров, который смуглолицый народ называл «гасилами». Так что про ножи и финки нам было даже как-то неловко их спрашивать.

- А что нам делать? - спросили мы головорезов. Музыканты в ответ просто ухмыльнулись, а Петрикэ, блеснув своими

белками глаз, сказал: «Посты выставите у ворот и по всему лагерю, а также возле всех дырок-лазеек. Заметьте противника, свистите двумя короткими и одним зелёным.

- А мы что махать не будем? – сделав шаг вперёд спросил Петрику Кинг Конг. - Да я любого блатаря порву или съем, - рвал на груди рубашку Конг, подражая предводителю сук из ГУЛАГа.

- Ты конечно большой, - процедил Петрикэ сквозь зубы, - а хоть когда-нибудь дрался? Умеешь?

- Нет. Не приходилось пока. Но даже если я упаду, то придавлю легко двоих-троих за раз.

- В настоящей драке, в той, что без правил, падать нельзя. - Можно не встать никогда, - сказал авторитет, сурово уставившись в одну точку, явно вспоминая что-то для него тяжёлое.

Пережив беспокойную ночь, утром мы потянулись к стадиону на зарядку. К нашему удивлению, музыкальным сопровождением для физических упражнений вместо привычной духовой «Джаз-банды» служил только наспех отловленный где-то музрук. Старшая пионервожатая держала микрофон возле его аккордеона, чтобы усилить звук для всего лагеря, и постоянно пререкалась с маэстро из-за репертуара. Она требовала исполнять какой-то задорный марш юных строителей коммунизма. А непростозевевший с ночи музрук всё норовил сбавить сложную и жгучую смесь, состоящую из двух взаимопереходящих друг в друга композиций. Первой была вступление к «Ферапонтову

Монастырю» Золотарёва, звучащее в тональности до-мажор, которое переходит в основной напевный лейтмотив в соль-миноре, где во время игры преимущественно используется штрих

«легато» в партиях обеих рук, тогда как второй была красивая лирическая песня-романс «Шумел камыш, деревья гнулись», с весьма печальным сюжетом, ведающим об обманутой и, соответственно, несчастной любви, на чём он, собственно и был заиклен по жизни.

Куда девался музотряд, никто не знал. Лишь изредка, то там, то сям вдруг проявлялись отдельные его члены, всячески давая понять нам, чтобы мы к ним не приближались. «Ушли в подполье и не доверяют никому, - сообразили мы».

После завтрака нас погрузили на катера и до обеда отправили на морскую косу на пляж. Там мы, сбиваясь в небольшие кучки, всё время заговорщически шептались. Боясь утечки

Причал с которого отвозили пионеров на морскую косу.

информации мы не подпускали к себе и тех кто был у нас «под колпаком», и МихДимыча, просившегося перекинуться с нами в Белот. Он ходил кругами и шурился. Потом подошёл и пригрозил нам пальцем: «Смотрите мне, подонки! Если что замышляете».

Так без команды «В ружьё» прошло ещё два дня. Музотряд вышел из подполья и постепенно снизил боевую готовность до обычного регулярного уровня. Мы решили, что блатарь просто кидал понты, а на самом деле он просто обычный фраер.

И вот, когда все уже успокоились, неожиданно, как из под земли, в лагере нарисовался побитый Петрикой щёголь. Хотя вместо целой банды с ним было только два кента. Зато каких! Два огромных быка. Под два метра ростом и по паре центнеров живого веса каждый. Одеты они были довольно странно. Синие нитяные спортивные треники с вытянутыми коленками выдавали в них их явный спортивный дух. Вместе с этим на ногах были обуты большие чёрные ботинки с огромными тупыми носками. Ударом такого бутса, наверное, можно было бы легко раскрошить и бетонную стенку. На расписанных наколками телах гигантов, мешком висели расстёгнутые до пупа рубашки в расцветке *a-ля* абстрактный импрессионизм. На груди у каждого, слегка запутавшись в густой шерсти, просматривались подвешенные на цепи мощные распятыя. Особой изюминкой в их внешнем виде были огромные отвислые животы, каждый вместимостью с жёлтую пивную бочку-цистерну. Мне показалось, что наш необъятный Кинг Конг мог бы там спокойно уместиться калачиком, а он, бедолага, собирался их съесть. Мы послали вестового в музотряд, а сами принялись вести наблюдение.

Надо же было такому случиться, что первый же, на кого они наткнулись в лагере, был безоружный Петрикэ. Щёголь снял свои очки, и всмотревшись в лицо предводителя музыкантов, утвердительно помахал головой. Интересно, что под глазом щёголя всеми цветами радуги сиял огромный фингал. Откуда он у него появился? Загадка. Во время поединка с белобрысым он его получить не мог, а Петрикэ вырубил его одним ударом в челюсть. Может, заработал потом в каком-то другом кипеше. Ведь прошло уже пару дней, а парень он был слишком уж выпендрёжный.

Один из громил подцепил Петрику за шкурку и слегка приподнял его над землёй, из-за чего смуглый авторитет пришёл по началу в крайнюю степень возбуждения. Он брыкался ногами и руками, тщетно пытаясь достать своими короткими конечностями противника. Тот же костяшками второй руки периодически постукивал извивающегося цыгана по голове. Через какое-то время Петрикэ прекратил брыкаться и повис кулем на вытянутой руке у амбала. Амбалова рука, в свою очередь, наверное, тоже устала и тогда он передал притихший груз своему товарищу. Тот усадил Петрику на скамейку и начал читать ему нотации, время от времени постукивая его головой об железный железнодорожный контейнер, который очень кстати располагался за скамейкой. Видимо, такая методика воспитания сработала. Петрикэ что-то пробурчал, и компания извергов, похлопав его по плечу в знак примирения, удалилась.

Спустя некоторое время поднятый по тревоге музотряд прибыл с оружием и в полной амуниции на место Петрикиной экзекуции. Подтянулись на сходку и наши хлопцы и просто зеваки. Все орали, призывали к кровавому походу и требовали мщения. Петрикэ дал время товарищам выплеснуть свои эмоции, после чего поднял руку и заявил: «Я осознал свою неправоту и извинился перед франтом». ...???...???... Сказать, что мы офигели, значит не сказать ничего. Народ стоял в безмолвном шоке. Что же такое надо было сказать Петрикэ, чтобы он так себя повёл? Явно что-то волшебное. Если он такое сказал перед своей цыганской бандой и перед нами, его бледнолицыми со-лагерниками. Но сие осталось тайной.

(6) Несколько особняком в череде моих пионерлагерных сроков стоит отдых в оздоровительном санатории «Приморский». Почему особняком? Ну, во-первых, я не помню там хоть чего-то связанного с пионерией. Во-вторых, в отличие от всех остальных, этот срок я мотал не как всегда летом, а зимой. И наконец, в-третьих, в отличие от обычных трёх-четырёх недельных смен, смена там длилась более 10 недель. К тому же не в пору зимних каникул, а в самое что-не на есть школьное время. Частично о моём взаимоотношении с греческим персоналом лагеря я описал в книге «От Иринопольской до Трои» (смотри www.iliadi.net). Здесь же я опишу те случаи, события и ощущения, которые, как мне кажется, оказали заметное влияние на переход от детского мироощущения к мироощущению взрослого человека.

Так случилось, что моей маме, как медработнику, удалось достать в профкоме Министерства Здравоохранения путёвку для меня в оздоровительный санаторий в Анапу на побережье Чёрного моря в Краснодарском крае. Более того, ей удалось достать даже две путёвки: мне и моему другу Алику, у которого мама также работала в медицине. Мы были с ним очень близки и в школьные годы, и после, и остаёмся близкими друзьями и поныне. Мы жили в одной

пятиэтажке, ходили в один класс, вместе музицировали и вообще везде шатались преимущественно вместе.

В составе болезненных молдавских подростков мы прилетели в Новороссийск, откуда нас на автобусе по горным серпантинам привезли в анапский лагерь. Привезли вечером, и, что мне особо запомнилось, всех сначала бегло осмотрел врач, а потом нас сразу загнали в душ. Видимо, собирая детей из разных мест со всего Союза, работники хотели хоть как-то подстраховаться на случаи всяких там вшей, блох, клещей, лишаев и прочих детских радостей. Потом нас отвели в отряд и показали нашу комнату. Она была рассчитана на 4 человек. Возле окна на кровати уже кто-то спал, поэтому мы выбрали две следующие кровати и тоже быстренько улеглись на покой.

Однако спустя какое-то время, к нам привели четвёртого, вновь прибывшего отдыхающего. Так как уже была глубокая ночь, пацан тихо разделся, но перед тем, как лечь спать, вышел на балкон покурить. Видимо, он плохо прикрыл дверь, поэтому из-за сквозняка комната через пару минут была вся в дыму. Ночная дежурная воспитательница, учуяв табачный дым, словно по сирене проникла к нам в комнату и вытащила курильщика с балкона.

- Как ты можешь так поступать? - Здесь нельзя курить и вообще тебе нельзя курить, - принялась отчитывать парня ответственная воспитательница.

- А как же мне быть? Ведь не покуривши, я спать не смогу. Я уже привык.

- И давно ты куришь?

- Да почитайте, года два-три.

На утро мы познакомились с сокамерниками. Спящим оказался товарищ из Средней Азии, а ночным хулиганом - пацан из деревни Мишутино, Вологодской области. Помню только, что он хорошо разбирался в тракторах и рассказывал, что их деревня с воздуха своей формой напоминает трусы. Тогда я как-то не задумывался об этом, а вот потом мне не давали покоя его слова. Откуда он знал, как деревня выглядит с воздуха (это был 1978 год, и создателю “Google map” было тогда только лет пять)? И почему она представлялась ему в форме именно трусов?

Вообще же в санатории народ был со всех краёв необъятного Союза. Из Хабаровска, Иркутска, Норильска, Подмосковья, Урала, Средней Азии, Грузии, Прибалтики, Молдавии и т.д.

Необычная протяжённость лагерной смены и весьма существенная удалённость от дома вкупе с последними стадиями пубертатного периода полового созревания делали пребывание там детей старших классов просто незабываемым.

Интересно, что порядок там поддерживался не железной рукой и карательной медициной, а каким-то необычно доброжелательным и внимательным отношением к нам педагогов. Наверняка, для работы там отбирались неагрессивные, разумные и опытные работники. Даже самые сложные вопросы решались мирно, с улыбкой и к обоюдному удовольствию сторон.

Хозяином в лагере был главврач. Человек непререкаемого авторитета. Внешне он всегда выглядел идеально. Статный высокий брюнет с аккуратной причёской, окружённый аурой дорогого мужского одеколona. Костюм на нём сидел как влитой, без намёка на помятость. Говорил он всегда тихо и вежливо, при этом дерзить ему или перечить ни у кого и никогда не было даже мысли. Ему было 38 лет. Я запомнил его возраст, потому что его жене, женщине с фотомодельной внешностью, работающей там же медсестрой, было всего 19. То есть она была ровно в два раза младше. Этот факт будоражил воображение девиц старших классов и был всегда в приоритете их тем для обсуждения.

Однажды мне выпала честь познакомиться с его методами воспитания. Дело было так. В одном из младших классов учился-лечился какой-то необузданный хулиган из Молдавии. В лагере он затерроризировал большую часть детей своего класса, в которой, в том числе, были и наши земляки. Изувеченные дети, по заведённой на воле традиции, пожаловались не своим воспитателям, а своему старшему товарищу, т.е. мне. Я же, в свою очередь, возомнив себя защитником обиженных и угнетённых, решил укротить взбесившегося детёныша самостоятельно, без привлечения к экзекуции работников лагеря. У столовой я подловил паршивца и, встряхнув его пару раз за шкуру, предупредил, что если ещё раз услышу на него жалобы, привяжу к бревну и отправлю морем в Турцию. Салабон взбрыкнулся и, выкрутившись, вцепился зубами в мою руку. От неожиданности и боли я потерял контроль над собой и стал мутузить засранца по мордам. Угомонился я только тогда, когда брызнувшая фонтаном кровь из его разбитой губы залила мою рубашку. Итогом этого избиения младенца стал вызов меня в кабинет хозяина лагеря. Первым делом он осмотрел мою покусанную руку.

- Ну, вроде не до крови. - В противном случае надо было бы прописать тебе курс уколов от бешенства, - сразу же разрядил обстановку главврач.

Я продолжал держать гордое молчание, не понимая пока, какую тактику защиты мне предпринять. Но его бархатный и даже в чём-то шутейный тон разговора убедил меня, что расстрела без суда и следствия не будет.

- Ты ему очень профессионально лицо разбил. Спортсмен, что ли?

- А то, - выгнул я грудь колесом.

- Каратист небось или боксёр.

- А то, - расправил я щуплые плечи.

- А ты знаешь, что означает карате?

- Знаю. Пустая рука.

- А где зародился этот вид борьбы?

- Как где? В Японии. Это все знают.

- Все, да не все.

- На острове Окинава. Его там разработал переселенец из Китая, где он изучал стиль самозащиты монахов монастыря Шаолиня.

- Что серьёзно? - я раскрыл от удивления рот. Монахи могут драться?

- Могут, могут. Ещё как!

- Ну ладно. Расскажи, почему повздорили-то? - Вы же будто земляки, - мягко сменил тему главврач.

- Да по этому и повздорили, что этот соплик остальных моих земель замордовал по беспределу.

- То есть, ты заступился за них?

- Ну да.

- И что? Думаешь, поможет?

- Не знаю. Бешеный он какой-то. Психбольной. Сами лучше с ним разбирайтесь.

- О! - Что и требовалось доказать, - поднял вверх указательный палец хозяин. И впредь, будь добр, позволь мне самому разобраться с подобными проблемами.

- Да всегда пожалуйста. - Кобыла с возу - бабе легче, - перепутал я слова в поговорке.

- Ну вот и договорились, - главврач затрясся в беззвучном смехе. - Иди себе с миром.

Палаты нашего класса занимали весь третий этаж санатория. Справа от большого холла были комнаты мальчиков, слева - девочек, а по середине - кабинет воспитателя, дверь в который ни днём, ни особенно ночью не закрывалась. Так что незамеченным прошмыгнуть на сторону гинекея было весьма затруднительно.

Воспитателями были две сменные женщины. Помню, что одной из них была довольно жизнерадостная особа с прогрессивными взглядами и активной жизненной позицией. Она постоянно пыталась нас чем-то увлечь, придумывала разные конкурсы. Сама дома пекла торты, приносила их и угощала тех, кто сидел за одним столом и в течении нескольких недель тише всех себя вёл во время трапезы. Она водила нас на прогулки и экскурсии. Была заядлой болельщицей, позволяя нам среди ночи смотреть разные спортивные соревнования.

Вторая была очень мягкой натурой, с тонкой душевной организацией. Все наши девицы постоянно бегали к ней со своим сердечными проблемами. Она всегда их внимательно выслушивала, жалела, давала дельные советы по ворожбе и гаданию. Слыла таким мастером по задушевному беседам и разрешением любовных коллизий. Случилось и мне однажды попасть в её программу коррекции полового поведения. Поводом для этого послужила жалоба, которая поступила на меня от моей бывшей подружки. Получилось так, что спустя несколько дней, как наш класс полностью укомплектовался, мы быстренько все разбились по парам. Воздух настоящей свободы вскружил мне голову, и меня почему-то сразу потянуло на неизведанную ранее экзотику. Была у нас в классе прекрасная девушка ослепительной восточно-азиатской внешности. Откуда-то с Урала. Мы как-то легко с ней сошлись и, выискивая всякие потаённые места, битыми часами практиковались там в совершенстве искусства поцелуев. Длилось это довольно долго. Я в поте лица трудился на этом поприще и заслужил уже было как минимум

первый юношеский разряд. Мне нужен был перерыв, чтобы осмыслить достигнутые успехи, а также дать отдых губам, которые меня об этом настоятельно молили.

И вот как раз в такое нелёгкое время у нас в классе по какому-то поводу состоялся танцевальный вечер. Сначала мы весело тряслись под какое-то диско. Потом поставили весёлую песенку Смоков, записанную на голубую гибкую пластинку из журнала «Кругозор». Называлась она «Living Next Door to Alice». Помните такой шлягер? Мы ещё коверкали его и пели:

С нами Вовка, с нами Вадим.
Оттянуться всей компанией хотим.
И гитары взяли мы с собой чтоб песни пелись.
С нами Алла, с нами Филипп.
Его никто не звал, он сам как-то прилип.
И тут один из нас сказал: а пойдёмте к Элис.

А что это за девочка и где она живет?
А вдруг она не курит, а вдруг она не пьёт.
Ну а мы в такой компании возьмем, да и припрёмся к Элис.
Элис? Кто такая Элис?
Красиво одевается. Красиво говорит.
И лечит гонорею, ОРЗ и простатит.
Ну а мы, с такими рожами, возьмем да и припрёмся к Элис...

А потом шла душещипательная песня «What can I do», или «воДку найду», как мы пели. Под неё объявили медленный танец. А так как пацаны в большинстве своём стеснялись приглашать девиц, то поначалу все медленные танцы у нас были белыми. Для молодёжи на всякий случай разьясню: это такой танец, когда дамы приглашают кавалеров. И вот, тогда на такой белый танец меня пригласила почему-то не моя подружка, а другая, не менее привлекательная девушка. Мы сцепились в объятиях, и я чуть не лишился чувств, когда своей грудью ощутил её лифчик. Мы что-то шептали друг другу в уши, от чего у меня закружилась голова. Не знаю почему, но у меня, в общем-то, уже опытного Дон Жуана, вдруг появился настоящий любовный трепет. Однако, для

"Медляк".

анализа своих чувств у меня тогда не было ни времени, ни желания. Я загорелся пылающей страстью и бросил все свои силы на покорение возникшей вдруг новой любви. А так как девушка

отвечала мне взаимностью, меня было уже не остановить, несмотря даже на небольшую проблему в лице её кавалера. Я требовал «воДку найду» бесчисленное количество раз и каждый раз уже сам бежал приглашать её на танец. Нашу пару попытались разбить, как её кавалер, так и прибежавшая по тревоге моя подружка. Но все их попытки были тщетны. Мы крепко сошлись. Вследствие такого поворота судьбы, моя уже бывшая подружка впала в глубочайшую депрессию, а кавалер моей новой пассии вызвал меня на дуэль.

Вот тогда наш воспитатель и пригласила меня на конфиденциальный разговор. Сначала она спросила, что я сам думаю обо всём этом. Я отвечал заносчиво и небрежно. Что, мол, это моё личное дело и не надо никому совать туда свой нос. И то, что я никому в преданности и любви до гроба не клялся.

- А я тебя ни в чём не обвиняю. Мне просто интересно, а как бы ты себя чувствовал если б тебя бросила твоя девушка?

- Меня бы не бросила, - уж очень самоуверенно заявил я (за что вскоре и поплатился).

- Да? Ну допустим. Однако она ведь тебе ничего такого не сделала, чтобы ты её бросил.

- А я её не бросил. - Я просто подарил ей свободу, - с поэтическим пафосом пропел я.

- Ты думаешь ей нужна свобода? Ты её об этом спрашивал?

- Свобода нужна всем.

- И тебе тоже?

- А как же. Мне в первую очередь.

- Серьёзно? А зачем ты тогда начал встречаться с (имя новой подружки)?

Тут я понял, что эта воспитательница в курсе всех лагерных интриг и событий, поэтому юлить пред ней и обманывать её не было никакого смысла. Тем не менее, я продолжал корчить из себя развратного плейбоя, бездушную скотину и абсолютно независимую личность.

Тогда умудрённая опытом воспитательница решила прощупать меня на предмет моего сострадания и сентиментальности, попав при этом точно в яблочко.

- Девочка страдает, хотя не сделала тебе ничего плохого. Ты просто бросил её, как надоевшую игрушку. А она ведь не игрушка. Она человек - со своими мечтами, надеждами и чувствами. Ты всё это растоптал, скомкал и выкинул, словно ненужную страницу своей жизни. Но такая же страница была и у неё, потеряв которую, она, в отличие от тебя, не бросилась веселиться с новым другом, а стала страдать и плакать.

Эта её речь заставила меня умерить свою спесь. Ещё немного, и я бы разрыдался в три ручья горьким слезами. Я ощутил себя подлецом, недостойным девичьей любви и собрался было уже пойти к брошенной подруге, чтобы обо всём этом ей сказать.

Воспитательница, учуяв моё состояние и благородный порыв, дальновидно решила, что правильной будет меня проинструктировать перед актом моего покаяния. Она, как опытный педагог-психолог, понимала, что своими словами могла задеть во мне такие потаённые струнки души, что я в своём стремлении раскаяться мог бы по неопытности натворить таких дел, за которые весь обслуживающий персонал лагеря был бы сослан на работу в какой-нибудь санаторий за Полярным кругом.

- Тебе же нравится (имя новой девушки)? - спросила она меня неожиданно.

Я поднял на неё свои полные отчаяния глаза, абсолютно не врубаясь в смысл этого вопроса в данный момент.

- Да, - проворчал я.

- Значит ты хочешь встречаться с ней, но так, чтобы бывшая твоя девушка не страдала? - куда-то клонила меня хитроумная женщина.

- Наверное, - уже совершенно ничего не соображая, продолжал ворчать я.

Тогда походи сейчас к своей бывшей в палату и просто спроси её, как она себя чувствует. Ни в чём не кайся и ничего не обещай. Последующие несколько дней веди себя с ней так же, как со всеми остальными. И ни в коем случае, пока не встречайся со своей новой подружкой. А как только бывшая перестанет болеть, поступай дальше, как пожелаешь сам.

Напичканный новой мудростью, я пошёл в девичью палату. Там я сообщил женскому коллективу палаты, что я прибыл для строго конфиденциального разговора и хотел бы остаться *тет-а-тет* с объектом моего разговора. Девушки-сокамерницы, находившиеся в крайней степени возбуждения от съедаемого их чувства неудержимого любопытства, с огромным трудом согласились удовлетворить мою просьбу. Показывая свою благовоспитанность, они смиренно вышли из палаты, прикрыв за собой дверь. Но, видимо не справившись с нагрузкой нескольких девичьих ушей, плотно приложившимся к двери, в надежде услышать исповедь зарвавшегося самца, замок сдался, и дверь распахнулась. Грота девичьих тел ввалилась обратно в палату.

- Мы забыли взять некоторые предметы личной гигиены для умывания перед сном, - попытались выкрутиться «любопытные варвары».

Я благопристойно промолчал и дождался их второй попытки оставить нас наедине. Потом я обратился к спине моей подружки, так как она сразу же, как я вошёл в палату, уткнулась своей мордочкой в подушку, показывая тем самым крайнюю степень своей незаинтересованности к предстоящему разговору.

- Ну как ты тут? - из далека начал я.

- Тебе-то что? - саркастично вопросом на вопрос ответила она в подушку.

- Просто интересуюсь. Мне сказали, что ты заболела.

- Тебе-то что? – повторилась страдающая.

- Да так, ничего. - Ну не хочешь разговаривать - не надо, - я повернулся к двери, делая вид, что собираюсь уходить.

- А о чём ты хочешь поговорить? - спросила мадемуазель поворачиваясь ко мне лицом, на котором я заметил еле уловимые следы улыбки.

- Я же сказал, о твоём здоровье.

- Жить буду. Не волнуйся.

- Очень хорошо. - Тогда я пойду, - решил я следовать по строго утверждённому воспитательницей плану и чтобы не сболтнуть чего-либо лишнего.

- А твоя новая подруга тебе разрешила меня проведать?

- Я не нуждаюсь ни в чьих разрешениях, - парировал я её колкость.

- Честно? - больная приподнялась на кровати с уже явной улыбкой на личике, показывая ураганный прогресс в процессе выздоровления.

- Тогда что мы завтра будем делать? - спросила меня моя прелесть уже с такой улыбкой, что сияние от неё ослепило бы и слепца.

- В школу и на процедуры ходить, - сдержанно ответил я и, попрощавшись, вышел.

На пороге я столкнулся с оравой жаждущих новостей её подруг, которые, оттолкнув меня в сторону, бросились за оными. Я же, проходя пост воспитательницы, встретил её вопросительный взгляд.

Я утвердительно кивнул головой и, прикрыв при этом на мгновение глаза, сказал:

- Она уже здорова. Я её вылечил.

Воспитательница на радостях сложила вместе ладони своих рук и что-то пробубнила себе под нос.

Следующие несколько дней я был холоден и непреступен для женского пола. Ходил на процедуры, играл в футбол и читал романы.

Таким моим поведением была удовлетворена моя бывшая подруга. Однако новая пребывала в недоумении. Потом она, не долго попереживав, опять стала общаться со своим недавно кинутым кавалером. А тот уж на радостях решил сам подобрать брошенную мне ранее перчатку-вызов.

Спустя недельку страсти-мордасти потихоньку улеглись, и моя кобеляжья активность до поры до времени притихла. Пережитые события стали для меня хорошим уроком, сбили мой гонор и помогли мне задуматься над превратностями любви. Но не долго я предавался унынию. Время впустую терять было жалко. Я выключил в себе «Онегина» и вскоре закрутил новую интрижку. На этот раз со смешливой девчонкой откуда-то из центральных районов российского Нечерноземья. Продолжая оттачивать свои навыки в искусстве Эроса, я неожиданно для себя сделал одно очень существенное открытие: девушки не меньше парней хотят ярких эмоций, приключений и любовных игр. Осознание этой простой истины служило мне в будущем универсальным ключом к успеху. Все эти представления о неприступности холодных недотрог - просто миф. Надо лишь проявить настойчивость, продемонстрировать своё внимание, показать ей, что она вам небезразлична, сделать пару-тройку комплементов - и дело в шляпе.

И ты возьмёшь любую крепость.

Прогонят в дверь, а ты в окно.

О недотрогах миф - нелепость,

Как неприступность Мажино.

(Вадим Мистрюков)

Одесса. Пляж. К девушке подходит молодой человек и говорит:

- Девушка, вы так прекрасны! Я вас очень хочу!

- Ой, ну что вы! Я так не могу. Я очень стесняюсь.

- Да? Ну что ж, извините тогда, - поворачивается и уходит.

Девушка кричит ему вслед:

- Ой-ой-ой! Он так хочет, как я стесняюсь!

Бывают, конечно, и сложные ситуации, требующие специальных подходов. В таких случаях можно сыграть на соперничестве или любви женщин к показухе. Так как многие девушки находятся в состоянии подсознательного соперничества с остальными представительницами женского рода, то, например, публичное проявление внимания к кому-то легко пробудит у них инстинктивный дух конкуренции, который можно легко использовать в своих корыстных целях.

Жизнь в лагере-санатории шла своим чередом. В свободное время мы всё также вечерами расползались парами по углам, а днём играли в настольный теннис и футбол. С последним вспоминается несколько интересных моментов. Гоняли мы мяч на небольшом поле для баскетбола. Команды набирали из своего отряда и только пару пацанов из младшего класса, так как остальными была просто малышня. Спорт-инструктором лагеря был у нас один местный грек, который, из-за моего с ним генетико-национального родства, доверил мне ключи от кладовки со спорт-инвентарём и назначил в добавок ещё и капитаном лагерной команды. Изредка, с переменным успехом, нам удавалось неофициально сыграть и с командой соседнего санатория, уже на полноценном футбольном поле. У них в команде играла парочка очень техничных грузин. Помню, что одного из них звали «Со в квадрате», т.е. Сосо. Были они весёлыми и страстными парнями, абсолютно не стесняющимися сыпать комплиментами и признаваться в любви всем девушкам подряд, включая и наших лагерных болельщиц. У меня иногда создавалось впечатление, что наши девушки ходили на поле не столько болеть за нас, как просто очередной раз послушать дежурные признания в любви, а также заверения в их неземной красоте и обаянии. Действия этих грузин, и, главное, то, как девицы на это реагировали, лишний раз подтверждали мои вышеприведённые выводы о женской природе сексуальности и методов соблазнения.

Интересно также, что в моём друге Алике, внезапно проснулся талант голкипера. При этом я не помню, чтобы он хотя бы когда-то стоял в воротах как до этого лагеря, так и после него. У него был красно-желтый свитер со львом на груди. Оправдывая на сто процентов изображение на

своём свитере, Алик, словно лев, защищал ворота нашей команды. А однажды, в один прекрасный день, у нас состоялся официальный матч с соседним лагерем. Примечательно, что на эту игру наш спорт-инструктор выдал нам футболки с логотипом «Queen». Почему трафарет с логотипом группы

был нанесён на футбольную форму, осталось загадкой. Но мы с честью оправдали возложенное Квинами, спорт-инструктором и нашими болельщиками доверие. Мы отдали все свои силы победе. За нашу команду играл даже один парень (мой тёзка откуда-то из Подмосковья), которому несколько дней назад вырезали грыжу. Он так и носился по полю, придерживая одной рукой повязку внизу живота, чтобы не разошлись швы.

Как я уже писал, в лагере мы не просто отдыхали, но также учились и лечились. Школа была во второй половине дня. Было только по четыре урока в день, без каких-либо домашних заданий. Учителя были все очень доброжелательные, с любовью относящиеся к своему делу. Объяснением этому могли быть как минимум две причины: их отбирали для этой работы, а не набирали по объявлению, и то, что они, по-видимому, очень дорожили этой работой. Когда мы приехали в санаторий, мы не привезли с собой никаких выписок по успеваемости. А так как никто из нас ранее с санаторными учителями не имел конфликтов и никто ни на кого не точил зуб, мы для них все были одинаковыми. Все эти факторы раскрыли в нас сумасшедший потенциал к учёбе. По окончании лагерной смены нам выписали таблицы об успеваемости третьей четверти. Мы с Аликом вернулись в Молдавию чуть ли не круглыми отличниками. Но, к сожалению, по возвращению в родную школу-дурдом, наши учителя - новаторы очень скептически отнеслись к нашим успехам, назвав их мнимыми, а результаты поддельными.

С утра наша жизнь в санатории была заполнена хождением по различным процедурам. Нам делали ингаляции, электрофорез, массаж, УВЧ-терапию и т.д. В перечень процедур входили

также занятия по ЛФК (лечебной физкультуре). Именно там со мной произошёл один курьёзный случай, имевший определённые последствия. Переодевшись в мужской раздевалке в плавки, мы

Заниматься физкультурой в такой обстановке?

зашли в зал, где нас уже ждала женская часть коллектива. И тут, увидев наших девиц в купальниках, я зарделся, как спелый помидор. Особенно я обалдел, когда увидел в изящном купальнике, покинувшую меня недавно мою вторую пассию. Она выглядела как *Венера Милосская*, только ещё и с руками. Мы встретились глазами и я чуть не потерял сознание. Гормоны брандспойтом вдарили мне в оба мозга. Я весь налился кровью, так, что у меня даже стала кружиться голова.

Самое неудобное было то, что кровью налилось и моё мужское естество, скрывать которое не было никакой возможности. Я выскочил обратно в раздевалку, быстро оделся и без объяснений покинул спортзал. На мой отказ заниматься лечебной физкультурой из персонала санатория никто никак не среагировал. По-видимому, я был не первый, кто не справился с эротическими фантазиями, продуцируемыми своей бесстыжей второй сигнальной системой. Вторым следствием посещения спортзала с полуголыми девицами было то, что во мне с новой силой вспыхнула страсть к расставшей со мною второй подружкой. Я осознал, что потерял, и с удвоенной энергией принялся добиваться её возвращения в лоно нашей священной дружбы. Моя целеустремлённость была вознаграждена, и мы вновь начали встречаться. Её кавалер, который уже практически скорешился со мной, опять злобно насупился и повторно вызвал на дуэль. Битву решили замаскировать под карате поединок. В нашей комнате сдвинули кровати, имитируя татами, договорились о правилах и приступили к внутривидовой схватке самцов. Первый же его удар «маваши-гери» пришёлся на мою впалую грудь и откинул меня через всё татами прямо к окну. Рефери засчитал моему противнику чистый «иппон» после чего все бросились ко мне, чтобы удостовериться, что я жив. Я, хватая воздух прерывистыми глотками, злобно прошипел своему сопернику в лицо:

- Хрен тебе моржовый, а не (имя девицы).

Спустя несколько дней у нас состоялся разговор на чистоту, который ни к чему не привёл. «Пусть она сама выбирает», - пришли мы к джентельменскому соглашению. Однако она, очевидно, была не против сложившегося положения. Её, по-видимому, достаточно захватывал и интриговал, установившийся дуализм ситуации. А каждый из нас, в свою очередь, боясь потерять её благосклонность не настаивал на её окончательном и однозначном решении. Так мы и жили, потихоньку конкурируя между собой, презирая ревность и зависть. Сегодня тебе свезло, а завтра кому-то из нас. Анекдот в тему. Без каких-либо намёков или аналогий, так, чтобы просто расслабиться.

Нашли как-то моряки на необитаемом острове двух мужиков и одну бабу, спасшихся после кораблекрушения.

- И долго вы здесь находитесь?

- Лет десять уже.

- И как же вы втроём тут уживаетесь?

- Да запросто! Понедельник, вторник и среда - она моя жена. Четверг, пятница и суббота - она его жена.

- А по воскресеньям вы что делаете?

- А по воскресеньям мы ее вдвоём мудохаем за распутство!

Помнится ещё, каким незабываемым праздником щенячьей радости был для меня день 8 марта. Как и положено, сначала были танцы. В этот день все наши девицы как будто посходили с ума. Словно как у определённого вида бабочек, у которых есть единственный день в году, когда они могут спариться. А так как девиц у нас было немного больше, чем парней, да к тому же,

многие из ребят были настолько стеснительными, что просто прятались в дни танцев по разным закоулкам, конкуренция между девушками стояла сумасшедшая. В связи с этим некоторые девушки, пришедшие на танцы, чувствовали лёгкое недомогание, поэтому решили помогать парней сами. И вот, удовлетворив женскую потребность в танцах, мы под конец вечера уселись стройными рядами в холле пред телевизором для просмотра «Голубого огонька» и «Мелодий и ритмов зарубежной эстрады». Мне удалось вовремя захватить позицию рядом с (имя девицы), тогда как мой конкурент расположился позади меня, где он на протяжении трёх-четырёх часов натужно пытался мне в затылок. Сначала меня это раздражало. Я иногда поворачивался, злобно цыкал зубами, закатывал глазки, т.е. всячески давал ему понять, что если сегодня он в пролёте, так пусть не мешает своим навязчивым присутствием людям получать наслаждение. Потом я о нём напрочь забыл и принялся понемногу склонять голову на заветное женское плечико объекта моего вожделения. С плечика, миллиметр за миллиметр, моя голова сползла уже на мерно вздымающуюся грудь. Тогда, ощутив безмерную радость и полное умиротворение, я впал в сладкую полудрёму. Увидев весь этот разврат или же ей кто-то настучал, наша воспитательница склонилась к моему уху и прошептала:

- Константин, если вы засыпаете, то не переместиться ли вам в свою кровать?

Я сначала спросонья пытался сообразить, это предложение касается меня одного или нас обоих. Но, узрев строгий взгляд воспитательницы, догадался, что предложение относится только ко мне.

- Нет! Ни за что! - воскликнул я, вызвав взрыв смеха моих со-лагерников.

И вот наступили дни расставания. Нас увозили в течении нескольких дней, в зависимости от того, у кого когда был рейс из аэропорта Новороссийска. В лагере стояла слёзно-сопливая погода. В последние дни воспитатели перестали нас контролировать совсем. Мы были предоставлены сами себе. Всё время обнимались, обменивались адресами и подарками. Всячески утешали друг друга. Выли под гитару разные жалостливые песни про разбитую любовь и утраченные надежды. Уверяли друг друга, что мы обязательно ещё встретимся. Ну и т.д. и т.п.

Молдаване отправились домой в числе самых последних. Прилетев в Кишинёв, мы сошли с трапа самолёта уже действительно повзрослевшими, умудрёнными житейским и прочими опытами и уже попрощавшимися с детством.

(7) Вот ещё одна история, правда, к лагерной жизни имеющая лишь опосредованное отношение. Как-то мама моего двоюродного брата Степана получила от конфетной фабрики «Букурия», где она работала, несколько путёвок в дом отдыха на Чёрном море, в посёлке Затока. Вообще, на Одесском побережье, во многих посёлках городского типа, таких, например, как Сергеевка, Коблево (или Кобелёво, как мы шутили), Затока, практически все объекты санаторно-курортного типа были построены на средства МССР. В своё время Украиной была выделена там для Молдавии определённая территория под застройку в бессрочное и бесплатное пользование. Вы спросите: «С какого?» Обратимся немного к истории.

Дело в том, что исторически территории Бессарабии в Средневековье были частью Молдавского княжества. Потом эта земля лет 300 находилась под властью осман. А с 1812 года

после русско-турецкой войны, Днестровско-Прутское междуречье было присоединено к Российской империи (по праву победителя). В 1818 году на этой территории была образована Бессарабская область, а в 1873 году – целая Бессарабская губерния. В ноябре 1917 года в России состоялся большевистский переворот (или если кому милее - Великая Октябрьская Революция). Приняв за чистую монету то, что русская революция провозгласила право народов на самоопределение, молдаване в декабре 1917 года в Кишинёве наспех создали орган государственной власти «Сфатул Цэрий», который через месяц провозгласил образование Молдавской Народной Республики. Однако Румыны, воспользовавшись революционным бардаком в России, присоединились к Румынскому фронту русского царского генерала Щербачёва (типа для охраны русских и румынских границ от большевиков и поддержания порядка и спокойствия в своём тылу) вошли в Бессарабию. Напомню, что тогда ещё шла первая мировая война. А вот в марте, сразу же после того, как Россия вышла из войны (после заключения Брестского мира), «Сфатул Цэрий» быстренько переобулся и проголосовал уже за соединение Бессарабии с Румынией. Не вдаваясь в детали возни, которая возникла вокруг этой территории, скажу только то, что с того времени и до 28 июня 1940 года Бессарабия находилась в составе Румынии. В августе 1939 года Сталин с Гитлером поделили мир. Сталину, наряду с Эстонией, Латвией, Финляндией и куском Польши, причиталась также и Бессарабия. Усатый «вождь народов» выждал ещё годик и, дождавшись падения Франции перед нацистами (Румыния имела военные гарантии Франции), двинул свои войска в Бессарабию. При этом Измаильский и Аккерманский уезды (побережье Чёрного моря), а также Хотинский уезд и Северная Буковина (Карпаты) Бессарабии были по надуманным причинам присоединены к Украинской ССР. А ещё через год, другой вождь (только уже с плюгавыми усиками), двинул свои войска вместе с Румынами, опять же в Бессарабию. Наконец, в августе 1944 вся эта территория была возвращена в цепкие лапы Советского Союза после разгрома румынско-немецких вояк в ходе Яско-Кишинёвской операции. С тех пор Молдавия так и осталась в тех границах, которые были обозначены на начало Великой Отечественной, т.е. без своих бывших бессарабских земель на Черноморском побережье и в Северной Буковине, кои закрепились за Украиной.

В конце 60-х годов руководство СССР с удивлением узнало, что у Украины было много приморских здравниц, а у Молдавской ССР - ни одной. Тогда власть имущие сжалились над Молдавией и решили формально передать ей в пользование некоторые земли в посёлках, расположенных на побережье возле Одессы. На этих землях и стали возводиться, и в дальнейшем финансироваться за счет молдавского бюджета, молдавские санаторно-курортные зоны. Вот почему мы ездили в молдавские пионер-лагеря, санатории и дома отдыха, находящийся на территории Украины.

Но вернёмся в Заток, в год так 1981. Мы приехали в дом-отдыха в довольно странном составе: я, мой отец и мой двоюродный брат, который на полгода младше меня. Судя по всему, такой подбор отдыхающих был сделан потому, что путёвок было три штуки, а родители Степана по каким-то причинам не могли поехать. Тогда, наверное, предложили, чтобы с ним поехал его дядя (т.е. мой отец). Ну а раз так, то и меня до кучи взяли.

Пляж в Затокe.

Отдыхать в позднем подростковом возрасте с отцом, занятие, прямо скажем, не самое весёлое. Отец, конечно, пытался нас как-то развлекать. Он учил нас, как правильно подныривать под волны и как правильно скользить по волне в шторм, как справляться с тягуном (сильное обратное течение) чтобы не затянуло в море, и что делать, если всё же унесло. Иногда мы боролись с ним на пляже. Мы, как львята, объединившись в одну команду, напали на него. Он поначалу вяло отмахивался от нас и отбрасывал на песок. Мы настырно лезли к нему и, тужась изо всех сил, пытались положить его на лопатки. Потом, когда ему это надоедало, он скручивал нас в бараний рог и обездвиженных прижимал к песку.

Вечерами мы иногда слушали по транзистору «ВЭФ-201» запрещённые западные радио станции: «Голос Америки» или «Свободную Европу». Отец слушал политические сплетни, а я Севу Новгородского из Русской службы Би-би-си. Так как на берегу глушилок не было, то радиосигнал, приходящий из Турции, был отменным. Помню, я тогда впервые услышал AC/DC и что стиль, в котором они играют называется «heavy metal».

Однажды в Затокe приехали на гастроли «Весёлые Ребята». И вот, когда разгружали их аппаратуру, чтобы установить на сцене, их импресарио или технический директор, или фиг его знает, как его тогда называли, спросил у нас, проходящих случайно мимо, не хотим ли мы помочь прославленному коллективу таскать их колонки и усилители за возможность потом бесплатно присутствовать на концерте кумиров миллионов. Наверное, хитрый мужик решил сэкономить деньги на грузчиках, поэтому вылавливал всяких подростков, типа нас с братом, чтобы мы поработали на халяву. Творчество советских ВИА нас мало привлекало, но от скуки мы согласились. Мы перетаскали уйму колонок, каких-то ящиков и коробок. А когда всё подключили

и проверили звук, я попросил разрешения слабая что-то на органе, или, как мы тогда его называли, «ионике». Мне разрешили, и я выдал главную тему из «July Morning» легендарных Uriah Heep. Я только несколько месяцев назад выучил эту мелодию, после многочасовых слёзных просьб к моей сестре, чтобы она показала, как играть это чудо, и написала мне ноты.

- Хм, классная вещуха, - отметил импресарио. Откуда?

- Это же «Хипы», - с удивлением ответил я. Что, разве не похоже?

- Что ещё за «Хипы»?

От невероятности происходящего у меня пропал дар речи. Как можно не знать, кто такие «Хипы», да ещё и музыканту или даже «околомузыканту». Но толстый импресарио продолжал всё также вопросительно глядеть на меня. Я лихорадочно думал, как и что ему ответить. В голове крутились всякие слова и словосочетания, но выдал я совсем не то, о чём думал:

- Вот поэтому вы с «Весёлыми Ребятами» и выступаете...

Толстяк, ухмыльнувшись, скривил непонимающую морду, махнул на меня рукой и, повернувшись, пошёл по своим делам.

Весёлые Ребята на "косиве".

Интересно, что мы ещё не раз потом таскали аппаратуру за бесплатное посещение концертов на затокской эстраде, когда там выступали очередные гастролёры. Было так, что даже прямо в наш дом отдыха приехала ВИА от фабрики «Букуррия», собственно, от которой и был сам дом отдыха. Артисты два дня до первого выступления без устали поглощали местное «шабское» вино и все ночи предавались блуду с девками из подтанцовки. Музыканты они были так себе, но благодаря своему репертуару притягивали на выступления народ со всей Затоки и Каролино-

Бугаза. Большая часть их программы состояла из зажигательных молдавских песен типа: «Иоанне, Иоанне, наливай о суте грамме» и одесской блататы. Мы с ними подружились и им тоже помогали таскать аппаратуру на концерты.

Однажды мы с брательником решили наведаться в Сергеевку, в пионерлагерь, где в тот момент там чалился мой дружбан Бацилла. Туда по косе было идти километров пять, поэтому мы предупредили отца, что идём гулять по морю и можем не успеть к обеду. Помня, какой фурор своим внешним видом произвёл на молоденьких пионерок забредший в лагерь фронт (смотри историю про него выше), я одолжил у барабанщика ВИА «Букурия» солнцезащитные очки-хамелеоны с наклейкой-лейблом «*Maде ин Ненаше*». Также он мне презентовал пустую пачку от только начавшегося выпускаться кишинёвского «Marlboro». Тогда эти сигареты считались пиком крутости. Нацепив очки на нос и засунув «Marlboro» под резинку плавок, мы со Стёпиком похилияли вдоль моря по косе в Сергеевку.

Коса между лиманом и морем, и между Затоккой и Сергеевкой.

К моему удивлению, на морской косе пионеров не оказалось. Это показалось мне странным. Для того, чтобы в погожий солнечный день не вывезти детей на море, должна была быть веская причина. Тогда мы решили идти прямо в лагерь по пешеходному мосту через лиман и деревню. Благо по курортной Сергеевке можно было ходить просто в плавках. Подойдя к лагерю, мы обошли его вокруг по известной мне тропе и с тыла вышли к воротам, через которые обычно грузили пионеров на катера, отправляющихся на морскую косу.

Возле ворот загорала пионерка и, судя по её формам, из самого старшего отряда, где, по идее, должен был быть и Бацилла. Я быстренько вошёл в образ Джеймса Бонда и, поправив пустую пачку «Marlboro» зажатую резинкой плавок, (чтоб лучше было видно), спросил незнакомку:

- Бонжур, крошка. Ты Бациллу знаешь?

- Какую такую Бациллу? – удивлённо уставилась на меня молодая сеньорита.

Ах, ну да. Откуда же ей знать кликуху моего другана.

- Ну, в смысле, Ваську Ярыгина.

- А он что, заразный? - по тревоге в её голосе я понял, что она его знает и может даже близко.

- Да нет, не волнуйся. Это его подпольный псевдоним. - А почему вы не на море? – поинтересовался я.

- Да у нас сегодня, что-то вроде родительского дня.

- О, так мы удачно пришли. Родаки подарков навезли.

- Да не, не так уж и навезли. Почти ни к кому не приехали. А вы кто Васе Ярыгину?

- Так я его папа. - А он, - я указал на Стёпика, - его дядя. Пришли навестить нашего мальчика.

Девчонка залилась звонким смехом на, в общем-то, мою тупую шутку. Тогда я понял: «есть контакт». Она пошла за Бациллой и сообщила ему, что приехал его отец и дядька. Тот сперва очень удивился, а когда пришёл и увидел меня, то долго ржал. Потом пришли его лагерные дружбаны и принесли сушёных бычков. Мы просидели на причале пару часов, делясь новостями, поедая очередную гирлянду из рыбок. Пионеры жаловались на скукоту в лагере и спрашивали, как там на воле. Я в меру выпендривался, рассказывая про нашу со Стёпиком бурную курортную жизнь, существенно приукрашивая всякие незначительные события. Мои потуги придать себе неотразимый и взрослый вид не прошли даром. Девчонка смотрела на меня влюбляющимися глазами, а когда мы засобирались в обратный путь, она, преодолев свою девичью скромность, спросила меня:

- Ты придёшь ещё?

- Всенепременно. - Аста ла виста, бэби! - я помахал ей на прощание рукой.

Обманул, подлец.

Проотдыхав больше половины срока путёвки, мой отец начал подавать первые признаки скуки. Хоть он и продолжал делать длительные заплывы в море и играть в пляжный волейбол, было заметно, что своё он уже от отдыха взял. Поэтому, как человек дела, он всё больше поглядывал в сторону железнодорожной станции, думая слинять с курорта. На какое-то время ему удалось найти себе ещё одно занятие. Войдя в образ народного контролёра, он заходил на кухню и требовал от поваров проверки утвержденного (в соответствии с нормами производства) меню, которое, по его мнению, не соответствовало фактическому. Проще говоря, он считал, что повара не доведывали порции. Помните: «Тиграм мяса недокладывают!»! Те, как и положено, поначалу возмущались обвинениям: «Да чтоб мы хоть грамм у людей забрали. Да как вы можете такое подозревать!»! Потом ссылались на поломанные весы, чрезмерную усушку продуктов, сложность приготовления пищи из-за старых плит и т.д. и т.п. В конце концов, ему докладывали ещё немного еды в порцию, чтобы он отвязался. А со временем хитрые расхитители социалистической собственности сообразили, чтобы избежать скандала и проверок, лучше именно для нас троих порции слегка увеличить. Конфликт был исчерпан, и отец опять заскучал. Тогда он схватился за последнюю соломинку, как убить время. Он одолжил у кого-то почитать трилогию Юлиана Семёнова про Штирлица. Книга его достаточно сильно увлекла, поэтому он всю её прочитал всего

за два дня. И вот, перевернув последнюю страницу, он захлопнул книгу и спросил нас: «Не хотите ли вы поехать домой пораньше?»

В воздухе явно запахло свободой. Мы со Степаном раскрыли от удивления рты и отрицательно замахали головами.

- Ни за что! Есть же ещё три дня. Нам здесь очень нравится. Езжай сам, если хочешь.

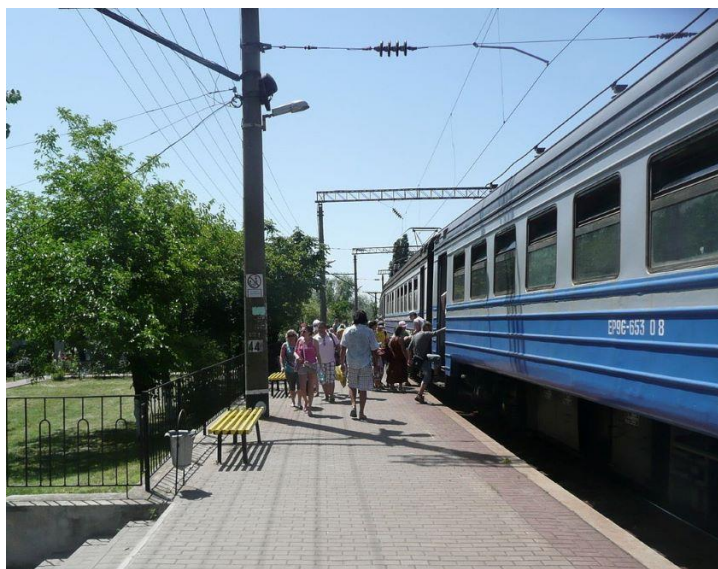
- Ну ладно. Пообещайте мне за буйки не заплывать, - единственное, о чём попросил нас отец.

- Да не боже ж мой, - поклялись мы.

Отец начал собираться, а Степан рванул на платформу посмотреть, когда ближайшая до Одессы электричка. Мы проводили отца на платформу и распрощавшись помахали ему в след руками.

- Ну и...? – пристально всматриваясь мне в лицо, спросил Степан.

- Подождём пару часов, вдруг передумает и вернётся, - хладнокровно ответил я.

Электричка из Затоки в Одессу, которая увезла папу домой, подарив нам три дня свободы.

К вечеру стало ясно, что отец точно уехал. От ощущения свободы и вседозволенности мы даже подрастерялись сначала. Мы сверкали глазами и раздували ноздри в предвкушении праздника «самостоятельности». Наша кровь вскипала, а души требовали запрещённого.

Как только весть о нашей беспризорности распространилась по дому отдыха, так сразу перед нашими глазами появились две змеюки-искусительницы. Это были две хорошо знакомые нам подружки или сестры, сейчас уже не упомяну,

которые отдыхали в пансионате со своей тётёй. Тётя их была молода и, видимо, на курорте пыталась наладить свою собственную личную жизнь, поэтому девицы были под несущественным контролем.

Надо сказать, что мы с ними находились в тёплых дружеских отношениях. Посещали вместе киносеансы и концерты, а также частенько играли в карты на пляже. Таким образом, у нас были контакты, скажем так, где-то третьей степени близости, т.е. перемигивания, переглядывания, смешки и разного рода намёки. Однажды они приходили даже на мой день рождения, который выпал на один из дней во время нашего там отдыха. Когда отец разрезал огромный арбуз, купленный вместе с тортом на празднование торжества, одна из девиц, та, которая мне нравилась, спросила, сколько лет, мол, имениннику. Услышав ответ, она повела одной бровью вверх и ухмыльнулась, будто говоря этой улыбкой: «Эх, молодой ты ещё для меня, паря...». Тем не менее,

я не переставал оказывать ей всякие знаки внимания, добиваясь её благосклонности «здесь и сейчас», совершенно не заботясь о моём с ней будущем. Как говорится, жил с девизом: «куй железо, не отходя от кассы».

Девчонка она была видная, и вокруг неё часто ходили кругами разные соискатели на её сердце, которых я всячески пытался отогнать. Среди таких претендентов была и одна весьма колоритная личность.

Как-то раз во двор нашего пансионата зашёл невысокий, но очень грузный молодой человек бандитской внешности и с надменным выражением лица. Весь его вид чем-то напоминал большую бездомную собаку, которая по случайности забежала не на свою территорию. Он злобно бросил на нас свой взгляд, а увидев симпатичных девушек, мотнул башкой и плотоядно облизнулся, разбрызгивая по сторонам слюну. Девчонки, скорее подчиняясь инстинкту, чем его очарованию, как и положено молодым самкам, приветливо замахали хвостами.

- Ну что, принцессы, покуролесим сегодня вечерком? - закинул пришлый субъект на удачу пробный шар. - Хотите прогуляемся по пляжу, а хотите в бар-дискотеку пойдём? - продолжало соблазнять наших спутниц гориллоподобное существо с широкой грудью и несоразмерно длинными и кряжистыми руками.

По мере его приближения стала видна морда человека-обезьяны. Она как-бы утонула в жировых складках его бугристой и пористой кожи, всей покрытой какими-то оспинами. Из под набрякших век, которые прятались под огромными нависшими надбровными дугами, лихорадочно бегали по сторонам маленькие хищные глазки. При этом, когда он хрипел своим вконец прокуренным голосом, его ноздри на широком приплюснутом носу сильно раздувались и все время трепетали, пытаясь, видимо, жадно втянуть теплый девичий запах. Увидев вблизи верзилу, наши спутницы в страхе расширили глаза и принялись дрожать, аки осиновые листики на ветру.

- Они куда с тобой не пойдут, - самоубийственно взбрыкнулся я. Это наши подруги, и они будут с нами. И как бы подтверждая сказанное мной, девчонки судорожно вцепились в мои и брата руки.

- Ы-ы-ы-ы-ы, - промычала горилла. Ты чьих будешь, шпингалет?

- Ничьих. - Я за наших, - начал я плести какую-то белиберду.

- Живёшь то где?

- В Кишинёве.

- Понятно, что в Кишинёве. Где в Кишинёве?

- На Ботанике.

- Что-то я там таких борзых не видел. - Ну что, пойдёте со мной гулять? - опять он обратился к девушкам, абсолютно игнорируя мои возражения, - или будете с малолетками якшаться?

- Ббббудем, будем с ними якшаться, - заикаясь ответили ему преданные нам красавицы.

- Ну ладно, ладно. - Посмотрим ещё, - сказал верзила и не прощаясь поковылял прочь.

На протяжении всего нашего отдыха он ещё много раз приставал к нашим девчонкам, но как-то лениво, будто на авось. Я это просёк и принялся ему уже дерзить и угрожать. Правда, на

существенном расстоянии. Я был уверен, что ему меня не догнать ни в жисть и что я скорее загоняю его до смерти. Верзила же грозил мне кулаком и показывал, как он меня разломает вдребезги напополам, если схватит.

Потом, уже в Кишинёве, я узнал, кто это был. Им оказался один из центровых (по месту жительства в Кишинёве), по кличке «Габен». Кто-то ловко подметил его внешнее сходство с великим французским актёром и нарёк эту грудку мяса именем благородного человека. Однажды в Кишинёве я даже встретился с ним нос к носу. А дело было так.

По возвращению из дома отдыха, я рассказал своим пацанам обо всех своих приключениях в Затоке. Рассказал и про Габена, и о наших непростых с ним взаимоотношениях. И надо же, что буквально через пару дней после моих рассказов мы, гуляя с Вовочкой-Шнацелем и ещё с кем-то по Проспекту Мира, зашли под арку Вовкиного дома и нарвались там на моего затокского оппонента.

- Атас, - заорал я что есть мочи. У пацанов чётко сработал рефлекс, и мы разбежались в разные стороны. Потом мы ещё долго петляли по району, оглядываясь по сторонам и пытаясь замести следы, после чего собрались на скамейке возле вовочкиного дома. И прямо в момент нашего бурного обсуждения произошедшего, из темноты нарисовался Габен. Бежать было бесполезно, и мы мысленно приготовились к экзекуции. Но, к моему удивлению, он повёл себя весьма дружелюбно. Было видно, что он не просекает, почему мы так стремительно смылись и долгое время маневрировали после встречи с ним. Потом, всмотревшись в наши лица, он тыкнул в меня своим пальцем и сказал:

- О, этого знаю. Ты чего убежал? Из-за тех баб в Затоке, что ль?

- Ну да, а чего ещё.

- Да ты что, братуха! Чтобы я на кореша из-за какой-то тёлки обиделся... Да ты за кого меня имеешь?

Тут я понял, что бить меня не будут, и что я, оказывается, кореш этому типу. Меня немного отпустило, но я всё равно оставался начеку.

- Ты чё думаешь, если бы я хотел тебя там измудохать, то не нашёл бы как? Да мне просто веселуха была вас гонять. Да забей ты... Ну и т.д.

Он ещё долго нам рассказывал какие-то блатные сказки, про крепкую мужскую дружбу и предательство женщин, после чего мы расстались и в жизни я его больше никогда не встречал.

Но вернёмся ко дням нашей «свободы» в Затоке.

- Говорят, что вы остались одни? – закинула удочку одна из наших подруг, заходя к нам в комнату. - И что вы собираетесь делать?

- Да всё, что захотим, - ответил я с понтом.

- Ну и чего же вы хотите? – замурлыкала вторая, улыбаясь и интригуяще стреляя глазками.

На самом деле мы сами не понимали, что же такого запрещённого мы хотим. Перефразируя классика:

«...Нам вчера дали свободу
Что мы с ней делать будем?»

Из списка запрещённых развлечений для нас более менее актуальными были всего лишь: алкоголь, табак и разврат. Но так как радость от первых двух нам пока ещё оставалась малоизвестной, а чтобы легко заняться третьим, было маловато практики, мы предложили девицам самим определить уровень нашего грехопадения.

- Ладно, - опять промурлыкала та, что была менее скромной и которой я больше симпатизировал, - тогда будем веселиться у вас в комнате.

- Давай, - меня аж в жар бросило от предвкушения предстоящего веселья без родительского присмотра.

- Но для начала надо покурить.

- Кури сколько хочешь, - разрешил я.

- Но у меня нет сигарет. - Да и выпить чего-нибудь не мешало бы, - продолжала корчить из себя светскую львицу несовершеннолетняя искусительница, напоминая собой героиню Мерлин Монро из сценки «В джазе только девушки».

«Понятно, - подумал я. Девичьи мозги работают примерно по той же схеме, что и наши, и ограничиваются тем же примитивным набором развлечений: алкоголь, табак и разврат». На заинтересованность последним намекало это её: «Но для начала...». Трудно было себе вообразить, что накурившись и набухавшись, молодые леди захотят играть в шахматы, решать сканворды или задачки по алгебре. Оставалось только одно - разврат. Ради перспективы этого, можно было и поднапрячься.

- Сейчас всё будет, - заверил я девиц и засобиравшись в местный магаз. У меня оставались кое-какие сбережения. Я пересчитал лавэ, отобрал какие-то медяки у братана и спросил у потенциальной развратницы:

- Что сеньорита предпочитает в это время суток?

- Чего-нибудь сладенького, - снова промурлыкала вожденная бестия.

Собственно, «чего-нибудь сладенького» я и попросил в магазине у продавщицы. Та сначала молча и угрюмо уставилась на меня, но потом разулыбалась и, подмигнув, спросила:

- Что, к сладкой ночи готовишься?

Я зарделся от стыда.

- Да нет. Это так. Это просто для меня, - начал я изворачиваться.

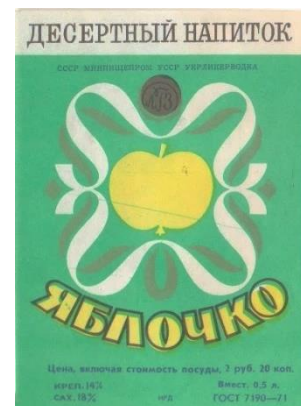
Народ вокруг с завистью замахал головами, типа: «Эх, где наши годы молодые».

- Да знаю я, что для вас, молодых, сейчас самое сладенькое. На вот, возьми «Яблочко». Только смотри, не переусердствуй с ним. - Коварное пойло, - и продавщица протянула мне бутылку.

- Ладно, - сказал я, - дайте мне ещё пачку «Космоса».

- Курево не положено! Только после 18 лет.

Очередь сочувственно завздохала: «Ну мол, что делать.

Яблочко - жуткое пойло.

Не положено же так, не положено». Я стоял в некотором оцепенении соображая, где тут логика. Хотел было повозмущаться, но потом решил: «да и фиг с ними, а то сейчас ещё и бутылку не дадут». Взял пузырь и рванул из магазина.

По дороге я стрельнул пару сигарет для дамы-сердца. Сначала мне дали «Шипку» без фильтра. Я подумал, что навряд ли моя кокотка захочет смолить сигаркой из «братской могилы», как их называли за картинку на пачке, поэтому продолжил стрельбу. Второй мужик презентовал мне «Дойну».

- Судя по всему, дрянь ещё та, - подумалось мне, вспоминая расхожую присказку:

«Дойну куришь,
Дойну пьёшь,
И на Дойну попадёшь».

Но драгоценное время шло, и я не стал его тратить на поиск более достойных моей мамзели курительных палочек. Как оказалось, зря, так как спешка хороша только в двух случаях - при ловле блох и при поносе.

- Что за лажу ты мне принёс? - заныла капризная барышня. - Я такую дрянь не курю.

- Что же тебе надо, кошка драная, - подумал я, но сказал: - Ладно, сейчас притащу другие. Какие ты хочешь?

- Какие-нибудь нормальные, а не эту балегу, - сказала барыня, церемонно выбрасывая в мусорку добытые мною сигарки.

Я рванул попрошайничать и опять поспешил, потому что не уточнил, что эта зараза имела ввиду под «нормальными». Битый час я шмонал сигареты по всей Затоке. Больше всего мне совали болгарскую дрянь, так как в основном она продавалась на этом курорте. Попадалось немного и из благородных молдавских, типа «Флуераша» и «Кишинэу». Я знал, что самыми клёвыми на то время считались кишинёвский «Marlboro», а потом «Космос», но шанс, что кто-то угостит меня ими, был минимален. В конце концов, убив почти весь вечер на клянченье сигарет, я решил зайти на всякий случай ещё в пару магазинов, в надежде, что хоть где-то мне продадут заветный «Космос». На моё удивление, в первом же магазине мне без проблем его продали.

Когда я вернулся в пансионат, то понял, что ужин я про...пустил. Но не гастрономический голод меня мучил, а душевно-эмоциональный, в предвкушении заветного «сладенького».

Миледи, слава Зевсу, была удовлетворена моими презентами в виде плодово-выгодного пойла «Яблочко» и «Космоса». Я открыл пачку сигарет и предложил ей закурить. Она церемонно взяла сигарету, прикурила и подошла к открытому окну. Но когда я увидел, как она пускает в него дым, то понял, что курить она не умеет, а делает лишь ветер вокруг. Однако из-за своей прирождённой деликатности и маячившей перспективы «сладенького», я сделал вид, что не вижу её понтодёрства.

Насытившись никотином, мы приступили к вину. Разлив пойло по стаканам, мы попытались удобно примоститься на узких кроватях с ржавыми железными сетками. Однако старорежимная дотдыховская мебель не позволяла нам это сделать с должным комфортом, поэтому мы, просто погрузив свои тела в продавленную, словно гамак, сетку, приступили к светской беседе.

Через пару минут все темы были исчерпаны. Тогда дамы предложили играть в карты. Из всех карточных игр наши очаровательные овечки могли играть только в «Пьяницу» или «Верю-не-верю». Вторая игра нам показалась более азартной, в которой можно и дурачиться, и блефовать. Спустя какое-то время я заметил, что периодически к бутылке прикладываемся только я и моя зазноба. Степан же и вторая девица, с ужасом наблюдая за нашими внешними метаморфозами, пытались хоть как-то затормозить гадкий процесс наступавшего разложения. Моя «дама пик», чем дольше мы играли и пили, тем больше заливалась беспричинным смехом и всё чаще и чаще обнимала меня за шею и прижимала свою голову к моей груди.

«Лёд тронулся», - обрадовался я.

Но не тут-то было. Её подруга, то ли из ревности, то ли действительно считала это недопустимым, всё время старалась оторвать её от меня и требовала окончания бардака. Мы ж вдвоём, однако, только начали входить во вкус вакханалии и упорно требовали продолжения банкета. Ещё через какое-то время моя ненаглядная стала проявлять признаки сильного опьянения и склонность ко сну. Тогда её верная подруга решительно принялась оттащить падшую алкоголичку к ним в комнату. Я, увидев, что у меня отбирают объект вожделения, в самый, казалось бы, кульминационный момент, стал энергично протестовать и, в конце концов, вцепился своими губами в её (с паршивой овцы хоть шерсти клок). В наступившей вдруг тишине не хватало только мерного и радостного счёта гостей, как на свадьбе во время затяжного поцелуя молодожёнов. Опомившись через какое-то время, непорочные члены нашей компании, прилагая невероятные совместные усилия, всё же отцепили нас друг от друга. Жадными и глубокими вдохами я пытался восстановить своё дыхание. При этом я хищно облизывался, готовясь ко второму раунду. Моя подружка сначала навела фокусировку, а потом, залившись идиотским смехом, принялась предупреждать меня, чтобы я пенял на себя и что в Кишинёве меня ждут жуткие «базары».

- Какие на фиг ещё «базары». - Да и что мне тот Кишинёв, - хрипел я от возбуждения. Мне надо всё и сейчас.

Мы снова бросились в объятья друг к другу, но счастье было не долгим. Мой брат и вошедшая в предательский сговор с ним её подруга, снова растащили нас по разным углам. В этот момент моя бесшабашная пассия вдруг прижала ладонями свой рот. Я обалдел от увиденного, не понимая, в чём фишка такой жестикуляции.

- Быстро на улицу, - скомандовала её подруга, - и поволокла объект моей похоти во двор, откуда стали доноситься звуки возвращения «Яблочка» наружу из организма моей дамы-сердца.

- Всё! Финита ля комедия! Праздник души и плоти закончился! – с невероятной грустью понял я.

- Что ты наделал?! - Зачем ты её целовал в губы? - спросил меня брат.

- А куда ещё? - удивлённо, вопросом на вопрос, ответил я.

- Ну в щёчку, хотя бы.

- Ты думаешь её от этого затошнило?

- Да нет. Плохо ей стало из-за вина. - Но целоваться в губы это уж слишком...слишком..., - мой целомудренный братан пытался подобрать правильное слово.

- Ах, ты об этом. Так в этом же самый цимес и есть. Эх ты, шкет. - Подрастёшь - поймёшь, - заверил я Степана, который аж на целых полгода был младше меня. После чего я рухнул в изнеможении на кровать, утомленный делами, вином и любовью.

«Базаров» в Кишинёве не было, так как смазливую мамзель я больше так и не повстречал.

Музыка нас связала

1. Как это было.

Одно из детско-юношеских увлечений, которое практически всех нас объединяло - это страсть к рок-музыке. В той или иной степени мы все тогда фанатели от неё. Да и время какое было. Во всю гремели Queen, Pink Floyd, Deep Purple, Nazareth, Uriah Heep, Slade, Sweet, Led Zeppelin, Kiss и т.д. Каждый год выходили их новые альбомы. Я помню, как мы с Гурамом на каком-то уроке в школе, исписали названиями разных групп всю мою деревянную 30-сантиметровую линейку. Пожалуй, там их было десятка три-четыре. Причём знали мы не только названия групп, но и сколько альбомов у них выпущено, как они называются и в какие года выходили.

Сегодня, для того, чтобы найти информацию о том или ином исполнителе или группе и даже прослушать любое их произведение, достаточно лишь сделать пару кликов на компьютере или касаний пальцем в экран смартфона. В нашем детстве подобная информация приходила в большинстве своём через запрещённые вражки голоса, такие как радио «Голос Америки», «Немецкая волна» или «Свободная Европа». Были там пару раз в неделю такие передачи, в которых рассказывали о том, что сейчас происходит в современной рок-музыке. Начинались программы примерно так: «В эфире Голос Америки. Танцевальная музыкальная программа. Вы можете нас слушать по средам и субботам с 20.30 до 21.00 и с 21.15 после выпуска новостей до 22.00 в диапазоне КВ 25 и 31 метр». Репертуар был довольно разнообразным: джаз, поп и рок. Особо прикольной была часть, когда в передаче крутили музыку по просьбам слушателей из Союза, например, для Владимира из Новокузнецка или Марии из Воронежа. В правдивость таких просьб верилось с трудом, так как трудно было представить себе, что кто-то в здравом уме пытался в то время просто так послать письмо-заявку в Вашингтон, не осознавая возможных последствий и для себя, и для своих родителей. Ещё помню такую программу, как "Звуки времени", которая была посвящена какому-нибудь исполнителю и где делали обзоры новых пластинок.

Но больше всего мне нравилась программа Севы Новгородцева по ВВС из Лондона. Этот парень был настоящим кладезем знаний в области рок-музыки и вёл свою передачу с юмором, частенько приглашая разных гостей, которые рассказывали всякие байки и сплетни из западной рок тусовки.

Естественно, что качество всех этих передач было ужасным. Максимально напрягая слух, я пытался сквозь треск и шум, который производили глушилки, понять, о чём идёт речь. Иногда, улавливая отдельные слова, я додумывал уже сам всё предложение. Помню ещё, чтобы каждый

раз не блуждать по шкале приёмника, выискивая нужную мне станцию, я сделал на стекле несколько царапин, показывающих, на каких волнах находится та или иная станция.

Ещё мне нравилась программа Радуга Теодора на румынском языке, выходившая на «Свободной Европе». Помните: «Аича Радио Эуропа Либера...» Там по вечерам, время от времени, крутили целые альбомы. А каждую субботу был хит-парад «Метроном». Главная ценность этой программы была в том, что румыноговорящую «Эуропу Либера» почему-то практически не глушили и качество было более менее приемлемым. Кроме того, благодаря тому, что там крутили целые альбомы, их можно было записывать на магнитофон, правда, только с помощью внешнего микрофона. По моему, как раз из этой передачи у меня появились тогда первые записи альбомов Хипов «Демоны и Волшебники» и «Моргни Глазом» Свит.

И, наконец, если я не ошибаюсь, где-то в начале 80-х по воскресеньям с 10 до 12 утра на радио "Лучафэрул" выходила местная (Кишинёвская) программа "Фонокалейдоскоп Думиникал". Ведущие - Григорий Долинце и Игорь Болбочану. Эта программа выходила на УКВ и в стерео режиме и была, таким образом, максимально качественной по техническим характеристикам радиопередач тех времён. Состояла она процентов на 70 из молдавской и советской эстрады, процентов на 20 из всяких Карелов Готтов и Бисеров Кировых и только в конце давали две-три композиции чего-то приличного из Запада. У моей сестры тогда уже была радиола «Вега-101» довольно приличного качества, поэтому мы наслаждались услышанным в полной мере. Именно из колонок «Веги», подвешенных под потолком, я впервые услышал из Болбочанской программы несколько композиций из Стены, Пинк Флойд. Это было что-то.

«Вега-101»

Вторым источником музыкальной информации было телевидение. В отличие от радио, никакие забугорные телепередачи у нас не ловились. Во всём Союзе было только несколько мест, где можно было смотреть Запад, и одним из таких была Эстония. Помню, где-то в 1979 году мы гостили у маминых приятелей в Таллинне, где остановились на несколько дней во время семейного автопутешествия из Кишинёва в Ленинград и Москву, через Западную Украину, Беларусь и Прибалтику. Тогда я впервые увидел, что такое телереклама, и сильно удивился сему факту. А спустя какое-то время началась необычная для нашего глаза, какая-то развлекательная музыкальная программа, где выступали разные ансамбли с исполнителями очень экстравагантного вида. Были какие-то панки с ирокезами на голове, металлисты и прочие лохматые чудовища.

Дядя Хейно, это у вас такое эстонское телевидение показывает? – спросил я хозяина квартиры.

- Неет, это финская телефидэнэ. - Мы поставили какую-то деталку в телевизор (видимо PAL/Secam декодер) и он покасыфает тепер корошо Хэлсинки, - ответил мне он.

Главная ценность центрального советского телевидения была не в информации, а в том, что можно было увидеть, как на самом деле выглядят музыканты. В нашей ранней юности по телеку выходила передача "Мелодии и ритмы зарубежной эстрады". Как и было тогда положено, вся программа была разделена на несколько блоков. Начиналась передача показом выступления артистов из стран социалистического лагеря, а под конец давали поглазеть на западных. Из соц. исполнителей, за редким исключением (например, немецкой (ГДР) группы Puhdys и венгерской Omega (особенно их «Gammapolis 1 и 2)), выставляли всякую муру. Из капстран чаще всего показывали коллективы, играющие «диско», такие как Чили, Ирапшн, Бони М, АББА, а также всякую итальянскую лабуду. Из настоящих (тяжеловесных) рок банд я не помню вообще никого. Были правда ещё Смоки с Сюзи Кватро и без неё, Клифф Ричард, но это представители скорее такого слащавого поп-рока. Главным выпуском этой нечасто выходившей программы был конечно же Новогодний выпуск. Начинался он очень поздно, около 4-5 утра, уже после всех программ. Помню, как чуть ли не со спичками в глазах сидел в полудрёме, досматривая всякую муть «голубого огонька», чтобы дотянуть до «мелодий и ритмов». Вдруг что покажут.

Однажды, ещё на самой заре своего увлечения рок музыкой, когда мне было годков так двенадцать, я увидел по телевизору в передаче «Международная панорама» небольшой сюжет с концерта Sweet. Там в конце передачи шел раздел про культуру с комментариями «Посмотрите, мол, до чего они там дошли и как загнивают!», где показали значительный кусок песни «Ballroom Blitz». Наверное, только так тогда на экраны СССР могли пропустить кусок такого шоу.

А какой был шок от первое появления Queen на советском телевидении. Помните, в 1986 году в эфире «Что? Где? Когда?». Хитроумный ведущий Ворошилов объявил в «Музыкальной паузе» - ансамбль Куин с песней о мире. На самом деле тогда показали фрагмент их шикарного выступления на Международном благотворительном музыкальном фестивале Live AID с композицией «Мы чемпионы», где у них был просто бешенный успех. По результатам голосования того грандиозного шоу, выступление Queen было признано лучшим на фестивале в

Первое появление Queen на советском телевидении. Музыкальная пауза в игре «Что, Где, Когда».

частности и в истории музыки вообще. Но всё это я узнал гораздо позже. Тогда же просто в ступоре (как между прочем и большинство знатоков в студии) наблюдал за выступлением великих. И хотя на то время я уже имел себе представление, как они выглядят, благодаря фоткам на их пластинках

и плакатам, которые коллекционировал, живое (телевизионное) шоу оказало на меня неизгладимое впечатление.

И вот уже буквально через пару лет по городу поползли слухи, что в кинотеатре «Москова» крутят фильм про Квинов «Волшебство Куин в Будапеште». Мы обзвонили и расспрашивали друг друга, смотрел ли кто-то это кино. Про Квинов это или обман какой? Выяснилось, что никто не смотрел. Тогда я вместе с Вовочкой (по моему) поехали в кассы «Московы» за билетами. Поглядели на афишу. Ничего вразумительного или наглядного, чтобы понять, о чём фильм, не обнаружили. Просто название и всё. Подходим к кассирше и интересуемся у бабки:

- Про что кино то?

- Шо не грамотные? Написано же про волшебство.

- Чьё волшебство?

- Шо без глаз? А ещё в кинотеатр собрались. - Вот же написано, - она ткнула пальцем в расписание сеансов, висящее в холле с кассами. - Волшебство, этой... Как её? Куины!

Таким образом, работница культуры не пролила свет на загадку, скрытую в названии фильма. Смущало ещё то, что в кассе вообще не было очереди. Т.е. представить себе, что на фильм про Queen народ не ломится в кассу и не калечит друг друга за заветный билетик, да ещё и за смехотворную сумму, было как-то нелепо. Мы в нерешительности топтались на месте и смотрели друг другу в глаза с одинаковым вопросом-ответом - «А хрен его знает».

Тут вдруг к кассе подошёл какой-то мужчина и уверенно попросил восемь билетов. На эту, как её? Куину.

- Видимо, он знает, что делает, - предположили мы и спросили его, в курсе ли он, про что фильм.

Парень посмотрел нам в глаза с улыбкой и развеял все наши сомнения, сказав:

- Да, да. Не волнуйтесь. Это про них. Фильм-концерт про их выступление в Будапеште. Грандиозный концерт. Я уже третий раз иду с друзьями.

На просмотр в кинотеатр мы явились уже всей бандой, да ещё и с подругами или жёнами. И вот после киножурнала начался фильм. Показывают виды Будапешта с вертолёт, сопровождаемые пением на венгерском какой-то песни. На венгерском? Но голос уж слишком знакомый. Потом свист на пустом стадионе. Название фильма «Queen» и что-то ещё... Какие-то парни быстро-быстро воздвигают сцену...» Это музыка из «A Kind of Magic», - кричу я, привставая... И... Да!!! Они!!! Понеслась душа в рай. Фильм-концерт шёл часа полтора. Он, хоть и прерывался отрывками из интервью, под конец был такой драйв, что мы уже всю хлопали, орали, притоптывали, свистели и пытались подпевать.

Моя жена взяла мою руку и приложила её к своему животу.

- Чувствуешь, что творит?

Мой сын там во всю танцевал под «We Will Rock You». Так, ещё до его рождения, Queen стал его одной из любимых групп.

Вообще Квинов можно только любить или не любить. В моё же сердце они вошли одной из первых рок банд и закрепились там прочно на самых высоких позициях. Всегда их любил и

старался приучить других. Всё их творчество было очень многогранным, со своим неповторимым шармом и образом. Помнится в детстве мы говорили, что любим их за их «переходы». И что довольно редко для рок-группы, так это их коллективное творчество. Все четверо являлись авторами, причем высокого уровня. Но если честно, то ничей их сольник не получался так классно, как совместный альбом. Кажется, в своё время они попробовали все стили и направления рок музыки. Практически каждый раз, когда выходил их новый альбом, это было что-то другое, к чему надо было привыкнуть. Иногда это поначалу даже удручало. Например, когда в 1982 вышел «Hot Space», я готов был их придушить за измену нашему движению. Но прослушав альбом раз десять, потихоньку остыл. В конце концов, попробовали так, почему бы и нет. Следующий альбом будет другим. Тогда жизнь казалась вечной. Во всяком случае, «Back Chat» и «Life is Real» из «Hot Space» вошли даже в первую сотню моих любимых композиций Queen.

Как-то раз я наткнулся в какой-то газетной статейке на утверждение какого-то советского критика, что Куин - это, мол, просто серость. Что они типа такие отсталые, что даже не используют синтезаторы. Мама моя дорогая, - это Куин серость? С их потрясающими шоу, собирающими толпы народу? Вот только пару примеров. 1976 Hyde Park, London, около 200.000; 1985 Brazil's Rock in Rio 300.000; 1986 Wembley, London, 72.000; 1986 Knebworth Park, London 200.000. Дискография Квинов насчитывает 15 студийных и 10 концертных альбомов, 38 сборников, 1 мини-альбом, 24 бокс-сета, 36 видеоальбомов и 77 синглов. Общий тираж всех релизов группы превышает 200 миллионов экземпляров, что делает их одними из самых продаваемых артистов в истории. Что уж говорить про их видео-клипы, большинство из которых представляет собой настоящие мини-фильмы.

Вся убогость и гонор таких статей в чём-то напоминает один советский анекдот. В Америке, в городе Атланта, прошел праздник 100-летия фирмы «Кока-Кола». Во время торжеств в воздухе кружило сто самолетов с надписью «Кока-Кола». Было выпущено 10 тысяч зарядов праздничного салюта. На импровизированной сцене пели Пласидо Доминго, Майкл Джексон, Мадонна и Элтон Джон... Специалисты завода прохладительных напитков «Колокольчик» считают всё это дешевой показухой.

Однажды, в ноябре 1991 года я просматривал газету «Известия» и вдруг наткнулся на небольшую заметку «Умер Фредди Меркури». Первые мысли: «Да как так? Какой СПИД? Что вообще за фигня?»

Потом, после смерти Фредди, возникла народная истерия, которая даже порядком раздражала. Люди, знавшие творчество Квин в лучшем случае по «Show Must Go On» и «Barcelona» стонали: «Как же мы будем без нашего Меркьюри Фредди?» А девицы, которые еще и месяц назад знать не знали, кто он такой, закатывали глаза в страданиях: «Ах какой талант ушел».

Ко мне же тогда пришло осознание, что Квин - всё.

Умер Фредди Меркури

Солист всемирно известного ансамбля «Куин» Фредди Меркури умер поздно вечером в воскресенье от СПИДа в возрасте 45 лет. Он скончался в своем доме в Кенсингтоне (Англия) спустя сутки после того, как сам объявил о своей болезни. Более двух десятков лет он возглавлял одну из самых популярных групп в мире, пластинки которой расходились миллионными тиражами в различных странах.

«Пришло время моим друзьям и поклонникам узнать правду, и я надеюсь, что они помогут мне и моим врачам в борьбе против этого страшного заболевания», — говорилось в последнем обращении певца.

(Рейтер).

Закончился. Стало ясно, чтобы оставшиеся Квины не предпримут для сохранения группы, без Фредди это уже будут псевдо Квины. Жаль. А я так надеялся, что он ещё напишет какую-нибудь рок-оперу. Яркую, красочную в стиле клипа «It's a Hard Life». Помните? Которая начинается ещё с небольшого «вступления», основанного на строчке из оперы «Паяцы». Эх, что уж теперь.

Через какое-то время после известия о его смерти мне позвонил Виталик-Гурам.

- Костя, ты слышал, что Меркьюри умер.

- Да Веталь, слышал.

- Жалко очень. А ты слышал, что он был гомиком?

- Да. Говорят так.

- И что мы будем делать? – спросил меня мой друг.

- Что значит, что мы будем делать? - немного растерялся я от такой постановки вопроса.

Тогда ещё не было ни гей пропаганды, ни дикой гомофобии. Для нас это явление было какой-то потусторонней вещью. Оно вроде бы и существует, но мало кто видел. Что-то вроде на уровне обзывательства, анекдотов и баек из тюрьмы. Однако, чтобы показать даже просто своё безразличие к такому «постыдству» было не по-пацански. С другой стороны, Фредди был гений музыки, стержень уникальной группы, кумир, в конце концов.

- Что мы можем сделать? Свыкнемся с мыслью. - Будем и дальше сидеть и слушать, - высказал я свой вердикт.

Вот так, спустя уже более 30 лет, сидим и слушаем.

Рок музыка в Советском Союзе всегда была подвержена определённой цензуре. Дотошные работники культуры в текстах песен искали скрытый смысл, а Запад считали рассадником всякой мерзости, вульгарности и растлителем неокрепших умов молодёжи.

Глупые партийные работники не понимали, что запрещая западную музыку, они как-ничто лучше подогревают к ней интерес. Запретный плод сладок. Не в малой степени, как раз из-за всяких ограничений и осуждений, популярность зарубежных исполнителей всегда была на высоте среди молодёжи.

«Негоже нашим людям, а тем более молодежи, слушать творчество забугорных лабухов!» - решили партийные инквизиторы и издали перечень исполнителей, в репертуаре которых содержатся «идейно вредные произведения».

Не скажу, как в 60 или 70-х обстояло дело с западной современной музыкой, хотя я конечно в курсе и про «Рок на костях» (самопальные записи на рентгеновских снимках) и про то, что «сегодня слушаешь ты джаз, а завтра Родину продашь». Но вот говорят, что вначале-середине 80-х были определённые поползновения держать её под контролем. Так, в Андроповское правление (82-84 годы) была предпринята попытка реидеологизации*. Например, Министерство культуры настойчиво призвало перекрыть все каналы влияния на молодёжь, создать барьеры на пути буржуазной массовой культуры. В октябре 1984 г. (как раз на середине моего срока службы в армии), все дискотеки и студии звукозаписи страны получили ещё один циркуляр, в котором были перечислены 68 западных и 38 советских рок-групп и поп-исполнителей, чьи записи запрещались для исполнения и распространения.

*(Источник: <https://vikent.ru/enc/4322/> Фирсов Б.М., Советская и постсоветская культура в исторической динамике в Сб.: Культуральные исследования / под ред. А. Эткинда, СПб, Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; «Летний сад», 2006 г., с. 76.).

Теперь, когда необходимые меры по ограждению советской молодёжи от лохматых чудищ с электрогитарами и барабанами были предприняты, чёрные списки составлены, музыкальный репертуар на всех дискотеках должен был жестко контролироваться. Однако, по заведённой издавна традиции: «Строгость законов смягчается необязательностью их исполнения», в большинстве своём всё это осталось только на бумаге. Ради интереса давайте посмотрим на некоторые из этих списков. Диву даёшься, ну за что бедный Хулик (Хулио Иглесиас) туда попал?

Приложение к письму от 10 января 1985 года	
Примерный перечень зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся идейно вредные произведения	
Название коллектива	Что пропагандирует
<p>Пролетарии всех стран, соединяйтесь! ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ НИКОЛАЕВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ЛКСМ УКРАИНЫ</p> <p>Для служебного пользования Секретарям ГК, РК ЛКСМ Украины</p> <p>Направляем примерный перечень зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся идейно вредные произведения, а также список тарифицированных вокально-инструментальных ансамблей СССР.</p> <p>Рекомендуем использовать эти сведения для усиления контроля за деятельностью дискотек.</p> <p>Данной информацией необходимо обеспечить все ВИА и молодежные дискотеки района.</p> <p>Секретарь обкома комсомола П. Гришин</p>	
1. Секс Пистолз	— панк, насилие
2. Б-52	— панк, насилие
3. Меднесс	— панк, насилие
4. КЛЭШ	— панк, насилие
5. Стрэнглэрс	— панк, насилие
6. Кисс	— неофашизм, панк, насилие
7. Крокус	— насилие, культ сильной личности
8. Стикс	— насилие, вандализм
9. Айрон Мейден	— насилие, религиозное мракобесие
10. Джудас Прист	— антикоммунизм, расизм
11. Ай Си Ди Си	— неофашизм, насилие
12. Спаркс Спаркс	— неофашизм, расизм
13. Блек Сабат	— насилие, религиозное мракобесие
14. Элис Купер	— насилие, вандализм
15. Назарет	— насилие, религиозный мистицизм, садизм
16. Скорпион	— насилие
17. Чингиз Хан	— антикоммунизм, национализм
18. Уфо	— насилие
19. Пинк Флойд (1983)	— извращение внешней политики СССР («Агрессия СССР в Афганистане»)
20. Толкинхедз	— миф о советской военной угрозе
21. Перрон	— эротизм
22. Боханнон	— эротизм
23. Оринджинелз	— секс
24. Донна Саммер	— эротизм
25. Тина Тернер	— секс
26. Джаниор Энглиш (Регги)	— секс
27. Кенед Хит	— гомосексуализм
28. Манич Мешин	— эротизм
29. Рамонэ	— панк
30. Бан Хейлен	— антисоветская пропаганда
31. Хулио Иглесиас	— неофашизм
32. Язоо	— панк, насилие
33. Данич Мод	— панк, насилие
34. Вилидж Пипл	— насилие
35. Тен Си Си (10сс)	— неофашизм
36. Стоджис	— насилие
37. Бойз	— панк, насилие
38. Блонди	— панк, насилие
«ВЕРНО» зав. общим отделом обкома комсомола	Е. Пряжницкая

Пример настоящей рекомендации того, кого нельзя слушать.

Где он, этот слащавый дамский угодник, и где неонацизм? И Kiss, в котором трое из четверых - евреи, оказывается, тоже пропагандировали неонацизм. Видимо, за то, что две последние буквы ss на логотипе названия группы выглядели так, как молнии у эсэсовцев на форме. Донна Саммер пропагандировала эротизм, а Тина Тёрнер - секс. Интересно, как определяли, где эротизм, а где секс. Классная у кого-то работёнка была. Тем более, что, как известно, секса в СССР не было. И вообще, в таком случае надо было кого-нибудь и за пропаганду еды, умывания, сна и прочих радостей человека тоже брать карандаш. И бедный Pink Floyd с их антивоенными и антикапиталистическими темами тоже попал под раздачу. Партийные инквизиторы после сладких дифирамб к альбому «Стена», вдруг разразились жутким воем и запретом. С чего бы это? А вот с чего. В 1983 году вышел последний альбом "The Final Cut". Его вторая сторона начинается короткой и довольно нудной Уотервской песней "Get your filthy hands off my desert", где есть такие слова: "Брежнев взял Афганистан, Бегин взял Бейрут, Галтиери взял Юнион Джек". Это прямые отсылки к военным конфликтам того времени: ввод советских войск в Афганистан, взятие Бейрута израильской армией при Менахеме Бегине и попытка Аргентины отбить Фолклендские острова у Британии. Что? Брежнев взял? Всё, предать анафеме!!!

Вот ещё один пример охаивания и осуждения. Отдельные выдержки из статьи Ю. Филинов, "Комсомольская правда", 16 сентября 1984 года. Текст Филинова выделен синим.

...Современная эстрадная музыка стала неотъемлемой частью духовной жизни молодежи. В век информационного взрыва, огромных скоростей она достигает практически любой аудитории. Молодые тянутся к ней. И, естественно, те, кто смотрит на нашу страну через призму недоброжелательности, ненависти, не могли не воспользоваться этим феноменом.

Сегодня на территории Советского Союза приходится в среднем в сутки до 10 часов специального музыкального вещания, 99 процентов - это джаз, поп- и рок-музыка. Что интересно: лишь Би-Би-Си, "Голос Америки", "Немецкая волна" ведут свои программы вполне "официально", с комментариями на русском языке. А остальное вещание приходится на разноязыкие радиостанции и некие передатчики, зачастую без "опознавательных" знаков. Хотя теперь уже не секрет, что как и официальные, так и неофициальные передатчики используются западными секретными службами. Вам, наверное, приходилось наткаться в эфире на музыкальные программы, идущие без объявления и неожиданно исчезающие с радиоволн. Это как бы наводящие "поплавки" на нужный "голос". Меломан ищет мелодию, а натывается на рассказ ведущего музыкальной программы:

"Сегодня существуют десятки групп, начиненных по рок-н-рольным понятиям "дряхлыми старцами". Но не сдаются "черносубботинцы" (это про Black Sabbath). По прежнему клоочет металл в их вагранках, не растрескалась футеровка в их мартенах, а их музыкальные конверторы и бессемеры по-прежнему выплевывают оглушающие снопы музыкальных искр. Пожелаем же ветеранам рок-металлургии побольше досрочных плавков, потому что жизнь наглядно показала: человечеству нужен тяжелый металл".

Небольшая моя ремарка. Я не поленился и нашёл слова Севы, которые он говорил в той передаче (<https://www.seva.ru/rock/?id=322&y=1984>): «Рок-н-ролл - это молодость мира, и его создавать молодым, однако на сегодняшний день существуют десятки успешных групп,

начиненных, по рок-н-рольным понятиям, дряхлыми старцами. Когда-то, в пору зарождения джазовой музыки, считалось что джаз могут играть только молодые люди, но старел жанр, старели исполнители и выяснилось - ничего подобного, ибо многие джазмены умерли, фигурально выражаясь, с трубой на губах. Нечто подобное происходит сейчас и в роке: самому жанру нет еще тридцати, его первые герои не успели еще как следует состариться. *Не сдаются и "черносубботинцы", по-прежнему клокочет металл в их вагранках, не растрескалась футеровка в их мартенах, а их музыкальные конверторы Бессемера по-прежнему выплевывают оглушающие снопы музыкальных искр. Пожелаем же ветеранам рок-металлургии побольше досрочных плавков, потому что жизнь наглядно показала: человечеству нужен тяжелый металл!*». Вырванный из контекста текст звучит немного иначе. Не правда ли? Хотя ни в оригинале, ни в отредактированном варианте я не вижу ничего такого ужасного и антисоветского, на что мог нарваться молодой строитель коммунизма. Как говорил классик: «Тщательней надо, ребята».

Теперь пару слов о дряхлых старцах. Говорилось это в 1984 году. А в августе 2016 года я побывал на их концерте. Они были практически в своём старом составе, в котором пел Озик (Ozzy Osbourne). Было почти два часа напряжённого "Heavy Metal" и никаких явных признаков дряхлости. И это спустя 32 года.

Black Sabbath зажигают спустя 32 года, как стали дряхлыми стариками.

О "тяжелом металле" - направлении западной эстрадной музыки, характеризующейся патологической агрессивностью исполнения и примитивизмом, вещает ведущий программ "для молодых слушателей в Советском Союзе, которые обожают рок и поп-музыку", Сева Новгородцев из Русской службы Би-Би-Си. Из всех сил стремится этот отщепенец навязать слушателям антагонизм эстетических вкусов, сомнение в существовании нравственных норм. Исподволь навязывается некий стереотип восприятия: только у нас есть достойная вас, молодые, музыка. Только Запад несет прогресс всему человечеству. Вас "там" не понимают, а мы понимаем.

Надо сказать, что дикторы западных радиослужб всюду стремятся отработать свои иудины серебряники, заигрывают со слушателем, даже заискивают перед ним. Лихая запанибратская манера, якобы молодежный жаргон, "доверительная" фамильярность... Таковы приемы, "отмычки" к доверию подростков. Все это, естественно, сдабривается добрыми дозами клеветы. И иногда эти передачи, к сожалению, достигают своей цели. Наслушается их юный человек, еще не сформировавший своего мнения о жизни, и музыке в том числе, заявляет: "Только рок-музыка достойна существовать, а все остальное надо выбросить на помойку..."

Точно! Возвращаясь к сюжету в Международной панораме со Sweet, вспоминаю свои мысли. Редакторы по своей профнепригодности и головоутиям хаяли тогда зарождающийся панк-рок, а сюжет пустили со Sweet, которая к панк-року абсолютно никакого отношения никогда не имела. Я тогда ещё подумал: «Что ж, значит я панк». Но когда узнал, что такое панк, то понял, что и тут они обманули. Ох, и тщательней надо было, ребята.

Что это - все остальное? Наше народное наследие, классическую музыку и наши песни, с которыми отцы и деды воевали, поднимали страну из руин... Для нас, советских людей, неприемлема культура, проповедующая примитивное удовольствие, развлечение, политическую пассивность, дающая вместо подлинного познания только его иллюзию. Одним словом, ведет к моральной деградации. И потому, ведя последовательную работу по эстетическому воспитанию молодежи, никогда не следует забывать, что в его основе всегда должны лежать гражданственность, нормы советского образа жизни. И это требует от всех нас самого активного отношения к музыкальным проискам западной пропаганды, разоблачению их и наступательности.

Короче говоря, махровая галиматья и лицемерие.

Откровенности ради, все эти запреты и ограничения, во всяком случае, в моей жизни и жизни моих друзей не имели место быть. Правда, это если не считать продажу и перепродажу дисков. Однако тут вопрос сложный. Надо разделять, где была фарца, а где покупка или обычный обмен (но об этом отдельно и позже). Мы же тогда плевать хотели на все их запреты и наставления. Тем более, что ни в школе, ни тем более дома я никогда не слышал, чтобы мне или кому-то ещё указывали, что есть правильная, а что неправильная музыка, что можно слушать, а что нет.

Вот, к примеру. Мы однажды решили провести в школе дискотеку. Было это в году 81, в самый расцвет застоя. Так вот, единственная головная боль, которая мучила дирекцию, это то, чтобы чужие в школу не проникли, а свои чада не перепились бы там с дуру. А уж какую музыку мы собирались там крутить, абсолютно никого не волновало.

Таким образом, имея карт-бланш на репертуар, мы решили заставить наших школьных соучеников и соучениц трясти своими телесами не под презируемое нами диско и всяких там Пуп, Кутуний и прочих Альбано-Пауров, а под любимый нами хард-рок. Конечно, это была ошибка. Всё-таки на дискотеку люди приходят танцевать, а не наслаждаться длинными запилами соло-гитары. Более того, вспомните, как танцевали тогда.

Танцы делились на две категории: медляки и быстрые. Быстрые танцы танцевали в кругу. Обычно это был один большой круг и несколько поменьше. Те, что поменьше, в основном состояли из особо скромных и жутко стесняющихся девочек-припевочек. Такие танцы в кругах чем-то напоминали ритуальные танцы охотников где-то примерно раннего неолита перед тем как они отправлялись на охоту. Монотонные и однообразные телодвижения с чаще всего сосредоточенными и в меру угрюмыми лицами. Были, правда, и исключения. Это был также небольшой круг, состоявший из отвязанных чуваков, выделяющих разные движения и позы, имитируя блэморовскую или янговскую манеру игры на гитаре. Находились и те, кто и вовсе стеснялся танцевать. Они стояли небольшими кучками по два-три человека, подпирали стенку, но при этом шушукались и глазели по сторонам, завидуя танцующим. Несмотря на такой разношерстный подход к танцам, дискотека собирала почти сто процентов учащихся всех классов. Приходили даже больные с температурой и с гипсом.

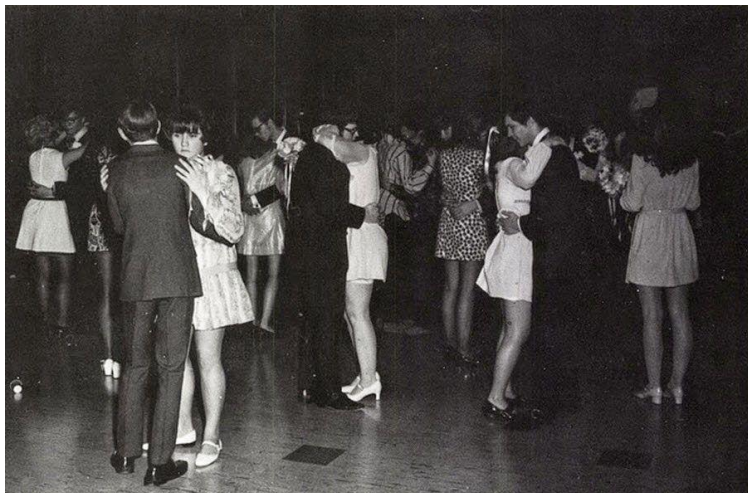
Типичная школьная дискотека начала 80-х.

Для девчонок это был день показа себя. Они приходили в своих лучших одеждах, надушенные мамиными французскими духами, обвешенные всякими цепочками с кулончиками. Они делали причёски и наносили свой первый макияж. Иногда эти женские атрибуты настолько их меняли внешне, что парни пялились на них, как будто впервые увидели.

- Ты зырь на неё! А она совсем ничего себе так.

Но главная интрига школьной дискотеки - это, конечно же, «медляк». Его с трепетом ждали, а когда приходило его время, большинство просто немело в нерешительности. Ведь танцевали «медляк» только считанные пары, на которые все пялились и обсуждали. Пригласить на танец девушку, было поступком, даже и для не стеснительных пацанов. Ведь танцую в паре, приходилось несколько минут подряд смотреть друг другу в лицо под пристальными взорами толпы. Да уж, испытание не для слабонервных. А была ещё такая фишка, как «белый» танец, когда девушки приглашали парней.

Помню свои впечатления от своего первого «медляка», который и был как раз «белым» танцем. Это было где-то в 7 или 8 классе. Тогда у девочек была мода заводить какие-то тетрадки, где наряду со всякой девичьей лабудой был некий опросник, состоящий из 20-30 вопросов, включая такие, как кто тебе нравится из класса или из школы. Такая своеобразная соцсеть тех

Первый "медляк".

времен. Девки этими тетрадками обменивались и вычисляли своих воздыхателей. И вот, когда на дискотеке объявили «белый танец», та, в симпатии к которой я признался в опроснике, вдруг направилась в мою сторону с явным намерением zaangażировать меня на танец. Я, питая ещё слабую надежду, что её цель - кто-то другой, оглянулся вокруг. Но из-за моего небольшого замешательства, возле меня моих товарищей уже не было. Она же,

неотрывно смотря мне прямо в глаза, неминуемо приближалась. Я же стоял, не в силах даже пошевелиться, словно загипнотизированный удавом кролик. От волнения я весь вспотел и покраснелся.

- Можно тебя на танец? - спросила она своим бархатным ангельским голосом.

Я, облизнув пересохшие губы, и чуть не спросил в ответ: «Чего тебе надо от меня?» Но вовремя собрался и, решительно согласившись, сказал: «Нет». Она вскинула брови вверх, а я стал извиняться, говоря, что т.е. конечно же - «Да». Она с улыбкой простила моё волнение и, взяв за руку, повела в центр зала. Представляю себе, как это выглядело со стороны. Она, вся такая воздушная и изящная, идёт с прямой спиной и гордо вскинутой головой, шелестя своим платьем, и я, топающий за ней на полусогнутых, с опущенной головой и выпученными глазами. Под чарующие звуки «Hotel California» я вцепился руками в её поясницу и на несгибающихся ногах начал мерно топтаться на месте, словно Ванька-Встанька.

- Веди меня.

- Куда? - не понял я, к чему она клонит.

- Ну, так говорят, когда танцуют, - засмеялась она, - Веди за собой, куда ты шаг делаешь, туда и я.

«Что она такое хочет? Как это вести? Что за шаги? Ну, я и попал». Сознаться, что я первый раз танцую с барышней - ни за что. Надо было что-то делать для спасения своего имиджа бывалого ловеласа.

- Не могу вести, у меня нога болит.

«Блин, что я несу. Ничего более идиотского я придумать не мог. Только что трясся, как скаженный и корчил из себя Чака Берри. И вдруг нога болит. И вот ко всему ещё - взял и наступил ей на ногу. Бляха-муха, только не это! Что за невезуха!»

Она посмотрела на меня и, засмеявшись, прижалась крепче, сомкнув свои руки у меня на шее.

Всё. Я уже на небесах. Мурашки по спине, голова кругом, дышу через раз. Вижу, что на нас уже показывают пальцем. Когда же эта долбанная калифорния закончится? Ну, наконец-то. Всё! Я сделал это! И вот я уже возвращаюсь к кучке своих пацанов, ощущая себя на голову выше каждого из них.

Но в 81-ом на диско-скачке никто из нас не танцевал. Мы были ответственные за дискотеку и работали с напрягом. На сцену подняли несколько столов, на которых установили три магнитофона. Два из них подключили к усилителю с колонками и поочередно с них пускали музыку. Третий же служил для перемотки и поиска очередной композиции. По задумке в зале должен был царить полумрак. Для световых эффектов Серёга Шендря притащил самодельную цветомузыкальную установку, взятую у своего брата в прокат. Это самодельное приспособление состояло из нескольких цветных фильтров, вставленных в красные фото фонари, которые должны были моргать в ритм музыки.

Сама музыкальная программа нами была более ли менее продумана часа на два. Мы составили список любимых вещей и запустили вечер с зажигательной (как, нам казалось) «Immigrant song» Led Zeppelin. За исключением нескольких пацанов, которые узнав кумиров, бросились в дикий пляс, остальной народ, видимо решил, что это какое-то необычное вступление к танцам. Чтобы разогреть толпу посильней, вторым номером программы шёл «Highway Star» Deep Purple. Танцевала всё та же кучка любителей рока. Пацаны выдавали по полной, прыгая, кувыркаясь и вскидывая на радостях руки вверх. Далее шли «Detroit Rock City» Kiss. И вновь всё та же кучка танцоров в полном экстазе тряслась, показывая нам жестами, что всё просто супер. На четвёртой композиции «Down-Down» Status Quo наши рок-н-рольщики начали явно сдавать, зато понемногу начали вступать в немногочисленный круг девчонки. Хоть танцевать под такую музыку и было не их кредо, поняв, что другой музыки могут и не дожидаться, они потихоньку присоединялись к танцующим. Далее по программе шла «Set me free» из «Fanny Adams» Sweet. Однако, глядя на умотанных в хлам рок-н-рольщиков, мы на ходу меняли её на более спокойную «In for a Penny» Slade. После неё мы хотели поставить «Don't stop me now» Queen, но стало очевидно, что малая часть танцующего народа была уже на последнем издыхании. Ну а подавляющее большинство всё ещё продолжало ждать, когда же уже начнутся танцы.

- Путя, меняй квиновскую «Don't stop me now» на предыдущую песню из этого альбома. Она более спокойная. А то народ уже погибает.

- А что там предыдущее? - спросил меня мой товарищ.

Как она называется, я не знал, поэтому просто навыл ему на ухо тему. К моему удивлению, он понял, о чём речь и перекрутил бобину на нужное место. Песня оказалась какой-то средней между быстрой и медляком. Народ полностью запутался в ритме, так что половина сцепились парами, а другая половина пыталась танцевать как под быструю. Кроме того, к столам всё чаще и чаще стали подходить с просьбами поставить итальянцев, АВВА или Boney M. Поначалу мы посылали просильщиков в далёкое сексуальное путешествие. Возникла даже идея, что в следующий раз надо будет сделать танцы в стиле трэш-металл, а итальянцев и Бони М ставить за

бабки. Однако и до нас стало постепенно доходить, что наш народ к танцам под рок не готов и дикого удовольствия (за исключением преданной року кучки ребят) не испытывает. Надо было быстро что-то предпринять. К несчастью, ничего из чистого диско у нас не было, и не только с собой, но и дома. Поставив длинный «медляк», «Comfortably numb» Pink Floyd, мы принялись обсуждать ситуацию. В запасе было пару битловских танцевальных вещей типа «Ob-La-Di, Ob-La-Da» и «Get Back», а также, к счастью, целый альбом с Челентано, удачно для народа записанный на обратной стороне бобины с хипами. Стало ясно, что никакой Озик и Nazareth уже не пойдёт. Скеписис также коснулся и заготовленных Livin' Blues, Uriah Heep и прочих наших любимых исполнителей. Толпа же уже неистово требовала пляску под диско.

На этом вечере присутствовал гость нашей семьи из города Шостка. Из того самого города, где находился знаменитый Шосткинский комбинат «Свема», выпускавший магнитную плёнку. Помните - «Магнитная лента Свема А4409-6Б». Гостем был молодой парень года на три-четыре старше меня. Находился он в Кишинёве по своим делам и жил в гостинице. А я, чтобы он не скучал, пригласил к нам в школу на этот вечер. И вот в момент нашей растерянности с репертуаром, он подошёл ко мне.

- Я вижу у вас проблемка. Могу помочь. Не хотел тебе говорить заранее, но я привёз тебе на 23 февраля подарки. У меня есть для тебя штук десять бобин с завода и половина из них с записанными альбомами. Их записывал прямо с дисков мой друган, который там работает тестировщиком продукции. Так вот среди них есть и классные танцевальные вещи. Привезти?

- А где эти бобины?

- У меня в гостинице.

- Так это же аж в центре.

- Я на такси смотаюсь туда и обратно, это минут 20 максимум. - Продержитесь пока, - и он рванул к себе в гостиницу.

Действительно, где-то минут через двадцать он вернулся с бобинами.

- Ставь пока эту, - он протянул мне бобину, на которой было написано Goombay dance band. Это свежак только вышел и покруче Boney M будет. А вы тем временем, давайте посмотрите, что тут есть и что дальше ставить.

От безысходности я согласился и врубил то, что он предлагал. Под звуки их композиции «Eldorado», а потом «Seven Tears», «Rain» и «Marrakesh» народ понял, что дискотека наконец-то началась. Все завизжали от счастья и бросились топтаться аки оглашенные. Деткам дали ту конфетку, которую они любят. Я же махнул рукой и философски решил, что «рождённые ползать – умрут на взлётной полосе».

- Давайте, пацаны. Дальше без меня.

2. Ты помнишь, как всё начиналось...

Моё знакомство с взрослой музыкой произошло примерно в лет десять. У нас в доме была уйма разных пластинок. Первым их коллекционером была моя мама. В основном она их покупала, но часто ей и дарили. Когда она работала медсестрой на участке, и у неё был один замечательный дедушка пациент, которому мама колола инсулин, так как тот страдал диабетом. Иногда, отправляясь к нему, она брала меня с собой, и я попадал тогда словно в антикварную лавку. На резных столиках стояли пузатые расписные вазы, картины, россыпи милых статуэток, витиеватые канделябры, огромные напольные часы, торшер с гофрированным абажуром. Видел я у него также и старинный граммофон с целым шкафом грампластинок. Дедуля этот был самым настоящим французом и жил на первом этаже в сталинской четырёхэтажке по улице Ленина между Бендерской и Армянской. По каким-то причинам он приехал он в Кишинёв из Румынии, чтобы преподавать музыку. Он часто дарил маме разные пластинки, особенно когда узнал, что её дочь занимается в музыкальной школе.

Потом уже к коллекционированию подключилась моя сестра. Со времени учёбы в музыкальном училище она постепенно стала главным поставщиком новых пластинок в нашу домашнюю коллекцию винилов. Эта коллекция процентов на 80 состояла из классической музыки разных жанров, включая как симфоническую и камерную, так и оперы и оперетты. А из эстрады были такие пластинки, как Рафаель, Ивица Шерфизи, Оркестр Поля Мориа, Джеймс Ласт, Фрэнсис Гойя, ВИА Экспресс, Сара Монтьель, ну и прочее подобное. Было и несколько джазовых исполнителей: Оркестр Дюка Эллингтон, Элла Фицджеральд и Луи Армстронг. От Армстронгского Мэкки-нож и Блюза Жестяной Крыши я реально просто балдел. Вообще, вся его пластинка 1975 года была для меня чем-то супер-пупер. До сих пор помню ощущения от прекрасного и необычного голоса Луи и обожаю его по сей день.

Среди всего того разнообразия пластинок в нашей домашней фонотеке были также и различные сборники: «Танцевальная Музыка», «Мелодии и Ритмы», «Вокруг Света». Одна из композиций на сборнике «Вокруг Света, Серия 9», которая называлась 16 тонн, оказала на меня в детстве вообще неизгладимое впечатление и, пожалуй, стала той дверью, через которую я уже по настоящему вошёл в мир забугорной музыки. Песня эта была посвящена тяжелому труду и быту шахтёров на угольных шахтах США в период «Великой депрессии», которые попадали в долговую кабалу компании. Но тогда, чему посвящена была песня, я ещё не знал. Мне просто понравился мотив, исполнение и особенно неподражаемый бас певца.

На этой пластинке был записан шлягер «16 тонн».

И вот однажды я услышал знакомый мотивчик. Кто-то из дворовых пацанов, лабая на гитаре, пел примерно следующее:

Сидим мы в баре в поздний час,
И вот от шефа пришёл приказ:
«Летите, мальчики, на восток,
Бомбить советский городок»!

Прощай, чувиха, прощай, притон,
А в каждой бомбе - 16 тонн.
16 тонн – немалый груз,
И мы летим бомбить Союз.

Летим над морем - красота:
Шесть тысяч метров высота.
За нами гонит русский ас,
А я балдею, жму на газ.

Первый снаряд попал в крыло,
Радиста к черту унесло.
Второй снаряд попал в капот,
И раком встал второй пилот.

Летим над морем - красота:
Три сантиметра высота.
Летели мы бомбить Союз,
Теперь летим кормить медуз.

Долгое время я думал, что это и есть то, о чём пелось на пластинке. Постепенно я забыл об этой песне, и уже спустя несколько десятков лет один мой товарищ, жалуясь на тяжелый заработок, вдруг сказал мне: «Я пашу, пашу из-за всех сил, и всё без толку. Кругом одни долги. Прямо как в той песне - 16 тонн». Я его переспросил, о какой это песне он мне толкует.

- Ну этой... Что, разве не слышал? И он мне напел.

Оказалось, что именно о той, из детства. Т.е. то, что я принимал за бомбёжку СССР, оказалось шахтерскими стенаниями на жизнь и судьбу. Вот это был номер. Прямо как в том анекдоте.

Соломон возвращается домой расстроенный и говорит жене: «Ты знаешь, Сара, я только что был у врача, так вот, то, что мы двадцать лет принимали за оргазм, оказывается всего лишь приступ астмы».

Несомненно, в детстве главную роль в моём «о-рок-н-ролл-ивании» сыграла моя старшая сестра. Она была тогда для меня основным музыкальным информатором и самым большим

авторитетом. Закончив музыкальную школу, она продолжила своё образование сначала в музучилище, а потом и в консерватории. Именно в годы её учёбы в музучилище (в этом гнезде и рассаднике западной рок-музыки по тем временам), у меня начали формироваться под её эгидой свои собственные музыкальные пристрастия. Т.е. где-то в 10-11 лет.

Как-то раз она позвала меня к себе в комнату.

- Садись и слушай, - сказала она, постепенно увеличивая звук радиолы.

- А что это играет?

- Это ария Иисуса, которую поёт Гиллан. Слушай потом расскажу.

Сразу поясню, что «Jesus Christ Superstar» тогда, конечно же, не передавался по радио. Это дружок сестры, живший в нашем доме несколькими этажами выше, спустил вниз провод от своего магнитофона, который он подключил каким-то образом к нашей «Латвии». Таким образом, когда он слушал свой магнитофон, моя сестра могла тоже его слушать только через динамики «Латвии».

Первое знакомство с музыкой происходила с помощью этого аппарата.

Попробую описать эту композицию для тех, кто вдруг её не слышал. Хотя и сотни слов не смогут передать впечатления от её прослушивания. Начинается всё с прекрасной игры акустических гитар и мягкого баса. Сначала тихий, порой даже усыпляющий голос Гиллана. Постепенно звучание становится мощнее. Вступает ударник. Слышны уже и струнные, появляются духовые, а затем и электрогитара. Мощность звучания всё увеличивается и увеличивается, и музыка постепенно доходит до кульминации, где уже отчётливо слышна активная роковая составляющая. Невероятный вокал показывает всю силу голоса Гиллана. Духовые доводят тему до апогея. И вдруг, после невероятной эмоциональности, которой насыщена середина композиции - тишина. Всё? Нет. В продолжении музыка становится очень тихой, с фортепьяно и бас гитарой в качестве основных инструментов. А Гиллан продолжает пение так измученно, словно хочет выразить, как после сильнейшего сопротивления его герой всё

же смирился с чем-то. Потом он как-бы понемногу пробуждается, его вокал опять обретает мощь. При этом и музыка возвращается в более эмоциональное русло. И вот уверенный финал, как будто какое-то решение принято окончательно. Помню, как у меня тогда мурашки по спине бегали. Не знаю, детский ли это импринтинг, но это произведение у меня прочно засело в голове навсегда. И всю эту оперу считаю настоящим шедевром. Знаете, иногда задают такие вопросы типа: что бы вы взяли с собой на необитаемый остров? Какую, но только одну книгу, одну пластинку, один фильм, одну игру и т.д. Так вот, из пластинок я, без сомнения бы взял «Jesus Christ Superstar» в классическом исполнении. Да, да, только в классическом. Потому что ни в каком другом исполнении это произведение у меня уже не воспринимается. Ни в фильме, где вместо Гиллана блеет Тед Нили, ни в многочисленных театральных постановках, которые мне удалось посмотреть и на видео, и вживую.

3. Пол царства за аппарат.

Участь на последних курсах музучилища, моя сестра наскребла на свои стипендиальные средства необходимую сумму и купила магнитофон «Снежить 301». Это был двухдорожечный монофонический агрегат с одной скоростью в 9.5 оборотов. Однако, несмотря на всю свою техническую убогость, эта машинка стала настоящим проводником в портал неизвестного мне

Шедевр СовПром магнитофон "Снежить 301".

доселе разнообразия рок-музыки. У сестры появились первые бобины с Deep Purple «Made in Japan» и «Stormbringer», Led Zeppelin IV, первый и четвёртый Queen и т.д. Я, словно губка, впитывал в себя новую музыку, стараясь как-то систематизировать в голове услышанное. У меня уже появились свои любимые композиции и предпочтения.

Поначалу я не так чтобы часто допускался к её магнитофону. Но потом, потихоньку переборов свою природную застенчивость, я стал пользоваться игрушкой сестры как своей собственной. Тем более, что она уже заканчивала музучилище и готовилась к поступлению в консерваторию, где конкурс был «Будь здоров». Тогда ей стало уже не до магнитофона и рок-музыки. А я же, напротив, уже плотно подсел на этот наркотик и нуждался в постоянной дозе. Сестра уходила в училище на занятия ни свет ни заря, а приходила уже после девяти вечера. Дома она заниматься на скрипке по понятным причинам не могла. Представьте себе, что было бы с домочадцами и соседями, услышав её скрипичные упражнения ранним утром, когда все ещё досматривали последние сюжеты сна, или в 7 вечера, когда после напряженного трудового дня все усаживались перед телевизором смотреть вечерние программы. Таким образом, она всё время проводила в училище, а там резервировать классы для самостоятельных занятий можно было только до или после основных уроков. Поэтому, приходя поздно домой, измотанная в хлам от совершенствования себя в

исполнительском мастерстве, у неё уже не оставалось ни сил, ни желания врубить погромче Black Sabbath и предаться наслаждению чарующих тяжёлых рифов Томми Айомми.

Вот тогда я и прибрал к своим шаловливым рукам её «железобетонный агрегат». Однако, спустя какое-то время от невероятных перегрузок он стал хандрить: капризничать с перемоткой, а звук стал плавать. Не долго думая, я, вооружившись отвёртками, вскрыл пациента и узрел его внутренний мир. Мне подумалось, что для инженеров-разработчиков этого советского чуда должен быть приготовлен отдельный котёл в аду. После нескольких мыслительных потуг я понял, что всё дело в резиновом пасике, который от невероятного напряжения растянулся до неменяемости. Нужна была срочная консультация специалиста. За отсутствием интернета, я бросился за помощью к одному из бывших ухажёров сестры. Несмотря на то, что она с ним уже рассталась, я продолжал поддерживать с ним дружески-деловые отношения, пытаясь своим неподдельным интересом к року в какой-то мере компенсировать ему истощение его духовного мира, произошедшее у него после разлуки с моей сестрой. А «рокоманом» он был истинных кровей, я бы сказал, элитных. Мне тогда казалось, что он имел весь рок и всё о нём знал. Кроме того, он ещё был и классным рок-гитаристом.

Так как найти какую-либо запчасть в то время не только к магнитофону, а вообще к чему угодно, было даже не мечтой, а бредом, похожим на психоз, «рокоман» дал мне совет по реставрации детальки: «Надо вытащить пасик и засунуть его в морозилку на пару часов». После чудовищных усилий и продолжительных манипуляций с отвёрткой и плоскогубцами, я наконец-то извлек из тела больного магнитофона поизносившийся пасик. Хладотерапия действительно принесла свои плоды. Магнитофон стал испускать более естественное звучание, правда, ненадолго. Спустя какое-то время пасик вновь растянулся, а повторные процедуры с каждым разом становились всё менее эффективными. Тогда я умудрился суперцементом приклеить во внутренностях магнитофона небольшой железный штырёк, который немного натягивал пасик. Надо заметить, что с каждым вскрытием невозвращённых на место деталей становилось всё больше и больше. Тем не менее, жизнь магнитофона спокойно поддерживалась и без них. Ещё одна загадка СовПром. Со временем, чтобы не мучаться, я даже перестал и вовсе прикручивать на место крышку-панель. Потом, когда полностью сточились пластмассовые переключатели воспроизведения и перемотки, я стал переключать их положение плоскогубцами. А если нужно было ставить на запись, то двумя парами плоскогубцев одновременно. Так, с горем пополам, долбанная «Снежеть» послужила мне года три, познакомив с удивительным миром рок музыки и советского качества.

Однако, справедливости ради надо заметить, что и в Союзе умели производить хорошие аппараты. Однажды, учась в восьмом классе, меня утром не пустил в школу на уроки замдиректора нашей школы по воспитательной работе. Не пустил за мои длинные патлы. Должность у него была специфическая. Он был бывшим боксёром, и собственно, сама успеваемость учеников была ему до лампочки. А вот их неуставной внешний вид вызывал у него опасения, что это может привести к хулиганству, в борьбе с коим его и назначили в школе. Делать было нечего. Я развернулся и пошёл домой, молясь, чтобы батя уже ушёл на работу, и я бы

смог спокойно посмотреть вторую серию сна. Но по дороге за углом школы встретил своего друга десятиклассника, который там курил и явно собирался прогулять школу.

- Костик, привет, - поздоровался он со мной. Что, сфилонить решил?

- Да не так уж чтоб решил. Просто Юрий не пускает в школу за мои лохмы.

- Ну, пошли ко мне, я тебя подстригу.

- А ты умеешь?

- Да что там уметь, подравняю немного, и всё будет в ажуре, - заверил меня мой дружок.

Музон ещё послушаем. Мне батя недавно аппаратуру купил.

- Что за аппаратуру? – заинтересовался я.

- Усилок «Бриг-001» с колонами С-90, вертак «Радиотехника-001» и магнитофон-приставку «Электроника 003».

- Ого! – Пошли, конечно, - сказал я, не в силах устоять перед соблазном.

Папа друга занимал очень высокий пост в правительстве. У него был персональный шофёр и персональная «Волга», в которой была установлена какая-то импортная магнитола. Раньше, когда они жили с нами в одном дворе, мы иногда залазили в министерскую «Волгу» послушать стерео звук. Потом их семья переехала в другой дом, но сына оставили доучиваться в старой школе.

То, что я увидел и, главное, услышал у него дома, поразило меня до глубины души. Помню, что ничего стоящего послушать у него не было. Он поставил какой-то советский ВИА, по-моему «Аракс». И, тем не менее, качество звука было каким-то запредельным. Тогда у меня и сформировалась моя заветная мечта. Я захотел владеть подобной чудо системой.

- А сколько всё это хозяйство стоит?

- Ну, где-то с пол «Жигуля».

- Ни фиги себе! - я понял, что осуществление моей мечты, если и наступит, то не скоро (в реальности на это ушло лет восемь).

А со стрижкой получилось не очень. Как он не старался и не пыхтел, его «подравнять», на самом деле обернулось - изуверски покромсать.

Я посмотрел на себя в зеркало и спросил паразита:

- Ты что наделал, гад?!

- Да ладно тебе, не заморачивайся. И так сойдёт.

- Конечно сойдёт. Не тебе же болваном ходить.

- Ну хорошо, пошли в парикмахерскую, - предложил он, - там поправят.

В парикмахерской девушка-мастер долго и откровенно ржала над его художествами и сказала, что придётся стричь очень коротко. Что мне оставалось делать? Я покорно согласился. Меня обскубали под «бокс», что во времена патлатых хиппи ставило меня в один ряд с недавно освободившимися уголовниками или завшивленными придурками. Даже наш замдиректора Юрий Николаевич сказал: «Ну так уж и не надо было».

Мой дружок многим позже, но всё же загладил свою вину. Со временем я у него записал с десяток бобин. Как только у меня появлялся какой-то достойный диск на руках, я приезжал к нему и делал первую запись на его офигительной аппаратуре. Оказалось также, что он не плохо рисует. Он перерисовал все обложки с пластинок на вкладыши моих бобин. Ещё он изрисовал весь мой портфель всякими надписями на английском, типа: «Kiss him under tail», «Make love, not war», «Teacher, leave us kids alone» и «Only for white». Выглядело очень стильно. И хорошо, что тогда ни учителя, ни родители и вообще почти никто не знал английский.

Следующим аппаратом после сестричкиной «Снежети» в коллекции моей радиоаппаратуры стал «Маяк 205». Летом, когда я закончил девятый класс, мы с семьёй, возвращаясь из длительного автопутешествия по Карпатам, Беларуси, Прибалтике, Ленинграду и Москве, заехали по пути навестить маминых родственников у неё на родине. Там они загрузили нас своими подарками и, в числе прочего, скинулись мне на новый магнитофон. Однако, в то время мало было иметь необходимую сумму денег, нужно было найти и сам товар, который, естественно, был в дефиците. И тут, «О чудо!». Уже на последнем отрезке нашего путешествия недалеко от Киева мы сделали небольшой привал, чтобы размять мышцы, прикупить воды на дорогу, ну и т.д. Зашли между делом в универмаг, где на прилавке, словно бриллиант, сиял «Маяк

205». Я скорчился в позе «Хо-Хо», как Эллочка-людоедка из 12 стульев и засиял не менее ярко, чем вождь-деленный «Маяк».

Вскоре к «Маяку» я прикупил подержанную, но в прекрасном состоянии вертушку «Вега 101» с неплохими усовершенствованными колонками, которая к тому же мне служила и в качестве усилителя. И настала тогда для меня эра объёмного стерео-звука. Несмотря на то, что с «Маяком» и «Вегой» я чувствовал себя вполне умиротворённым и счастливым, где-то в глубине моей души всё-таки потихонечку тлела мечта о советской аудиоаппаратуре высшего класса, подобно той, какую я видел и слушал у своего друга. А вот о том, чтобы владеть такими чудесами, как блочные музыкальные центры-деки типа «Technics», «Kenwood», «Akai», «Pioneer», «Marantz», «Yamaha», или «Denon» не могло быть и речи. Эти аппараты были с другой планеты и для инопланетян. Под инопланетянами я имею ввиду настоящих аудиофилов, долгое время работающих за границей, которые имели возможность и средства для приобретения таких центров. Появлялись подобные центры в комках (комиссионных магазинах) очень редко (ну прямо очень-очень). И вообще, большинство из них даже не завозилась в СССР в коммерческом плане, т.к. стоили они баснословные деньги и, соответственно, покупателя на такую технику не было. Если, что-то подобное появлялось в комке, то мы специально туда ходили смотреть. Протискиваясь сквозь толпу любопытствующих, мы подолгу пялились на аппарат, пуская от умиления слюни. Они там стояли на полу и прятались под полками со всякими двухкассетными «комбайнами» типа «Sharp», «Sony», «Sanyo», «Panasonic», «Osaka», «Hitachi», которые, между прочим, тоже были весьма дорогими, хоть и издавали близкое к омерзительному звучание.

«Маяк» и «Вега» прослужили мне долгих четыре года, вплоть до ухода в армию, после чего, по заведённой традиции, перешли во временное пользование моего младшего брата. Надо отдать ему и аппаратуре должное. После моего возвращения всё работало безупречно, за исключением стёртой головки магнитофона.

Музыкальная башня «Technics». Мечта аудиофилов 80-х.

В середине 80-х в СССР бушевала горбачёвская перестройка, которая, как это не странно, существенно обогатила в магазинах ассортимент доступной для простых смертных аудиоаппаратуры высшего качества. Нужны были только деньги. Немного поднапрягшись, через некоторое время я набрал таки достаточную для осуществления своей мечты сумму денег. Однако

Комиссионка. Отдел радиоаппаратуры.

судьба распорядилась так, что подошло и время жениться. А женитьба и последующая семейная жизнь - дело хоть и хорошее, но затратное. Мы с моей невестой сразу решили, что жить будем сами, отдельно от чьих-либо родоков. А это дополнительные расходы на съём. Передо мной встала трилемма: либо отложить свадьбу на годик, либо жить с чьими-то родителями, либо же отказаться от мечты. Я выбрал первое и предложил этот вариант, как самый разумный. Наташа спросила меня:

- А нельзя ли покупку твоей музыки отложить? Но, увидев в моих глазах безмерную грусть, перемешанную с ужасом, быстро осознала всю нелепость своего вопроса.

- То есть ты не женишься на мне, пока не купишь свою аппаратуру?

Я от стыда опустил глаза в пол и отрицательно помахал головой. Я кишками чувствовал, что после женитьбы моя мечта останется только мечтой. Мы оба тогда были студентами, жившими на штипендию. Съём квартиры тогда стоил 50 рублей в месяц. Т.е. за мою аппаратуру мы могли бы себе жить больше двух лет на съёме в приличной квартире.

- Хорошо, - с присущей гениальным людям лёгкостью, она предложила своё решение. - Покупай свою музыку. Свадьбу переносить не будем, а с жильём как-нибудь разберёмся.

Я как ошпаренный рванул в магазин. В одном месте всех ингредиентов моей мечты не оказалось. В Культтоварах на проспекте Мира я ухватил один из лучших на то время вертаков высшего класса «Электроника-Б1-011», а потом на такси поехал в Канцтовары на Пушкина, где купил остальное: колонны «Амфитон 35АС-018», с самым по тем временам лучшим басовиком и корпусом, усилком «Пульсар-001» и приставку «Нота». Помнится, что тогда, в момент покупки,

всю аппаратуру распаковывали из коробок, подключали и проверяли на работоспособность прямо в магазине. Народ, как обычно, толпился возле прилавка, а один, видимо, деревенский парень, спросил меня:

- И сколько же всё это стоит?

- Всё вместе - 1350.

- Ничего себе, как кобыла!

- Кому и кобыла невеста, - почему-то ответил я словами Юрия Никулина в роли дворника Тихона.

И всё же подавляющее число кассет, точнее бобин, я записал в своё до армейское время на «Маяк». Практически все настоящие меломаны-ценители записывали тогда музыку на бобины (так как на компакт-кассеты считалось низкопробным фуфлом). Подержать же заветный «фирменный» винил вообще было верхом блаженства.

Так как с английским у нас был «швах», о чём они там поют, мы в основном домысливали, после того, как переводили со словарём названия песен. Помню, каково было моё недоумение, когда, прожив уже лет десять в англоговорящей стране и уже более менее сносно усвоив язык, я с удивлением понял, что бунтарские песни рок-протеста - всего лишь англоязычная интерпретация «...Я пришов, тебе нема, Пидманула-пидвела...» или что-то подобное. К примеру, композиция «Spirit in the Night» исполняемая Manfred Mann's Earth Band из альбома «Соловьи и бомбардировщики» представлялась нам каким-то антивоенным протестом, а в реальности это оказался рассказ о подростковой вакханалии в туристическом походе. Прямо как мы в походе в иванченском лесу. Интересно, что на всех записях этого альбома, которые я мог найти в Кишинёве, на одной из композиций был небольшой дерибас ("ДЕРИБАС" - дефект, скачок). То есть у всех меломанов города была запись с единственного винила. Я даже сейчас, когда переслушиваю эту вещь с компакт или в мр3, то ненароком всё равно ожидаю, а потом и реально слышу этот сбой. Мистика.

Ещё одно яркое воспоминание связано уже с корифеем электронной музыки Jean-Michel Jarre. Моя сестра где-то раздобыла бобину с уже ставшим легендой альбомом «Equinoxe». Я прослушал его в наушниках и просто улетел. Было ощущение, как будто в голове играет целый оркестр и музыканты постоянно перебегают с одного места в другое. Всё летало не просто с права на лево, но и вверх-вниз, по диагонали и вокруг. На следующий день я пытался поделиться своими впечатлениями с пацанами в школе. Они слушали, но не совсем видимо понимали о чем речь.

- Принеси послушать, - попросил Путя.

- Это надо слушать либо в наушниках, либо в колонках на «стерео» иначе не тот эффект, - ответил я.

- Мне батя недавно купил вертак «Мелодию» с колонками, - сказал Витька Ожога. Подключим к моему «Маяку» и послушаем. - Ай да ко-мне, - и мы сразу же смылись с уроков. Сидели и слушали молча. Все ушли в транс, а Витьку аж пробило на холодный пот от услышанного. Вот она, сила искусства и электроники.

Как я уже писал выше, большинство первых записей ко мне пришли от сестры и её друзей. Но к девятому-десятому классу многие из моих приятелей тоже уже обзавелись магнитофонами и стали коллекционировать рок-музыку. Мы обменивались бобинами с альбомами или бегали с магнитофонами в гости, переписывая друг у друга концерты. Я сначала переписывал всё, что попадалось под руку, но со временем, ввиду тотального дефицита магнитной ленты, тактику пришлось поменять. Новую бобину я хранил только для первой записи с диска. Когда удавалось такую сделать, я на коробке ставил цифру «1» и больше никогда на эту ленту ничего не перезаписывал. Вторые или третьи перезаписи тоже входили в коллекцию под грифом «Хранить вечно», но иногда перезаписывались, если удавалось найти более качественную запись. Обычно под лучшие записи отдавались бобины комбината «Свема» 4409-6Б. Полукилометровой (525 м)

бобины хватало на 45 минут. Этого было достаточно, чтобы записать ровно один диск на одной стороне бобины на максимальной для качества (19.05 м\с) скорости. А вот то, что было качеством похуже, записывалось на уже на скрипучую «Тасму» или на 375 метров на 9.5 скорости.

4. Меломанские соцсети.

В один из дней, дома зазвонил телефон. Я снял трубку. Звонил мой дружок по велоспорту, а также страстный меломан.

- Костя, хватай пустую бобину и беги ко мне. Мне дали диск «Sheer Heart Attack» только на сегодня.

- А что это такое? - спросил я, не в силах сразу выговорить произнесённое по-английски моим приятелем.

- Это третий Queen.

- Буду через 38 секунд, крикнул я в трубку и бросился к нему домой.

Надо сказать, что наши коллекции не отличались строгой периодичностью вышедших альбомов. Мы записывали то, что находили. Поэтому нет ничего удивительного, что, имея в наличии первый и четвёртый Queen, а также уже и Queen «Jazz» (по-моему седьмой по счёту) у меня не было остальных из предыдущих.

Прибывав весь в пене к дружку, я наспех поздоровался с его бабушкой и без церемоний рванул к нему в комнату. Мы открыли диск, полюбовались его абсолютной чистотой (в смысле незапиленными треками), поставили на вертак и включили магнитофон на запись. Я откинулся в кресле, закатил глаза и с наслаждением погрузился в благодатную атмосферу забойной Мэйевской «Brighton Rock». По середине песни в комнату тихо вошла бабушка и, кивнув в мою сторону, спросила у внучка:

- У вас всё в порядке? Видимо, мой возбуждённый вид на пороге квартиры несколько озадачил её.

- Да, бабуля. Всё прекрасно. - Мы просто слушаем музыку, - ответил ей мой товарищ. Бабушка понимающе махнула головой и тихонько закрыла дверь.

- Это просто какое-то волшебство, - прослушав первые две композиции, промяукал я, приоткрыв глаза.

А когда с гитарного перебора и чарующего голоса Тэйлора началась «Tenement Funster» я просто заорал:

- Ой-ё-ёй! Я сейчас просто умру!

Заверения внука, что у нас всё в порядке, наверное все же не полностью убедили бабулю. Поэтому, услышав через дверь мой эмоциональный возглас, она безцеремонно ворвалась в комнату и на этот раз уже с утверждением спросила: «Что-то у вас всё-таки произошло!?»

- Да ничего, бабушка. Просто Костя периодически улетает в космос, слушая музыку. Принеси ему лучше твоего «Пунша» для полного улёта.

Что есть такой напиток, я, конечно, слышал до этого, но что он собой представляет, не знал. Через некоторое время бабуля, улыбаясь, принесла мне большую кружку с какой-то жидкостью. Я поблагодарил её и сразу отхлебнув приличный глоток, тут же обжёг язык, да так, что даже глаза заслезились от боли. Видимо, мой организм ожидал получить порцию какого-то охлаждённого компота, но вместо этого получил горячую смесь рома с какими-то пряностями типа корицы, гвоздики, апельсиновых корок. Поэтому в результате такого несовпадения ожидаемого с реальным, я закашлялся, как потерпевший. Дружок с бабулей хлопали меня по спине и кричали, чтобы я дышал носом. Потихоньку я оклемался, но радость от прослушивания второй стороны пластинки была испорчена периодически повторяющимися приступами внезапного кашля.

Другое воспоминание. Однажды Путя, мой школьный приятель, сказал, что у него есть довольно редкая запись сольника Ника Мэйсона (барабанщик из Pink Floyd) «Nick Mason's Fictitious Sports». «Это должно быть любопытно», - подумал я и, взяв магнитофон, пошёл к нему домой, чтобы закатать этот сольник. Надо сказать, что Путя этот альбом ещё тоже не слушал, поэтому мы оба были в предвкушении чего-то ожидаемо прекрасного. Подключив магнитофоны, мы включили запись. И вдруг из динамиков понеслось что-то невообразимое. Первые впечатления - это какая-то ритмичная какофония с вставками духового оркестра и вокальным речитативом.

- Что за ерунда? – мы переглянулись в непонимании. Услышанное было очень далеко от даже самого раннего фантазмагорично-наркотического «флойдовского» транса.

Вторая композиция не привнесла ясности. Вся та же какофония, только в другом темпе. Третья такая же. И вот только, когда пошла четвёртая «Hot river», стало как-то комфортней. Что-то более менее ожидаемое. Мы выдохнули, напряжение спало. Но оказалось, что зря расслабились. Вторая сторона была вся в том же стиле, в который мы не въезжали тогда абсолютно. Так мы и остались в недоумении. Так как это была просто коробка с бобиной, где было написано только название альбома, мы тогда даже решили, что может это просто какой-то однофамилец.

И вот спустя сорок лет я прихожу на концерт «Nick Mason's Saucerful of Secrets», где легендарный Ник со своей группой исполняет древние и не очень популярные композиции Pink Floyd, которые очень редко или вовсе никогда не исполнялись группой вживую. Концерт был великолепен, и я под его впечатлением залез посмотреть, было ли у Мэйсона что-то сольное, о чём я не знаю. И вот тут-то я нарываюсь на тот самый концерт, прослушанный один раз у Пути более сорока лет назад. Да, да, именно тот - с какофонией. Я прослушиваю его и на этот раз совершенно по другому его воспринимаю. Он просто прекрасен, по особому изыскан, артистичен и сверх эмоционален. Это настоящий прогрессивный джаз-рок, для понимания которого, конечно же, надо дорасти. Примечательно, что Путя запись этого концерта взял тогда у моего троюродного брата, с которым вместе учился в институте и который, к огромному нашему удивлению, с детства увлекался именно джаз-роком. Вот такие повороты.

Конечно же, чаще всего мы обменивались записями, а потом и пластами (пластинками) со своими друзьями, приятелями либо просто хорошо знакомыми людьми. Но иногда круг друзей-меломанов пополнялся в результате совершенно случайных встреч.

Как-то раз, в последнюю пред армейскую зиму, я возвращался на автобусе домой после свидания с одной мамзелью, которая жила на другом конце города. Я забился в хвост гармошки жёлтого Икаруса. Время было позднее, и автобус был практически пуст. С одной стороны хорошо, «мало народа - много кислорода», но с другой, из-за отсутствия людей и нормального отопления, холод в салоне был собачий. Я опустил уши на шапке-ушанке и, подняв воротник куртки, собрался провести ближайшие полчаса в мечтах о тёплом доме и сытном полуночном ужине. Через какое-то время сквозь дрему я услышал, что ко мне обращается какой-то молодой человек, наверное, годка на три-четыре постарше меня. Он сидел, полуобернувшись на сидении впереди меня и был слегка подшофе.

- Почему это вы в Кишинёве так скучно живёте? - спросил он меня с упрёком.

Я нахмурил лоб, соображая, что он этим хочет сказать. Дебатировать с ним не было никакого желания, но чувство патриотизма за любимый город одолело мою апатию, и я вяло огрызнулся, что типа, уже ведь поздно, а завтра всем на работу.

- У вас, наверное, и рок-музыку никто не слушает, и про Квинов никто не знает, - с досадой предположил он.

- Чтоооо? Про Квинов не знают? Да сам ты осьминог лохматый. - Я всё про них знаю и всё у них слушал, - самонадеянно заявил я, задетый за живое.

- Что, и Flash Gordon слушал?

- А то. – Flash, Ah-ah па-па-па-папам, - пропел я главную тему из альбома.

Надо сказать, что про этот альбом знали только реальные рокоманы. Это был не типичный альбом, а скорее сборник саундтреков к англо-американскому фильму «Флэш Гордон». Поэтому в нашем разговоре это прозвучало как пароль и отзыв.

- А эту знаешь... и понеслось братание, как встреча на Эльбе.

Парень оказался в Кишинёве в составе группы туристического поезда из Киева. Погулявши в кабаке «Пловдив» он возвращался в свой вагон, который стоял на участке для тур-поездов на Мунчештской. Мы вышли с ним на вокзале, и я проводил нового приятеля до его поезда. Мы шли пешком и всю дорогу, как счастливые единомышленники, распевали квиновские песни. Вдруг он затянул: «Some, Somebody to Looooove; Some, Somebody to Looooove».

- А что это ты поёшь? - удивился я.

- Ну как же. Это ж из «A day at the races». Ну!?!... Там ещё начинается с супер отпадной «Tie Your Mother Down» ...

Я молча стоял и ошарашенно глотал воздух ртом, словно рыба об лёд.

- Так ты не слышал этот диск?

- Нет, - в ужасе сознался я. «Таких ударов судьбы Великий Комбинатор не испытывал уже давно (с)».

- Да ты счастливчик, - радостно похлопывая меня по плечу произнёс новый дружок.

- Почему?

- Потому-что не может быть ничего прекрасней, чем впервые услышать гениальный альбом, гениальной группы.

Мы стали прощаться. Утром он отбывал в Одессу. Мы обменялись телефонами, вдруг судьба сведёт снова.

Надо ли сказать, что я сломя голову бросился искать пропущенный мною альбом. К своему удивлению, уже через два-три человека я вышел на него. Это был хоть и довольно редкий альбом в Кишинёве, но он всё же был. Как же я умудрился пропустить его? Не понимаю. Альбом действительно оказался гениальным и, пожалуй, вместе с Queen II стал моим самым любимым.

Эта история имеет продолжение. Уже учась на втором курсе университета, я вместе с женой получил турпутёвку в Ужгород-Львов-Киев. И что бы вы подумали... Да, да, именно на турпоезд. И вот, когда мы находились на экскурсии в Киеве, я наудачу набрал с автомата его номер. Он оказался дома и мы договорились о встрече. Радости не было предела. Несмотря на то, что мы были знакомы всего минут сорок, когда встретились, то обнялись как родные братья. Он сразу повёл нас в ресторан. Мы рассказывали друг другу о жизни, делились впечатлениями о новинках в рок музыке, хаяли появившийся Брейк-данс, а под конец встречи он вытащил из кулёчка пласт - Queen «Live Magic».

- Держи подарок. - Это тебе на память о встрече в Кишинёве, - протянул он мне пластинку.

У меня перехватило дыхание и я в конце засмуцавшись, пробормотал:

- Спасибо тебе большое. У меня просто нет слов.

- Это тебе спасибо.

- Мне? За что?

- Ну просто за то, что ты есть такой. Что в музыке понимаешь и искренне любишь, то, что имеет смысл любить.

А вот ещё пример, когда случайная встреча привела к новому знакомству и плодотворным музыкальным обменам. Дело было зимой, во время школьных каникул. Так как в стране практически уже был построен коммунизм, то продуктов в магазинах становилось всё меньше и меньше. Или же всё сожрали во время его строительства, или власть решила попридержать то, что осталось на праздничный день, когда она объявит о его приходе. Поэтому люди исхитрялись в поиске еды, кто как мог. Кто-то рыскал по городу и выстаивал в бесконечных очередях. Кто-то пахал на приусадебных участках, стараясь вырастить хоть что-то на прокорм. Практически все семьи занимались домашним консервированием и заготовками на зиму. Ну, если с запасами некоторых овощей и фруктов дело ещё как-то могло ладиться, то с мясом был практически был голяк.

Подарок просто от хорошего человека.

Наши родители, умотавшись в конце от вечных поисков животного белка для своих чад, тогда, видимо, решили: а не заслать ли нам детей в качестве фуражиров в деревню к маме на родину, где у неё жила родная сестра с мужем. Придуманно, сказано, сделано. И вот я с сестрой уже трясусь в поезде, направляясь за харчами в далёкую украинскую деревню. Время в деревне пролетело быстро, хоть и было довольно скучно. Ну а что вы хотите - была зима. В последний вечер нашей командировки дядя и тётя, наконец-то приступили к заготовке и упаковке продовольственного обоза. Дядя Ваня, добрейшей души человек, был лучшим в округе забойщиком домашних парнокопытных. Поэтому сельчане его частенько приглашали показать своё боевое искусство и в благодарность за работу давали горилку и солидный шмат мяса и сала. Так что, когда он вернулся с мокрухи, то держал подмышкой огромный пакет с благодарностью и был уже в приподнятом настроении. Но, несмотря на усталость и некоторое романтическое настроение после выпитой горилки, тётя Лида (его жена), строго настроено ему наказала срочно приступить к убою домашних пернатых и грызунов. Сама же она, взяв с собой пару флаконов огненной воды, пошла к колхозному шоферу договариваться по поводу нашей транспортировки на ж-д станцию. Поезд прибывал ранним утром, поэтому выезжать приходилось в ночь. И так как оставались считанные часы до отъезда, дядя Ваня без промедления приступил к массовым репрессиям в курятнике и крольчатнике. Если с кролями было попроще, то с курами вышла небольшая заминка. То ли дядя Ваня вошёл в кровавый раж и не мог себя уже контролировать, то ли от переизбытка родственно-заботливо-покровительственных чувств случилось так, что он сбился со счёта количества жертв. Безголовые куриные тела носились в агонии по двору, окропляя снежок красненьким. А из-за того, что их спинной мозг безудержно указывал им путь к свободе, лишённые головного мозга создания в отчаянии рвались в огород. Тетя Лида, возвратившись от шофера с переговоров, где она удачно забила стрелку на четыре часа утра, увидела своего мужа, всего окровавленного и в перьях.

- Ты сколько курей забив?

- Так десять чи дванадцать.

- Так десять чи дванадцать?

- Не знаю, втратив им рахунок.

- Порахуй сколько голив у плахи?

- Дванадцать здаётся.

- Тоди йди та шукай усих дванадцать тушок.

Я вызвался посодействовать в поисковой операции, и вооружившись маломощным фонариком, приступил к изучению кровавых следов. Несмотря на все трудности (некоторые тела убежали метров на тридцать в огород), через пол часа все убиенные были собраны в кучу. Тут уже пришла и мамина мачеха с тушками уток и гусей. И пошло - поехало. Домашний мясокомбинат заработал на всю мощь. Женщины щипали птиц и собирали в кулёк перья для подушек, ошпаривали и потрошили тушки, а Дядя Ваня сдирал шкуры с вислоухих зайцеобразных.

В четыре утра пришёл грузовик. Мы погрузили бесконечные сумки с мясом и консервами, а также мешок с картошкой и луком в кузов машины и приступили к обряду прощания. Через минуту раздался зычный голос дяди Вани: «По машинам!» - и мы, прервав обнимашки, залезли в

кабину с водителем. Дядя Ваня, как истинный джентльмен, забрался в кузов, где, свернувшись калачиком, приготовился к ночному ралли через зимний лес. К пяти утра мы без потерь прибыли на станцию.

Вокзал "Хутор Михайловский" - "Дружба".

В кассе сказали, что информация о билетах будет только после того, как поезд покинет предыдущую станцию. И вот, слава Гермесу (бог путешественников), билеты у нас на руках. Остался последний рубеж - погрузка. Принимая во внимание то, что стоянка поезда длится всего две минуты, надо умудриться не только вскарабкаться в вагон, но и втянуть туда всю свою поклажу. А учитывая, что «хрен знает где тот вагон остановится», этот рубеж обещал быть не лёгким. И вот в далеке уже виден огонёк паровоза. Перрон переходит в хаотичное движение. Народ с сумками и чемоданами бегает взад и вперёд с надеждой угадать, где остановиться их вагон.

- Вы не в курсе, где пятый вагон останавливается? – спрашивает дряхлая бабка полуспящего дежурного по перрону.

- Всё зависит, как состав сформирован: с головы или с хвоста, - отвечает помятый работник станции.

- А этот то как сформирован? – не унимается бабка, проявляя при этом явные признаки предынфарктного состояния.

- А шут его знает. Должны объявить за пять минут до прибытия.

- Так поезд же уже вот он! ... - кричит в отчаянии бабуля.

- А я тут причём? - кричит в ответ дежурный. Иди вон к начальнику станции и спрашивай у неё.

Обессиленная бабка садится на огромный чемодан, держась за сердце. Дежурный, проявляя чудеса гуманизма, говорит ей, что поможет дотащить чемодан до вагона.

- Ты только не отдай мне здесь концы на перроне. Вот залезешь в вагон и вперёд. А то потом здесь хлопот не оберёшься.

Мы, схватившись за ручки сумок, стоим на низком старте, выбрав тактически правильную позицию - посреди перрона. И не просто посреди перрона, а посередине между предполагаемыми точками погрузки. У нас седьмой вагон, а всего шестнадцать. В ожидании какой-то подобной пакости, я за час до прибытия паровоза провёл некие расчёты. По специальной табличке определил, где должен остановиться локомотив. Посчитал шагами длину паровоза и вагона, взяв за пример составы, стоящие на других путях. Вычислил примерное расположение нашего вагона с учётом головной или хвостовой нумерации. Сделал поправку на багажный вагон и вагон-ресторан. Таким образом, расстояние между предполагаемыми местами погрузки оказалось около 90 метров. Если вовремя засечь, откуда идёт нумерация, то, может и повезёт.

И вот он миг откровения. Перед нами пролетает локомотив, словно совершенно не собирается останавливаться. Следом идёт багажный. Так-так, пока всё по расчёту. Подходит первый вагон. Всматриваюсь до боли в глазах на место, где должна быть табличка с номером. Нет её ни хрена. Второй вагон – номер 14. Значит, нумерация с хвоста. Но почему же 14? Полный ступор сознания. Летят к чертям все расчёты. Взбаламученный народ кидается в разные стороны. Мы хватаем пожитки и кидаемся назад. Я в мыле добегаю до нашего вагона и оставляю сумки. Бегу назад помочь дядьке, который, утомленный ночными убийствами, горилкой и поездкой в кузове, еле-еле тащит мешок. Пробегая мимо сестры, волочащую из последних сил неподъёмные сумки, кричу ей на ходу, чтобы следила за моими сумками. Ну всё. Мы у заветной двери вагона с номером 7. Однако в тамбуре живых не видно. Мы стучим и орём. Время уже истекло, но поезд

Стоянка 2 минуты.

пока стоит. Сука... Наконец-то открывается дверь. Мы бросаемся на штурм лестницы. Проводница орёт: «Куда прёте! Покажите билеты!» Сестра суёт ей билеты под нос, а я принимаю груз, который подаёт мне дядька. Наконец-то последняя сумка. Поезд трогается. Я машу рукой на прощание дяде Ване. Он улыбается и машет мне в ответ. Ура! Мы сделали это! В это время проводница заявляет, что в кассе что-то напутали и у неё нет для нас мест. Всё. Занавес. Антракт.

Моя сестра проявляет чудеса ангельского благотерпения и безропотности. И только я знаю, что это затишье перед бурей. И если эта буря грянет, то живые пожалеют, что они не успели умереть. Пытаясь предотвратить губительную для всех ядерную катастрофу, я беру инициативу дискуссии с проводницей в свои руки.

- Эти билеты мы купили в кассе. Заплатили за них деньги. Здесь указан седьмой вагон. Это же седьмой вагон? Правильно?

- Ну, допустим, - с оскорбительным одолжением отвечает хозяйка вагона.

- Значит вы должны нам предоставить места.

- Я никому ничего не должна! - с вызовом бросает мне железнодорожная хамка.

- Ну, если вы не должны, тогда надо обратиться к начальнику поезда.

- В такую рань он ещё спит. Сидите тут в проходе пока он не проснётся.

Тут из глаз сестры вылетает молния. Очень плохой признак. До инициации необратимой цепной реакции распада атомного ядра остался один шаг. Видимо, испускаемы сестрой флюиды, предрекающие вселенскую катастрофу, пройдя сквозь кожу вагонной хабалки, проникают в нижний отдел её спинного мозга и будят тем самым её инстинкт самосохранения. Она неожиданно смягчает позицию и примирительно говорит:

- Ладно. Подождите, я посмотрю, что можно сделать.

«Ох, вроде пронесло. Похоже, что Хутор-Михайловский кризис миновал», - я вздохнул с облегчением.

Проводница заметалась по вагону от одного купе у другому, в каких-то задерживалась и шушукалась с пассажирами.

- В Конотопе выходят двое из пятого купе. Подождите немного и я вас туда определю, - уже миротворчески заявила она.

Мы расселись на откидных сидениях и принялись ждать нужной станции. На одном из таких же откидных сидений сидел молодой человек в форме железнодорожника. По виду сменщик помощника машиниста или какой-то технарь.

- Не могли бы вы пересесть на следующее сидение, - обратилась сестра к нему. - Вы видите, что я с братом, и мы хотим сидеть рядом друг с другом. Ведь не может же быть такого, чтобы в этом поезде ехали одни дебилы.

- Да, да, конечно. - Без проблем, - сказал молодой железнодорожник и поспешно пересел на сидение в другом конце вагона.

Я понимал, что в сестре клокочет пар, который служил сырьём для водородной бомбы, но по случайности не пригодившийся. «Ничего пусть уж лучше потихоньку выпускает, чем взорвётся», - подумал я.

Перед Конотопом действительно из пятого купе вышла парочка и направилась в тамбур, готовясь к выходу. Проводница принесла нам чистое постельное бельё и мы залезли в купе.

- Боже, какая тут стоит вонь! Наверно не все люди ещё знают, что носки хоть иногда надо менять. Это даже не вонь, а какой-то кошмарный смрад. Они наверное ещё и не мылись уже полгода!

Несмотря на раннее утро, наши спящие попутчики сразу проснулись. Ими оказались два молодых парня. Один моего возраста, а другой возраста моей сестры. От смущения они накрылись с головой одеялом, втянув под него и ноги. Поезд стал притормаживать, подъезжая к станции. Сестра распахнула дверь купе.

- Пусть хоть немного проветрится, а то меня сейчас стошнит.

- Ладно, пойду принесу сумки из тамбура, - сказал я.

- Сумки с мясом оставь там, - дала мне указания сестра. - Пусть стоят в тамбуре на морозе. Не хватало ещё, чтобы они здесь завонялись. Здесь и так просто невозможно находится от такого амбре. И покарауль их там, пока стоять будем, чтобы не спёрли.

Получив приказ, я удалился его исполнять. В тамбуре я встретился с проводницей, которая орала на пассажиров, стоящих на перроне, что без билетов никого не возьмёт, потому что у неё и так всё битком набито.

Как только мы тронулись, я спросил её, нельзя ли тут где-нибудь разместить пару сумок. Она как-то с пренебрежением скривилась, но перед тем, как плюнуть ядом, заинтересовавшись спросила:

- А что вы там везёте?

- Мясо.

Она сощурилась и сказала, что здесь не товарный вагон. Однако спустя мгновение в глазах подколодной гадюки блеснул огонёк.

- Оставляй здесь. Никто не возьмёт. А я по возможности присмотрю.

Я, довольный, что всё разрешилось без крови, вернулся в купе. Наши попутчики, лёжа на верхних полках, молча пялились в окно. Я поздоровался с ними и спросил у сестры, не собирается ли она лечь хоть немного поспать.

- Мне же надо переодеться, а устраивать здесь бесплатный стриптиз я не собираюсь.

Хлопцы с извинениями слезли с верхних полок и, взяв полотенца вместе с остальными предметами личной гигиены, вышли из купе. Последовал за ними и я. Пассажиры потихоньку просыпались и выстраивались очередью в умывальник-туалет. Я познакомился с попутчиками. Они оказались братьями.

- Похоже, что твоя сестра не в духе. - Случилось что? - спросил меня старший.

- Да так, были некоторые проблемы с посадкой в поезд, - не вдаваясь в подробности, ответил я.

В это время по вагонному радио передавали песню в исполнении какого-то советского ВИА, в которой пелось про то, как хорошо сойти с поезда на дальней станции, где цветут васильки и растут тополя. Когда песня закончилась, младший из братьев изрёк:

- Да уж. Косят под Назарет.

Я встрепенулся, как будто услышал пароль, и, не мешкая, отозвался:

- Не, эти на Хипов похожи. Слышал, как голос солиста на Лоутона смахивает?

- Точно. А как прекрасен длительный запил соляры перед последним куплетом. Блэкмор позавидовал бы.

Почувяв родственность душ, мы стали выпендриваться и наперебой понтоваться знаниями западных групп, прикалываясь над очередным исполнителем.

- А ты, похоже, из наших, - сделал заключение мой собеседник.

- Не знаю. Всё зависит от того, как ты относишься к музыке Донны Саммер и Виллидж пипл?

Для «посвящённых» это был некий тест-вопрос. Тогда в стране, да и в мире, наверное, было поголовное увлечение недавно появившимся стилем современной музыки - «Диско», который был создан как сугубо танцевальный стиль. Настоящие рокеры с призрением относились к «диско», считая эту музыку какой-то монотонно-усыпляющей, годной только для бабских танцулек. Донна Саммер и Виллидж пипл были одними из самых ярких представителей этого стиля. Поэтому я и задал этот вопрос.

- Как Ленин к буржуазии.

- Тогда мы в одной лодке, - сказал я, и мы пожали друг другу руки.

Чтобы не мешать сестричке спать, мы с моим новым товарищем остались в коридоре и без устали рассказывали друг другу о своих музыкальных пристрастиях, делились информацией и сплетнями о разных группах и исполнителях. И лишь только на станциях я выбегал в тамбур посмотреть, чтобы при выходе из поезда никто не прихватил бы с собой нашу мясную добычу.

Спустя несколько часов мы подъехали к Киеву. Так как стоянка там была долгая, братья решили прогуляться по перрону с заходом в привокзальный буфет. Вернувшись в купе, они выложили на столик коробку конфет, разные печенья и вафельный торт. Кроме этого, они купили также какую-то местную сладкую газировку и бутылку слабоалкогольной шипучки.

- Мы бы хотели загладить вину за некоторые неудобства, вызванные несоблюдением нами правил личной гигиены. Мы не только поменяли носки, но также помыли ноги, руки, шею и почистили зубы.

Сестра оттаяла. Между нами был провозглашён мир, и мы приступили к пиру.

На следующей станции я, как обычно, пошёл в тамбур караулить мясные припасы и к своему ужасу обнаружил пропажу оных. Я немедленно сообщил об инциденте сестре после чего началась вагонная свистопляска. Мы носились по вагону в отчаянии где-то найти пропавшие мясные продукты. Сестра орала всё, что она думает о каждом пассажире в отдельности и об всех вместе взятых. Мы пытались устроить проводнице допрос с пристрастием, грозились вызовом её поездного главаря и ментов с собаками. Она слабо отбивалась и всячески пыталась побыстрее смыться куда-то с наших глаз.

- Я что вам нанималась следить за вашими сумками? Может, их кто-то забрал, а может их и не было там вовсе.

- Но как же так? Вы сами сказали, чтобы я их оставил в тамбуре, - пытался я напомнить ей.

- Не помню ничего подобного. Оставьте меня в покое. Мне надо пассажирам чай разносить.

Её очень подозрительное поведение, подсказывало нам, что эта стерва наверняка замешана в преступлении. Однако, мы ничего не могли поделать. Главное, ради чего нас снаряжала в экспедицию наша голодающая семья - пропало. Весь продовольственный рейд насмарку.

И тут к нам обратился паренёк в форме железнодорожника. Помните того, которого согнала..., простите, попросила пересесть моя сестра.

- Я здесь практически безвылазно сижу и не видел, чтобы проводница тащила бы какие-то сумки. Так что если она спёрла, то спрятала где-то там, в тамбуре. Пойдёмте посмотрим, у меня есть спец ключ от кладовок.

Мы направились с ним в тамбур, где в первой же кладовке обнаружили наши сумки. Мы с братьями подняли гвалт, призывая к немедленному публичному линчеванию проводницы. Паренёк железнодорожник сказал, что может открыть нам другую кладовку, куда мы можем перепрятать сумки. Оказывается, весь вагон был полон такими кладовками, которые и были предназначены для провоза скоропортящихся продуктов.

Тогда сестра с хитрой ухмылкой произнесла известные многим фразы:

(1) *«Нет, мы пойдём другим путём».* (2) *«Месть - это блюдо, которое лучше подавать холодным».*

Тогда мы, дождавшись момента, когда проводница уединилась в своём купе, выставили одного из братьев на шухер и откинули ковровую дорожку выстилающую вагонный проход. Паренёк откупорил замок и поднял вверх дверцу холодной кладовки. Мы переложили в неё сумки, закрыли дверь, но не на замок, и застелили дорожку назад.

- Пусть эта сука едет с радостной мыслью, тогда в конце ей будет больнее падать, - поведала нам сестра всё коварство её плана.

- Хорошо, что у нас запасные носки были и мы с тобой замирились, - сказал старший из братьев, - не хотел бы я у тебя во врагах числиться.

Мы доехали до Кишинёва, тайно вытащили из кладовки наши сумки и со словами благодарности за супер-сервис, доброту и заботу попрощались с нашей проводницей. Она тоже сияла довольной улыбкой, чуть не целуя нас на прощание.

История умалчивает, что с ней творилось, когда она вскрыла свою кладовку и обнаружила пропажу сумок.

Знаком указана кладовка в тамбуре, где паскуда проводница заныкала наши мясные припасы.

Может это был пролог новой истории, полной коварства, жестокой мести и кровавых стычек с коллегами по цеху. Ведь на кого ещё могло упасть подозрение жалкой поездной майданщицы.

Спустя какое-то время мой новый дружок позвонил мне.

- Приезжай ко мне. У меня есть для тебя сюрприз.

Понятно, что сюрприз был музыкальный, поэтому уговаривать меня не надо было.

- Вот смотри, - протянул мне два диска мой дружок. - Пока мы путешествовали в Кишинёве появились эти альбомы: «The Game» Queen и «Chance» Manfred Mann's Earth Band. Тебе, как любителю Квинов, видимо будет любопытно, а мне интересно твоё мнение. Мне

кажется, что альбом немного неожиданный получился.

- О, конечно. О чём ты говоришь. Давай, врубай!

Я беру в руки обложку. Какая-то невзрачная. Ещё и чёрно-белая. С обложки как-то уж слишком самоуверенно глядят на меня музыканты. У моего друга есть только вертак и магнитофон приставка, поэтому мы ставим магнитофон на запись, а я одеваю наушники, собираясь слушать альбом в одиночестве. Мы ставим пластинку, и вдруг в я слышу какие-то космические звуки, переходящие из одного уха в другое. Первое впечатление - они изменили себе с

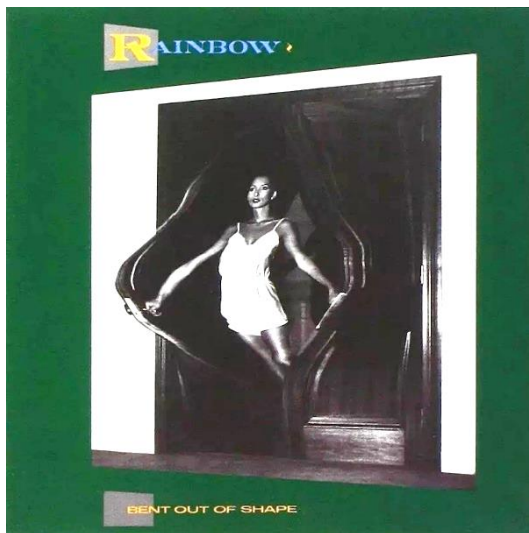
синтезатором. Беру обложку в руки и, действительно не вижу их фирменной приписки «No Synthesisers». Видимо им надоело выделяться, и они решили, что пора синтезаторы пустить в дело. Дальше под неспешный аккомпанемент фортепиано вступает Фредди. Ну, в общем, простая душевная песня в квиновском стиле. Ничего неожиданного. А когда пошла вторая, то тут я и понял, что это реально что-то другое. Какая-то смесь фанка с хард-роком. От неожиданности я даже не знаю, как реагировать. Мой приятель замечает моё замешательство и показывает мне жестом, мол, слушай дальше. Третья вещь убивает меня на повал. Нет, не из-за того, что это какой-то шедевр (хотя многие так считают), а потому что это абсолютно не в стиле Queen. Это же какой-то негритянский фанк чистой воды. Мама-моя, что творится? Ну и так далее, вперемешку лёгкие и простенькие рок-н-роллы с неплохими медляками, особенно «Sail Away Sweet Sister» Мэя. Тем не менее, стало ясно, что от известных мне Квинов осталось лишь название. С этим надо было как-то свыкнуться и привыкнуть. Конечно на пятый, шестой раз я расслышал всё-таки и их самобытность, и их фирменные фертики. Короче, со скрипом, но зашёл. Однако, когда я услышал их следующий альбом «Hot Space», я снова был готов взять огнемёт и отправиться в Лондон, чтобы обжигающим пламенем вернуть пацанов в лоно арт-хард-рока.

Интересно, что многие альбомы не сразу заходили в душу. Их надо было прослушать минимум несколько раз. Мы частенько предупреждали друг друга, что сразу может не зайти.

- Клянись, что только после пятого прослушивания откроешь рот со своим мнением об этом альбоме, - требовал я от своего друга Гурама, передавая ему бобину с очередным шедевром рок музыки. Аналогично и он поступал:

- Я тебя прошу, прослушай несколько раз, прежде чем вякнишь, что это какая-та лажа.

Вот вам пример, как менялось моё мнение об альбоме в зависимости от количества прослушиваний. Как-то в мои руки попала запись седьмого альбома Rainbow «Bent out of shape». Как я уже писал выше, записи мы добывали не в хронологическом порядке, а то, что находили в данный момент. Из-за этого седьмой альбом ко мне попал раньше, чем четвёртый, пятый и шестой. Поэтому, будучи под сильным впечатлением, который оставили первые три, где вокалистом был великий Дио, прослушивая в первый раз их седьмой альбом, я был просто ошеломлён.

«Что это за гадость, - державшись за голову, причитал я. Как великий Блэкмор мог выпустить такую голимую попсу? Где тяжёлый рок? Что это за дрянь? Кто там у него блеет у микрофонной стойки?»

После второго прослушивания:

«Ну, пожалуй, инструменталки типа «Anybody There» и «Snowman» совсем даже ничего. Я бы даже сказал, что очень хорошие».

После третьего прослушивания:

«Звук группы довольно качественный, все инструменты четко прослушиваются. Несмотря на явно коммерческий характер такого хард-рока, слышится он каким-то взрослым, что ли. В общем, нормальный альбом. Слушать можно».

После четвёртого прослушивания:

«Блин, «Can't Let You Go» и «Fool for the Night» просто прекрасны. Их можно слушать постоянно. А «Drinking with the Devil» один из лучших заводных Hard&Heavy Rock'n'roll слышанных мною вообще».

После пятого прослушивания:

«Риччи все-таки поцелованный богом музыкант. Что он творит в «Fire Dance» и «Desperate Heart». Это что-то невероятное. Такое гармоничное сочетание мелодики, тяжелых хард-роковых рифов и чисто блэкморской виртуозной соляры. Уникальный альбом. Определённо - это настоящий шедевр».

У каждого из нас были какие-то определённые пристрастия: к какой-то группе или стилю в рок-музыке. При этом мы не были закоренелыми ненавистниками «Диско» или вообще какой-либо попсы. Она где-то всегда рядом. Она звучала фоном, так, что мы могли её слышать, но не слушать. И трудно себе было вообразить, как кто-либо из моих друзей меломанов подошёл бы ко мне и сказал так:

- Я вчера слушал последний альбом *Ottawan*. Это что-то с чем-то. Какой драйв, какая экспрессия. А какая там проникновенная партия соляры... Я слушал, а у меня мурашки по спине бегали.

Нет, мы фанатели от рока. А уж к какому конкретно направлению рока: к хард-року или арт-року к панку или глэм-року, или к какой-то разновидности металла - было не столь важно. Да и деление рока на все эти разновидности было скорее условным. Например, *Slade* по их звучанию,

Slade.

это обычные представители хард-рока. Но если посмотреть на их внешний вид, то это явный глэм-рок. А к какому стилю отнести *Queen*? Конечно, для настоящего любителя рока отличить трэш-металл от классического хард-рока не составит особого труда. Но вот разобраться, в каком стиле играет *Black Sabbath*, хард-рок или хэви-металл, просто невозможно. Это, скорее всего, и то и другое. Можно, наверное, сказать, что хард-року свойственна импровизация и блюзовая мелодика, в то время как в хэви-металле она практически отсутствует. Тогда к чему отнести *Deep Purple* или *Dream Theater*? Я бы сказал, что всё зависит от

конкретной композиции. Поэтому, цитируя классиков: «Всё это рок-н-ролл».

Были среди моих знакомых и закоренелые почитатели только одной группы. Например, битломаны. Для них ничего, кроме *Beatles* не существовало. Но уж про них они знали всё. Кто, с кем, когда и почём. Историю альбомов, выступлений и отдельных песен. У меня иногда появлялась мысль, что не сама музыка битлов их привлекает, а страсть к безграничному знанию всего, что связано с ними.

Интересно, что популярный миф о вечной конкуренции между Битлами и Роллинг Стоунз породил и противостояние между их фанатами. Помните анекдот на основе фильма «Чапаев».

Петька у Чапаева спрашивает:

- Василий Иваныч, ты за "Битлз" или за "Роллинг стоунз"?

Чапаев подумал и спрашивает:

- А Леннон за кого?

Однажды я познакомился в баре с одной девицей. Мы с друзьями сначала сидели своей компанией, но после пары коктейлей и танцев объединились с соседней девичьей. Так вот, после вечеринки я, провожая одну из девиц домой, завёл с ней разговор о музыке. К моему глубочайшему удивлению, она оказалась фанаткой *Pink Floyd*. И не просто фанаткой, а фанаткой только их самых ранних композиций и альбомов, написанных в основном Сидом Барреттом, человеком необъятного таланта - и чрезвычайно хрупкой, я бы сказал, неустойчивой душевной организации.

- А как же «The dark side of the moon», «Wish you were here» или «The Wall» наконец?

- Это всё туфта, - заявила девица, - просто скучный прогрессив.

Я, честно говоря, обалдел, вспоминая их ранние, какие-то, словно безумные психоделические композиции. Решив проверить, не придуривается ли она, я, напрягшись, смог вспомнить только название единственной песни «Flaming», с их дебютного альбома, которая, по моему мнению, олицетворяла верх музыкальной вакханалии. Начинается там всё с каких-то жутких звуков и звериного воя. Потом вступает вокал, под тип весёлой пионерской песни. Затем начинают нарастать звучащие как бы сами по себе клавишные и ритм-секция. Вся эта какофония усиливается специфическими звуками, типа пением кукушки, трещотки и звоном колокольчиков.

- Расскажи мне, в чём по твоему заключается прелесть «Flaming»? - попросил я.

- Так, а что там рассказывать. Если спрашиваешь, значит слушал. Так?

- Ну да. Весь альбом слушал. Просто этой песни название запомнил. Думал, может кто-нибудь мне объяснит, как из такой бредятины мог получиться «Echoes» или Shine crazy diamond, например.

- Кстати, Бешеный бриллиант это Сид. Ты знал?

- Как это?

- Ну, эту песню посвятили ему, когда он съехал с катушек от ЛСД.

- Нет, не знал. То есть, ты хочешь сказать, что когда он писал «Flaming», то он был ещё не съехавшим?

- Не знаю. Мне кажется, чтобы такие вещи сочинять, надо быть особенным, - с задумчивостью ответила она. И если ты их не понимаешь сразу, то даже и не пытайся потом.

Вот тут эта дитя цветов, была абсолютно права. Сколько бы раз я не возвращался к этой композиции, как-бы себя не заставлял понять всю прелесть сидовской психоделики - ни фига не получалось. «*De gustibus non est disputandum*» - «О вкусах не спорят».

5. Кружатся диски.

Отдельно хотелось бы вспомнить, как мы в то время приобретали и менялись пластинками с рок музыкой. Чаще всего мы их называли дискáми или пластáми, реже - винилом.

Соглашусь с где-то услышанным суждением, что для многих из нас увлечение зарубежной рок музыкой было делом чем-то особо желанным, сродни со страстью к запретному плоду. Тут всегда присутствовал определённый ритуал или даже определённая философия, если хотите. Вокруг этого увлечения частенько была некая тайна с целым ворохом непередаваемых эмоций и постоянным открытием себя через музыку.

Достать забугорные пласты было не лёгким делом. И дело даже не в сумасшедшей цене за них. Их надо было ещё где-то найти. Конечно, кое-что можно было приобрести в кишинёвском магазине «Мелодия», располагавшимся в тихом месте на улице 28 Июня, немного ниже Ленина. Особенно, если у кого-то там был блат. Кстати, возле него тогда ещё располагалась и «туса» - место сбора меломанов.

Ассортимент грампластинок, доступных широким массам населения «необъятной» был хоть и велик, но до безобразия уныл. Итак, в чём не было нехватки:

1. Сборники речей обоих Ильичей.
2. Классическая музыка, для довольно узкого круга ценителей и эстетов.
3. Детские сказки и записи Большого детского хора Гостелерадио СССР, музыка и песни из мультфильмов, детских фильмов и *а-ля* пионерско-патриотические песни типа «...мы дети рабочих» или шо же там снится «Крейсеру Авроре».
4. Изрядно всех уже ~~недзе~~ поднадоевшие Хили, Кобзоны, Лещенки, Пугачёво-Ротары, «весёлые робята» и прочие «самоцветущие петухи» с «оголубевшими гитарами».
5. И, наконец, одобренные кровавой гэбнёй иностранные певуны, преимущественно из дерьмократических стран ближайшего забугорья, скованных железной лапой «Варшавского Договора».

Справедливости ради надо отметить, что в этом уютном магазинчике со скрипучим деревянным полом, появлялись сорокапятки с Битлами, Роллингами, Криденсом, Свитами и

Магазин "Мелодия", Кишинёв.

прочими Смоками. Бывало, что выкидывали и полноценные альбомы Джона Леннона, Урия Хип и Мэнфреда Мэнна (сохранена «мелодиевская» орфография). А с перестройкой пришла в «Мелодию» уже целая серия «Рок-архива» с 12 пластинками, куда попали Дип Пёрпл, Лед Зеппелин, Дорз, Элтон Джон и др. А в конце 80-х можно было уже купить и Rainbow, Dire Straits и Deer Purple. Я имею ввиду не всю дискографию этих групп, а только лишь их

определённые альбомы. Эти крохи абсолютно не могли удовлетворить запросы советских меломанов, поэтому основными источниками пластов были либо «по знакомству», либо фарцовка.

В категорию «по знакомству» в основном входили те, у кого были родственники из выездных (артисты, учёные, моряки дальнего плавания) или богатые коллекционеры. Фарцовщиками же называлось социалистическое отребье, которое скупало у иностранцев дефицитный заграничный товар и перепродавало его втридорога жаждающим покупателям. Официально в то время их называли спекулянтами. За такую деятельность тогда можно было схлопотать срок до одного года или штраф до двухсот рублей с конфискацией предметов спекуляции, а в отдельных случаях и более продолжительные сроки.

Но если в случае со спекулянтами всё было более менее по честному (тебе назвали цену, ты назвал свою, вы торгуетесь и приходите к какому-то соглашению, ты платишь и получаешь товар), то с фарцовщиками из воровской среды было всё не так просто. Это были профессиональные ломщики, обувалы и кидалы. Они пользовались тем, что никто из участников купли-продажи не был заинтересован в привлечении милиции при обмане.

Ломщики обычно покупали самые дорогие диски, платя за них целой пачкой денег, где одна-две крупных купюры оказывались под изрядным ворохом мелочи. Когда продавец, пересчитав деньги, сообщал мошеннику, что здесь не хватает, ломщик неподдельно удивлялся,

пересчитывал деньги еще раз и, горестно качая головой, подтверждал недостачу. При пересчёте он загибал (заламывал) одну или несколько крупных купюр, которые находились внизу пачки, и ловко перекаладывал их в другую ладонь. Потом, держа деньги на виду, он лез другой рукой (с крупной купюрой) в карман, откуда извлекал недостающую сумму, а крупную купюру оставлял в своём кармане. Продавец брал деньги, уже не пересчитывая их второй раз. Купленный за бесценок диск ломщик отдавал спекулянту, который возмещал ему затраты плюс премию за ломку, а сам пускал диск на продажу.

Обувщики занимались обычным обманом. Они переклеивали "пятак", или как их ещё называли - «яблоко», бумажную наклейку в центре пластинки, несущую информацию о ней. Исправляли на них названия, страну изготовления, год издания. Делали самопальные обложки и даже номер на сгоне, т.к. многие меломаны знали, что только у советских пластинок цифровой код начинался с С-60. Конечно, толкнуть такой пласт в городе было не просто. Покупатель знал, что покупал. Тщательно присматривался к деталям. Считал количество треков на каждой из сторон и обращал внимание на их протяжённость. Обувщики в основном искали лохов в маленьких городках или посёлках. Приедут на Жигуле и разложат на капоте всякий заграничный дефицит, включая какой-нибудь Modern Talking, Celentano или Boney M. Ещё и цены не убийственные поставят, чтобы завлечь народ. И вот местный комбайнёр, косящий под стилигу, приобретает рублей за десять такой заветный винил. Приходит домой, ставит на Аккорд-201 в предвкушении услышать "She's crazy like a fool. What about it Daddy Cool", а слышит вдруг: "Прощай, прощай! И ничего не обещаешь!"

В наше время среди меломанов даже ходили слухи о сращивании польской и союзной мафии в производстве подделок. Типа поляки штамповали левые яблоки и конверты западных рок групп, везли их в Союз, где наклеивали на пластинки с патриотическими песнями и везли в Сибирь на реализацию. Враньё наверное, хотя многие авторитетные люди об этом говорили.

Третий сорт охламонов, портящий жизнь советским людям, были кидалы. Это уже были просто бандюги, которые методами физического устрашения или реальных побоев отбирали пласты и несли их на реализацию всё тем же спекулянтам-фарцовщикам.

В среде меломанов их звали падлюками. Естественно, что никто из настоящих любителей музыки с ними никаких дел не имел и всегда старался предупредить новичков, чтобы не связывались с ними. Когда кто-то из такой гоп-компаний появлялся в местах сбора меломанов, мы сразу их вычисляли. Во-первых, они не владели информацией. Во-вторых, не пользовались меломанским сленгом и, в-третьих, неумело торговались. Подходит такой падлюка к людям и спрашивает, подглядывая в бумажку:

- Эй, пацаны, у каво есть тхе бeатлес?

Народ отворачивается, понимая, кто сюда припёрся. А он продолжает:

- Может, у кавота ролинги стонут есть?

Народ улыбается и перемигивается, а он, как ни в чём небывало уткнувшись в шпаргалку, произносит очередной перл:

- Ну хоть ирон майдан есть?

Тут уже всех пробивает на смех. Падлюка напрягается, не понимая, что вызвало всеобщее веселье.

- Шёл бы ты, молодой человек, лучше на центральный майдан, в курячи ряды.

- На фига? - хлопает глазами падлюка.

- А ты присмотри там петуха-гамбургского, купи его и крути ему бейцы, пока он не застонет тебе роллингом.

Народ угорает до слёз, а падлюка, сплюнув через щербинку, в непонятках уходит.

По тому, как обращаются с дисками, тоже можно было судить кто перед тобой. Если человек аккуратно берёт диск двумя руками и удерживает его ладонями перпендикулярно или берёт одной рукой, помещает указательный палец в отверстие для шпинделя, а большой - на ребро пластинки, то перед вами меломан. В противном случае, когда покупатель начинал вытряхивать диск из конверта и потом лапать его пальцами, продавец старался мягко отобрать свою пластинку, спрятать её и заявлял:

- Я ничего не продаю. До свидания, - и больше такому покупателю никто ничего не показывал.

Немного о сленге.

Пластинки часто называли по тому, что на них изображено или как звучат названия групп или альбомов или заглавной песни. Например:

Beatles «Abbey Road» - Зебра

Pink Floyd «Dark Side of the Moon» - Призма

Pink Floyd «Atom Heart Mother» - Корова

Deep Purple «In Rock» - В скале

Uriah Heep «The Magician's Birthday» - Волшебник

Manfred Mann's «Roaring Silence» - Ухо

Emerson Lake & Palmer - Эмерсон лёг и помер

Uriah Heep - Innocent Victim - Иннокентий

Deep Purple «Come Taste the Band» - Рюмка

Nazareth «Close Enough for Rock 'n' Roll» - Телеграмма

«Девочкой» (или «целкой») называли запечатанные пластинки, а также и сам винил, у которого на отверстии пятак были ещё заусеницы, что говорило о "непорочности" пластинки. Дефлорировали или распечатывали из целлофановой обёртки нулёвый (т.е. абсолютно новый) диск специальным способом. Сначала надо было найти правильную грань, а потом потереть ею туда-сюда об брюки, расплавляя целлофановую обёртку.

Вот вам несколько примеров меломанского сленга. Разговор на сходняке или тусе (место сбора меломанов).

- Глазки хипов есть?

- Есть, но сегодня не принёс. Если интересно, в следующий раз принесу.

- Не пиленный?

- Да нет. Целочка, в презике.

- А он у тебя на чём: на "Бронзе" или на "Острове"?

- Точно не помню.

- Ну, что там на "пятак"? Гориллы там ходячие или пальма?

- Я же сказал целка! Как я мог видеть, что там, на пятак?

- Учти. Я только на «Бронзе» возьму! А что у тебя там ещё?

- Да, это так! Дискотня разная!

- Понятно

«Look at Yourself» Uriah Heep издавался и на Bronze Records, и на Island Records. Bronze считался родной студией звукозаписи группы.

Вот ещё пример.

- И что ты хочешь за него? Есть Квины-джаз и Граффити Цепелинов.

- Не, меня только рупии интересуют.

- Ну оцени тогда.

- Пять ноль.

- Да что ты мне втираешь, он же резаный! И вкладки нет. И с пропеллером похоже. Да ещё и пилёный!

- Да плоский он. На посмотри. Ну, есть тут маленький песочек. Зато - родной! А в идеале такой нерезанный, со всеми делами, ваще стоит семёру!

- Ладно, этот за три с половиной отдашь?

- Давай четыре. Это последнее слово!

- Лады!

Здесь некоторые пояснения для непосвящённых:

Сначала предлагался обмен, но продавца интересует только продажа за рубли.

«Пять ноль» - пятьдесят рублей, «три с половиной» - тридцать пять, «семёра» - семьдесят.

Конверт у большинства фирменных пластинок должен был раскрываться в виде альбома. Но если внутренний разворот вырезали (из него получилось что-то типа плаката) и обложка была снова заклеена, то такой конверт без разворота назывался «резанным».

В результате проигрывания пластинки на не очень хороших "вертушках" помимо собственно музыки, на ней появлялось лёгкое шипение, которое называлось «песочком». Такой

диск считался «запиленным». С «пропеллером» назывались не идеально плоские, слегка изогнутые пластинки.

"Родная", т.е. выпущена "правильной" фирмой и в "правильной стране" (например, "Сержант Пеппер" Битлз, выпущенный в Англии фирмой "Парлофон"), а не изданная по лицензии в Югославии - "Юговская печатка").

"Нерезанный", "со всеми делами" - означает полный комплект: раскрывающийся и не вырезанный конверт со всеми полагающимися вкладками.

«Подной» Look at yourself Uriah Heep записанный на Bronze Records, и печатка на Island Records.

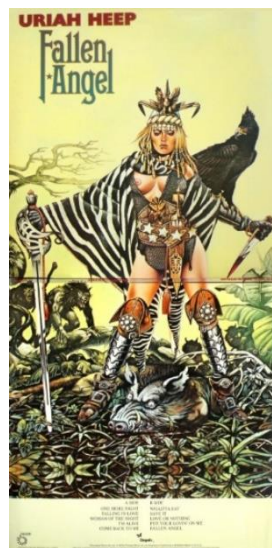
Иногда, чтобы запиленный диск выглядел как новый, его протирали по всей поверхности одеколоном, чтоб затереть царапины. Разумеется, звучал он потом всё равно с характерным шипением, зато на вид выглядел новым. Поэтому знающие покупатели ещё и принимались к пласти. А ещё, бывало, заливали диски разбавленным ПВА. Потом, когда высохнет, плёнку аккуратно снимали - и диск выглядел новьём.

Хотя меломаны и фарцовщики были основные участниками рынка винила, цели и задачи у них были разные. Одних интересовала музыка, других нажива. Первые в основном менялись дисками, вторые обманывали и гопстопничали. При этом была и третья сторона - это менты и конторские, которые охотились на первых и вторых. В большинстве своём мы все не плохо знали друг друга. Менты требовали, чтоб мы закладывали гопников, гопники обещали нас за такое подрезать. Конторских интересовали фарцовщики, которые трясли иностранцев. Как видите, ничего общего. Тем не менее, порядочных меломанов менты не сильно гоняли, а как-бы для профилактики. Большинство ментов, за исключением особо идейных баранов-борцов с западной культурой, нас заранее информировали о рейдах и просили только, чтобы в день облавы ни у кого не было с собой Киссов, или чего-то похожего на «падшего ангела». Первые были под запретом из-за двойной латинской буквы «SS» в виде молнии в названии группы, т.к. наши партийные боссы видели в этом эсэсовскую символику. Ну а на альбоме хипов «Fallen Angel» была нарисована девушка-воин, у которой была несколько обнажена грудь. Лицемерные партийцы,

смотрящие в своих закрытых цэковских кинотеатрах «Греческую смоковницу» и «Эмануэль», считали хиповскую обложку пропагандой секса и разврата.

Запрещённые Kiss и развратный Fallen Angel Uriah Heep.

Так что отношения между кланами: фарцой, меломанами и ментами были довольно натянутыми. Мы соблюдали некий паритет, напоминающий следующий одесский анекдот.

Возле банка сидит старый еврей и торгует семечками. К нему подходит другой еврей и говорит:

- Мойша, дай займы десять рублей.
- Не могу. У меня с этим банком договор.
- Шо ещё за договор?
- Я не выдаю кредиты, а они не торгуют семечками.

Войти в среду меломанов было не очень просто. Чтобы обменяться дисками, стоящими пол месячной зарплаты, надо было доверять друг другу. Частенько мы перекидывали друг другу диски из конверта в конверт. Без родной упаковки фирменный диск стоил не намного больше «мелодиевской» перепечатки, поэтому риск быть обманутым был минимальным. Также мы частенько практиковали «длинный чейндж» - это когда ты берешь пластинку на неделю, переписываешь её, даешь её ещё кому-то в обмен на другую, которой у тебя нет, переписываешь, пускаешь уже её на обмен и так далее.

Поначалу у меня долгое время не было ничего подходящего для обмена. Настоящие пласты стоили довольно дорого. Я копил деньги на свой первый диск и ходил на «тусу» в основном из любопытства и в информационных целях. Узнать, у какой группы что вышло, какие впечатления от прослушивания, а также услышать разные новости и сплетни, коими всегда там охотно делились.

В попытке приобрести свою первую пластинку я однажды даже ломанулся к «Интуристу». Покрутился возле входа, да и присел на лавочку в ожидании продавца. У меня в кармане было пятнадцать рублей, а на душе - стойкое намерение приобрести на них свой первый альбом. Долгое

время никто подходящий не появлялся. Я уже было совсем потерял надежду, как ко мне самому подсел какой-то мужик.

- Чего ты маячишь тут? Ты кто такой? Чего-то я тебя раньше не видел?

«Конкурент, - решил я». И с дерзостью ответил:

- А я тебя тоже здесь не встречал.

- Борзый, что ли? Увижу, что ты к иностранцам подкатываешь - пожалеешь.

- Смотри сам не пожалей, - реально борзанул я на мужика вдвое старше меня. Мой расчёт был на то, что он ничего не сможет мне сделать прямо возле «Интуриста», а уж если что, то я рвану вниз на магалу, где не плохо ориентировался.

- Я тебя предупредил, - пригрозил мне мужик.

От греха подальше я всё же отошёл немного в сторону. Залез на парапет у магазина «Самоцветы» откуда стал вести наблюдение за конкурентом. Тот докурил сигарету, и к моему удивлению, зашёл в здание гостиницы.

«Однако..., матёрый, зараза, - подумал я». Ведь абы кого в ту гостиницу не пускали.

Тем временем на стоянку зарулил красный Икарус «Интурист». Я рванул к нему и без церемоний стал спрашивать у выходящих туристов:

- Мьюзик, диск? Мьюзик, диск?

Интуристы на меня косились, о чем-то переговариваясь про меж собой. По разговору я понял, что это румыны и начал им показывать руками круг, приговаривая при этом - дискуръ есте?

- Ту вреу са кумперь панталонь ши ынкэлцэминте? - что-то типа этого спрашивали они в ответ.

Мне и нафиг не нужны были их штаны и обувь. Я продолжал в своих попытках донести до них, что меня интересует, как вдруг боковым зрением увидел идущего ко мне знакомого мужика с двумя ментами по краям.

«Всё, повязали родимого, - подумал я». Однако, тот совсем не выглядел арестантом, а даже напротив, он показывал на меня пальцем, как будто отдавая приказ легавым поймать меня, скрутить и сожрать. Я просёк тему и рванул в сторону базара. Первый блин оказался комом, хотя, с другой стороны, могло закончиться и хуже.

Выждав недельку, я снова засобирился на охоту. Для начала я опять устроился возле «Самоцветов» наблюдая с возвышенности за вознёй возле гостиницы. Интуристов там было мало. Они кучковались у выхода маленькими стайками, видимо ожидая свой экскурсионный

Гостиница "Интурист" - один из источников по добычи западного винила.

автобус. Я зорко оглядел окрестности, и не увидев подозрительных агентов охраны, решил: «Надо идти. Сейчас или никогда».

Подойдя к толпе интуристов, я сразу начал показывать им, что мне надо. При этом заговорил сразу на молдавском:

- Еу вреу са кумпар дискуръ музикале. Есте?

Интуристы на этот раз оказались болгарами, но сносно говорящими на русском. Один парень сказал мне, что он имеет «нещо» (кое-что) и принесёт из номера. Тем временем остальные стали мне предлагать какие-то джинсы, футболки и прочие тряпки, показывая пальцами, что и почём. Вдруг из гостиницы вышли два мента и направились в нашу сторону. Болгары похлопали меня по плечу, пытаясь обратить моё внимание на шухер. Увидев ментов, я рванул по проторенному маршруту в сторону базара, слыша, как мне вдогонку болгары кричат: «Шипка, Шипка». Удалившись на безопасное расстояние, я немного успокоился и задумался над их словами. Что они хотели мне сказать? Причём тут «Шипка»? В кино они собрались, что ли? И тут меня осенило. Речь идёт не об кинотеатре, а о памятнике, который находился с ним рядом. Их повезут к памятнику на экскурсию, и они мне забили там стрелку. Я рванул на троллейбус и через минут двадцать крутился уже возле памятника.

«Мемориальный комплекс сооружён в честь болгарских ополченцев, отряды которых были сформированы в Кишиневе в ходе национально-освободительной борьбы болгарского народа накануне русско-турецкой войны 1877-78 гг., - прочитал я на стеле». Прождав где-то с полчаса, я уже было разуверился в том, что правильно понял их слова, собрался уходить. Как вдруг на площадку возле памятника вырулил автобус «Интурист». Из него высыпал народ, который последовал за экскурсоводом. Они постояли толпой возле мемориала, что-то выслушали и разошлись гулять по парку. А мои знакомые показали мне жестом, чтобы я подошёл.

- Привет, братушки, - сказал я. – Ну так что? У вас есть то, что меня интересует?

Братья по соцлагерю отрицательно замахали головой. Я цыкнул с досады, что пришлось сюда переться, и собрался уже уходить. Но они взяли меня за руку и поволокли в автобус. Тогда я вспомнил, что у них кивок головой означает "нет", а покачивание по сторонам - "да". Зайдя в автобус, водила сказал, что у нас есть не более пяти минут на торговлю. Болгары всё время озирались по сторонам не меньше моего, и я понял, что они опасаются комитетчиков не меньше меня. Поэтому и затащили в автобус. Если что, они не при делах. А водила и экскурсоводша были у них на прикорме. Мне начали пихать тонны какого-то шмотья, косметику, брелки, журналы и прочую фигню.

Мемориал "Шипка" место паломничества болгарских туристов и фарцовщиков.

- Мне нужна только музыка. Диски. Рок музыка, понимаете? А это всё прячьте обратно. Мне это не надо.

- Не надо прятать, - услышал я за спиной. И у меня всё упало. - Показывайте мне всё, что у вас есть, - сказал им вошедший в автобус парень, - а этот пока, он ткнул в меня пальцем, пусть свои пластинки смотрит.

Оказалось, что незнакомец это просто ещё один фарцовщик. У меня отлегло, и я занялся дисками. Со знанием дела я стал просматривать предлагаемые мне пластинки, но среди предлагаемого была только «Балкантоновская» мура.

- А фирменных нет, - спросил я? Болгары утвердительно закивали своими башками, и я опять купился на это.

- Так покажите мне фирменный.

- Это всё, что у нас есть.

Я был порядочно раздосадован, но эти прохиндеи всё равно уболтали меня взять за пятнашку какой-то «балкантоновский» сборник битлов и венгерскую жёлтую рубашку «Fekop».

Мы вышли с парнем из автобуса, при этом он попрощался с водилой за руку:

- Пока, Вадик. До завтра...

- Ты чё музыкой интересуешься? – спросил меня парень уже на улице.

- Да хотел какой-нибудь диск фирмовый на чейндж купить, а у них ерунда одна была.

- Фирмовый-то дорого стоит.

- Да знаю я. Поэтому и решил у иностранцев взять.

Мы познакомились и подружились. Мой новый приятель ввёл меня в новый мир фарцы. Потом мы часто с ним вместе промышляли. Он щедро делился со мной опытом, друзьями, связями. Но это, как говорится, уже совсем другая история... Что же касается музыки, то он свёл меня с одним дедом коллекционером. Не знаю, может мне он просто в мои пятнадцать лет тогда показался дедом. Но я был прилично удивлён, что такой седой мужик слушает рок-н-ролл. Дедуля уступил мне совсем не задорого два достаточно подержанных альбома Deep Purple «Made in Japan» и Rainbow «On Stage». Однако, не смотря на свою подержанность, пласты почти не шипели, были «родными» и к тому же двойными. Поэтому я не имел с ними больших проблем при обмене.

Для того чтобы разбираться в виниловом бизнесе, необходимо было посвящать этому занятию не мало сил и времени. Помимо хорошего знания дискографии групп, как выглядят те или иные конверты, чем одно издание отличается от другого, надо было быть в курсе целой уймы всяких нюансов, которые в той или иной степени влияли на цену.

Во-первых, ценность виниловых пластинок напрямую зависела от места, где производилась запись альбома. Или, как мы выражались, какая у группы была «родная студия». К примеру, известно, что все альбомы до 1991 года Queen записывали на английской студии «EMI», потом на британо-немецкой «Parlophone». Первых два альбома Uriah Heep были записаны в британской студии «Vertigo Records», все последующие, вплоть до 1983 года в английской «Bronze Records». Далее хипы записывались на «Portrait» «Legacy» ну и т.д.

Во-вторых, ценность зависела от страны, где производилась пластинка. Самые дорогие и качественные считались американские и британские. Интересно, что американские пласты лучше, чем многие другие звучали на низкокачественной советской аппаратуре. Это было связано с тем, что они имели более высокий уровень записи, подавление шумов и лучшие высокие частоты, которые ценились среди меломанов. Образно говоря, они хорошо «цыкали» и было лучше слышно, как мы говорили «тарелочки». К тому же качество конвертов и полиграфия на американских альбомах были великолепны.

Качество записи на британских пластах было так же очень высокого уровня, но полиграфия обложек была слабее, да и картон был не такой жесткий. Ещё одно слабое место многих британских пластов то, что на них редко писали продолжительность песен. А главным достоинством то, что подавляющее большинство рок групп происходили из Англии, поэтому их альбомы были «родными». Тем не менее, главная разница была в том, что на британских оригиналах всегда лучше прописаны низы, на американских - верхи (имеется ввиду частоты).

Далее шли пласты «бундесовые», то есть из ФРГ. Потом нидерландские, японские и канадские. Это всё была Высшая лига.

К Первой лиге относились пластинки французские, итальянские, испанские, португальские, шведские, греческие, новозеландские, которые уже стоили процентов на 40 меньше.

К пластинкам Второй лиги принадлежали индийские, бразильские, аргентинские, мексиканские, стоящие уже на 50-60% процентов ниже Высшей лиги. Винил Первой и Второй лиги называли «перепечатками», что в полной мере соответствовало правде. Это были лицензионные пласты.

И, наконец, последняя категория - это винил «Демократов». Среди них югославский винил («юги») считался лучшим по качеству. Потом шли поляки «Polskie Nagrania», венгры «Рерита», гдээрровский «Amiga», чехословацкая «Supraphon». Болгарский «Балкантон» был самым отстоем. Ну а советская «Мелодия» держала почетное предпоследнее место, уютно расположившись перед «Балкантоном. Важно отметить, что речь тут идёт только о пиратских и лицензионных пластинках фирмы «Мелодия». Однако советскую эстраду и особенно репертуар классической музыки, они делали очень даже не плохими.

В-третьих, качество винила определялось номером тиража, иначе говоря, номером прессы. Первый пресс - это самый первый тираж записи, изготовлен путем горячего прессования с матриц, которые изготавливаются с магнитной фонограммы. Пластинки первого прессы высоко котируются, прежде всего из-за повышенной коллекционной ценности, а так же из-за того факта, что металлический мастер-диск, будучи много раз облеплен раскаленным винилитом (сырьё для производства пластинок) потихонечку стирается и таким образом, каждая следующая пластинка немного хуже предыдущей.

Кроме этих трёх главных факторов, влияющих на ценность пластинки, есть ещё уйма дополнительных, таких как мастеринг, вес винила, количество тиражей с мастер прессы и т.д. Не буду вам забивать этим голову. Всё это можно изучить на <https://www.discogs.com/>. Я лишь хочу отметить, что те, кто в наше время владел такой информацией и, соответственно, разбирался во всех тонкостях этого дела, были сверх важными и популярными людьми.

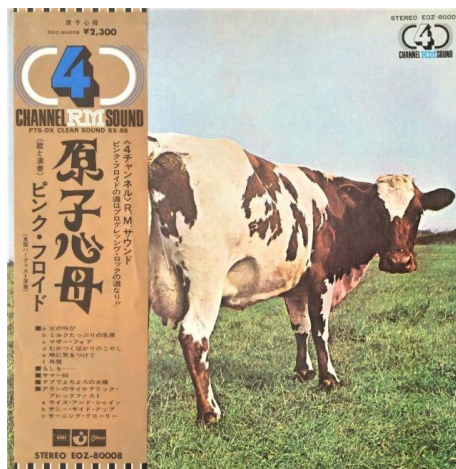
Я помню одного парнишку Лёнчика, которому было тогда лет пятнадцать-шестнадцать и выглядящего для рокера-меломана, знающего в совершенстве виниловый рок бизнес, довольно нелепо. Был он очень полным, с кругленькими розовыми щёчками, в огромных очках с какими-то невероятными диоптриями, делающими его похожим на моржа. Он всегда был коротко пострижен, одет в накрахмаленную рубашку и лакированные блестящие туфли. В его речи никогда не было ни слова матом, хотя сленгом он владел виртуозно. Так вот, этот пай-мальчик знал практически всё. Иногда, в сложных случаях или при серьёзных сделках к нему зывали, как к непререкаемому эксперту. Его авторитет был настолько высок, что вердикт по пластинке был окончательным и бесполезным для оспаривания.

Однажды среди меломанов возникла проблемная ситуация. Касалась она довольно редкой подборкой дисков Ian Gillan Band. В споре сцепились две группы. Одна, многочисленная, поддерживала знакомого всем на «тусе» парня, который утверждал, что его коллекция состоит из родных пластинок. Вторая, в лице двух залётных цыган, утверждала обратное, что именно их пласты родные. Сами знаете, какое обычно отношение у людей к бродячему народу. А так как речь шла о трёх или четырёх редких пластах, то сумма была серьёзной. По внешнему виду пласты из обеих коллекций были одинаковыми. Покупатель склонялся взять ту, которую предлагал всем известный парень. Но тут кто-то предложил съездить за Лёнчиком. Мы переместились в небольшой скверик перед театром «Чехова» и стали ждать эксперта. Его привезли на такси, и он прямо в машине, внимательно осмотрев диски, выдал своё заключение. Коллекция цыган была признана им «родной». Он подробно объяснил свои доводы. Оба продавца скинулись ему по пятёре и на том же такси он отправился домой. Интересно, что у Лёнчика не было вообще никаких предпочтений в рок музыке. Его любовью был джаз, который тогда среди нас не пользовался бешеной популярностью. Однако знания его в рок музыке были поистине феноменальны. Он даже помнил продолжительность тех или иных композиций на разных пластинках. В общем - уникал.

На самом деле, для подавляющего большинства людей, которые не гонялись за фирмой только из-за того, что это фирма, не сильно имело значение, какой диск слушать: оригинальный британский, югославскую перепечатку или отечественный мелодиевский. Да и разница в звучании

была едва ли заметна. Бывало, что у меня оказывался один и тот же альбом в виде двух пластинок: фирменный и его лицензионная версия. Я пытался сравнить их, ставя на свой аппарат высшего качества. И, по правде говоря, большой разницы не слышал. «А если не слышно разницы, то зачем платить больше», - думал я. Но думал я так только до поры до времени. Расскажу здесь одну маленькую историю, не имеющую прямого отношения к нашему детству, но уместную в данном контексте.

Однажды, где-то в самом начале 90-х, я случайно встретил возле своего дома приятеля, с которым не виделся более пятнадцати лет. Познакомились мы с ним на «тусе» и иногда обменивались пластами. Родители у него работали на каком-то туристическом теплоходе и постоянно были в разъездах по Средиземному морю. Жил он вместе со своим очень прогрессивным дедом. Дед увлекался джазом, обожал Элвиса Пресли и Криденс, подрабатывал ремонтом радиоаппаратуры и имел какой-то спортивный японский мотоцикл, который держал прямо у них в квартире. Обитали они вдвоём в шикарной четырёхкомнатной квартире. Мой приятель был аудиофилом. В отличии от меломана, который любит определённую музыку, аудиофил любит качественное звучание, безотносительно того, что звучит у него в аппарате. У моего знакомого была какая-то сборная фирменная аппаратура, включая и «JVC» вертак с

Квадрофонический вертак JVC и японский квадро-винил Pink Floyd.

четырьмя колонками, усилителем и декодером для прослушивания квадро-звука. Под всё это он выделил отдельную комнату с тремя стенами, оббитыми коврами, а также с толстым висящим ковром вместо штор. Посреди комнаты стояла мягкая кожаная софа, садясь на которую ты проваливался как в гамаке. Стеклянная многосекционная подставка для аппаратуры и солидный журнальный столик со встроенным баром и отделом для хранения пластинок. Именно у него я впервые услышал квадро-звук, который меня тогда реально ошарашил. Правда, в его коллекции было только три квадро пластинки: квадро тест-диск, который шёл вместе с аппаратурой, что-то из классики и Pink Floyd «Atom Heart Mother» (Корова). Но это так - предисловие.

- Привет! - Какими судьбами здесь? – спросил я приятеля.

- Да вот за пластами к другу заходил, собираю их по всему городу. А ты здесь каким боком?

- А я живу здесь. Вот в этом доме. - Давай зайдём ко мне поболтаем, а заодно покажешь, чего там насобирал, - предложил я.

Мы зашли к нам, начали болтать о том, о сём. Я поставил чайник. Оказалось, что он готовится к отъезду. Его родители уже переехали куда-то то ли в Волгоград, то ли Ворошиловоград, то ли ещё куда, уже не помню.

- Мы хату уже продали и мебель всю. Да практически всё продали, кроме моих аппаратов и пластов. Их я везу с собой. Пока у тётки в Ставченеах живу. Жену с детьми уже отправил, а через три дня и сам еду.

- Да я помню твои аппараты, особенно твою quadro-систему. Помнишь, как я постоянно оглядывался на тылы, что там происходит, когда ты «Корову» ставил?

- Тю, я с тех пор уже пару раз всё менял. Сначала у меня был «Technics», полная башня с двухсотваттниками, потом поменял на «Marantz». А сейчас у меня полный комплект последнего «Denon» театра.

Мне всё это мало о чём говорило. Одно я понимал, что видимо это должно быть офигенно.

- А у меня вот, - я показал рукой на своё достояние. (Я имею ввиду музыкальные аппараты. А вы о чём подумали?)

- Классные колонны. - За 300 рублей в Союзе лучше не найти, - сказал мой приятель, выделив из всего только их.

- А это что у тебя? - он взял в руки пластинку Manfred Mann's «Watch», которая лежала на колонке.

- Как что? «Watch».

- Мелодиевский?

- Ну да.

- Ничёсе. Даже не знал, что наши Манфреда штампанули. - Да ещё по лицензии фирмы Ariola-Eurodisc, - прочитал он по слогам. - Во как! Что за зверь - даже не знаю. - Прикидываешь, я как раз этот же альбом сейчас забрал у дружка, - и он вытащил из пакета несколько пластинок, среди которых был и этот альбом, только в отличии от моего фирмовый «Bronze».

- В своё время пятёрку за него отдал. А потом они подешевели. Может быть, как-раз из-за того, что вышла наша печатка.

- Вполне возможно, - согласился я. Зачем платить такие бабки, если можно купить по госцене.

- Ну не скажи, ведь качество разное.

- Да ладно, не такое уж и разное.

- Ну давай сравним, - предложил мне приятель. Диски практически идентичные по сохранности. Ты отвернись, а я буду случайным образом ставить то с фирмы, то с «Мелодии», одну и ту же песню.

Мы приступили к эксперименту, в результате которого я угадывал всё практически поровну, т.е. не слышал между пластинками разницы.

- Давай теперь ты, - предложил я.

А он угадывал всё на сто процентов правильно. Потом он мне сказал, чтобы я обращал внимание на басуху и бочку. С понта, на фирменном они прописаны глубже и заметно ниже. А также на вокал. Он на советском немного усилен, так как идёт в основном на средних частотах и типа, поэтому не очень гармонично вписывается. Мы опять поменялись. И я, пользуясь его советами, действительно немного улучшил своё угадывание.

- Послушал бы ты это на моём «Deon», то сразу бы разобрался.

- Да что ты мне по ушам ездешь. У меня вертак супер, один из лучших, - запротестовал я.

- А у меня «Hi-End» с отдельным фonoкорректором и широкополосным эквалайзером с возможностью полной регулировки АХЧ, и звукосниматель с подвижной катушкой, и игла алмазная эллиптическая, и тангенциальный тонарм с трубкой из углеволокна и с регулировкой прижима, - кидал понты целыми пачками мой приятель, тяжело страдающий аудиофилией.

Я раскрыл от удивления рот и хлопал глазами в непонятках, т.к. многих слов даже не слышал раньше.

- Я должен это видеть и послушать, - сказал я, сощурившись. Мы едем к тебе. Меня охватила лихорадка безумного желания прикоснуться к неизведанному.

- Куда ты собрался, поздно уже?! - заволновалась моя жена.

- Ну да, уже полдесятого. Да и вертак я сегодня запаковал уже. Завтра всё остальное паковать буду. Пока доедем, будет все одиннадцать. А пока я распакую вертак, пока настрою, пока послушаешь, назад автобуса уже не будет. А ночевать там, извини, негде. Я с тёткиным сыном в одной комнате сплю. А она с мужем и маленькой дочкой в другой.

- А мы на тачке поедem. Через полчаса будем у тётки. Я минут двадцать послушаю и всё.

- А тебя есть тачка?

- Ага. Настоящая зверюга. Челленджер. Слыхал о такой? Вмиг домчимся.

- Американская, что ли?

- Почти. Лицензионная. - Как мой Манфред Мэннс, - запутал я вконец своего приятеля.

- Ну тогда давай, поехали.

- Костя, позвони обязательно, если задерживаться будешь, - получил я напутствия от жены. И мы, прихватив с собой мелодиевского Манфреда, пошли в гараж за тачкой. При входе в гаражи моего дружка облаяла стая злобных местных гаражных шавок, так что он решил подождать меня на скамейке у ближайшего дома. Я ещё раз поздоровался с гаражной братией, которая бухала после трудового дня.

- Что, забыл чего? – спросили меня.

- Да нет. Просто надо на пару часиков срочно отъехать кое-куда.

Я с полуоборота завёл новенькую тачку и поехал к ждущему меня приятелю. Подъехав к нему я начал неистово махать ему рукой, чтобы он залез в машину. Но он, как мне показалось, не видел, что это я сижу в салоне. Я опустил окно и принялся ему кричать. Он замотал по сторонам головой, но всё также не мог определить, где я. Тогда я уже вылез из авто.

- Ну давай садись. Сколько можно тебя звать.

- Ой! Так это и есть твой «Челленджер»?

- Ага. Последняя модель, - похлопал я по крыше Запорожца. Деду жены, как инвалиду войны выдали, на шару. А он водить уже не может, вот и отдали мне в пользование.

Мы действительно минут за двадцать домчались до Ставчен. А когда вылезли из запора, то мой приятель сказал:

- Никогда бы не подумал, что на запоре можно так комфортно ехать.

- Так он ведь новый. Там какие-то 700-800 км всего накручено. Да и на шины глянь. Видал какие широкие, прям как у «Лады».

- Да уж. А почему «Челленджер»?

- А фиг его знает. Менты как-то тормознули и спросили: «Ты откуда такой новый «Челленджер» взял?» Вот и привязалось.

Мы зашли в квартиру, в которой никого не оказалось. На столе лежала записка типа того, что они все у соседей на дне рождения и будут поздно. Пока приятель распаковывал вертак, я осмотрел остальную аппаратуру. Высокие, с меня ростом, колонки поразили обилием динамиков. Башня состояла из пяти - шести блоков, блестя серебряным отливом. Приятель притащил вертак и подключил его к системе. Второе, что меня поразило, это то, что корпус вертушки был деревянным.

Супер-пупер вертак "Denon".

- Чё это? - Самопал что ли? - попытался я пошутить.

- Ну да. Как твой «Челленджер» - лицензионный, - съязвил приятель.

Он ещё немного поколдовал возле системы, и, вытащив мелодиевского Манфреда, установил его на опорный диск вертака.

- Подожди, давай я отвернусь сначала.

- Без надобности. - Здесь тебе гадать не придётся, - сказал он и нажал на кнопку пуск.

Из колонок полилась первая композиция. Впечатление было прекрасным, но сказать, что я был поражён, так нет. Примерно такое же впечатление произвели на меня и последующие несколько композиций. Они на его аппарате явно побогаче звучали, но не так, чтобы я умер от неудержимого восторга.

- Теперь давай послушаем на бронзе, - предложил он и поставил фирменный диск.

Вот тут то я понял, о чём он говорил у меня дома. Всё зазвучало совершенно другими, непривычными для меня красками. Появилось то, чего я раньше не слышал. Какой-то невероятный объём звука, создающий весьма реалистичный эффект присутствия. Как будто ты находишься в метре от сцены, где играют музыканты.

- А сколько всё это стоит? – спросил я, ошеломлённый, обводя рукой аппараты.

- Точно не знаю. В Кишинёве ничего подобного нет, чтобы прицениться. Мне же эту систему года два назад предки из загранки привезли. Батя говорил, что взамен всему мог бы взять жигуль «девятку».

«Значит мне дедова «запора» не хватит» - с досадой подумал я.

В то время уже начинали говорить о новом изобретении - лазерном диске. Ещё через пару лет я впервые увидел, что это такое. Ещё через пару лет у меня появилась CD - дека, а на работе первый CD-writer. Началась эпоха CD дисков. Ещё лет через десять я уже собрал огромную коллекцию из компакт-дисков, включающую всё, чего я только мог себе представить.

Потом я окунулся в новый мир многоканальной музыки. Опять новые ощущения от старых, заслушанных до наизусть концертов. А потом увлёкся уже музыкальным Hi-res Video с DTS или Atmos звуком и всякими Blu-ray.

Как много всего пронеслось в жизни: от «16 тонн», исполняемых The Platters и услышанных впервые на старенькой «Латвии», до шедевральных Blu-ray форматов с Dolby Atmos с великолепными концертами легендарных David Gilmour: Live At Pompeii, Roger Waters: Us+Them, Muse: Live at Rome Olympic Stadium или John Mayer: Where the Light Is.

Я как-то однажды поделился со своим приятелем-сослуживцем, прожившим всю жизнь в благополучной Канаде, о том, как мы во времена нашего детства и юношества черпали сведения о рок музыке. Каким-образом мы доставали и обменивались пластинками и записями. А он человек

Мой друг и коллега Майкл Гаррони (бас-гитара, внизу справа).

не посторонний в «нашем движении». Сам музыкант. Настоящий рокер. Игравший на басу в нескольких коллективах и имеющий за плечами не один выпущенный альбом. В своё время он выступал со своей группой «на разогреве» Nazareth, когда те гастролировали по Канаде. Так вот, знаете, что он мне сказал? «Ты несомненно очень счастливый человек... Ты ведь каждый раз получал огромное удовольствие не только от того, что прослушивал новый альбом. Но и от осознания того, что каждый раз ты одерживал ещё и маленькую победу, заполучив его таким трудным путём. В этом наверняка есть много смысла и уж точно очень много романтики».

Думал ли я в то далёкое детско-юношеское время, когда кричал «Запад давай!» в конце концерта какого-нибудь советского ВИА в зале «Октомврие», что когда-нибудь я посету концерты практически всех тех исполнителей, которых мы с Гурамом нацарапали на моей школьной линейке? Наверяд ли. Слишком уж это казалось тогда чем-то запредельно нереальным. Интересно, как-бы на меня тогда смотрели мои приятели, если бы я им сказал, что лет через тридцать буду практически за грудки трясти Дэна Маккаферти в «Hard Rock Cafe», требуя, чтобы он спел нам «Expect No Mercy» из любимейшего нами альбома Nazareth? А он всячески будет извиняться, объясняя свой отказ тем, что у него уже нет того голоса, чтобы исполнять эту песню. Наверное, сказали бы, что по мне «дурка плачет». Но, как сказал классик: «Ничего нет невозможного, и всё когда-нибудь может случиться. Никогда не говори никогда».

6. А чем мы хуже?

Было без сомнений ясно, что наше увлечение рок музыкой однажды всё-таки сподвигнет нас на создание собственной рок-банды. При этом надо сказать, что кроме неуёмного желания для воплощения этой идеи у нас больше ничего не было: ни полноценного музыкального образования, ни музыкальных инструментов, ни даже места, где мы могли бы репетировать.

В своё время, учась ещё в первом классе общеобразовательной школы, мои родители отдали меня и в музыкальную школу. Не знаю почему, но я её люто невзлюбил. Может быть, это было как-то связано с примером страданий моей сестры, которая целыми Божьими днями пилила на скрипке монотонные гаммы. А может и по какой-то другой, уже забытой причине. Но во второй класс музыкальной школы я уже не пошёл. Как оказалось позже - очень зря. Потому что элементарное музыкальное образование могло бы наверняка существенно сэкономить силы и время. Причём не только мои, но и моей сестры. Будучи уже в возрасте школьника старших классов, я целыми днями просил и умолял сестру написать мне ноты различных полюбившихся мне композиций.

- Ира, ну напиши мне ноты «Yesterday» пожалуйста.

- Мне сейчас некогда. Будет время, напишу.

- Ну, напиши пожалуйста, что тебе стоит, - нудно кланчил я.

- Сядь за фоно и сам подбери, - отвечала жестокосердная сестричка.

Но потом её сердце оттаивало, сестринская совесть пробуждалась, и она, быстро подобрав мелодию, записывала мне её простыми нотами и аккордами. Наверное, я бы и сам когда-нибудь, умаявшись вусмерть, смог бы это сделать (ну не могли же меня с полной музыкальной глухотой принять в далёком детстве в музшколу). Но с помощью сестры это было намного быстрее и, самое

главное, надёжней. Мне почему-то всегда было сложно подобрать мелодию, хотя определить, правильно она звучит или с халтурой, не составляло никакого труда. Иными словами, у меня был более развит так называемый «внутренний слух», который выражается в том, что человек способен мысленно представить правильное звучание и интонации, но без воспроизведения голосом или на музыкальном инструменте.

В отличие от меня, у моего друга Алика был прекрасно развит «относительный слух», т.е. способность подбирать аккомпанемент и воспроизводить мелодию на инструменте. Алик приходил ко мне со своей гитарой, и мы вдвоём пытались слабаять какие-то известные композиции типа Хиповскую «July morning», Дип Пёрполовскую «Child in Time», «Soldier of fortune», «Stairway to Heaven» Цепелинов, что-то из Битлов, что-то из Смоков и т.д. Но сами понимаете, что на фортепиано и простой акустической гитаре это всё звучало бедненько и скучно. Нужны были электроинструменты, которых не было. Тогда мы выбрали для себя другую стратегию - стали писать свою музыку. А так как поэтическим даром никто из нас не был наделён, мы стали выискивать себе в жертвы произведения разных поэтов. Большим подспорьем для нас стали толстые журналы типа «Юность», «Новый мир», «Современник». Мы выискивали подходящие стихи и пытались положить на них свою музыку. Так, например, ещё задолго до того, как песню «Каскадёры» исполнили Земляне, мы уже пытались использовать это стихотворение Дементьева для создания своей песни. А на основе другого его произведения - «Нет ничего прекрасней», мы сделали довольно интересную хард-роковую композицию. Песня «Босоногий монах» на стихи Вальтера Скотта, которую написала и исполнила некая Потаня, звучит просто полной ерундой по сравнению с той, которую мы написали в стиле кантри-рок более сорока лет назад.

Вообще, практика выискивания подходящих стихов для своих песен оказалась для меня безумно полезна, совершенно с неожиданной стороны. Всё дело в том, что у меня был довольно застарелый конфликт с нашей учительницей русского языка и литературы. Ещё будучи в классе восьмом или девятом, я совершенно спонтанно восстал против системы. Мне с какого-то перепуга или же в знак протеста вдруг вздумалось высказать своё мнение о многих положительных (с точки зрения догм советской идеологии) литературных героях. Мне глубоко были противны, если не отвратительны многие персонажи типа Герасима, Наташи Ростовской, Каренины, Базарова, Онегина, Катерины из «Грозы» и т. д. Почему-то не доверялось тогда (не знаю, как сейчас), школьнику просто самостоятельно читать классические произведения. Его мысль должна была быть направлена учителем. Все те сочинения, которые мы писали, на самом деле выдавали не наше внутреннее убеждение, а мнение, навязанное учителем, школой, методистами из Министерства Образования. А если будете своевольничать, в лучшем случае снизят бал. Не знаю, может быть в каких-то школах по другому было. Думаю, что нет. Такова была генеральная линия, отклонения от которой не допускались и жёстко пресекались.

Сама формулировка тем школьных сочинений вроде «Катерина - луч света в темном царстве» - это самая что ни на есть манипуляция. За вас уже решили, что Катерина - «луч». Т.е. вас не спрашивают, является ли Катерина «лучом». А что, скажите на милость, в её поступках было светлого, разумного? Ну ладно, вышла она замуж без любви. Время такое было. Хотя об этом, насколько я помню, только подразумевалось. Но с чего вдруг она так полюбила Бориса? А

ни с того ни с сего. От безделия и скуки. На месте Бориса мог быть любой другой приезжий, хоть чем-то отличающийся от опостылых знакомых рожд. Покаялась тоже ни с того ни с сего, в реку сиганула тоже ни с того, ни с сего. На лицо прелюбодеяние, гордыня и суицид. А все эти её переживания: «Ой. Стыд-то какой», «Как жить-то дальше» мне напоминают один анекдот:

Встречаются двое друзей, один другого спрашивает:

- Ну как дела? Как в командировку съездил?

- Ты знаешь, очень даже хорошо. Несмотря на то, что я ездил во Владивосток, да ещё и на поезде. Целую неделю в дороге был.

- Да ты что! А ну рассказывай.

- Ну, в общем, захожу я в купе, а там у меня соседка - ну просто прелестная девушка. Я к ней сразу потихоньку клинья стал подбивать. Она сначала отнекивалась от меня, мол, я не такая, все дела. Но потом всё-таки у нас с ней случился секс.

- Ну молодец, поздравляю!

- Ага. Только сразу после этого она разрыдалась. Говорит, мол, что ж я за шлюха такая, у меня ведь муж есть...

- Ого. А ты чего?

- Ну я подсел к ней рядышком, обнял её и тоже начал вместе с ней переживать по этому поводу.

- А дальше что?

- Ну вот так всю неделю мы с ней ехали, трахались и плакали... ехали, трахались и плакали ...

Ещё одна тема: «Татьяна Ларина - нравственный идеал русской женщины». Нас учили, что Татьяна оказалась сильнее своей любви, когда надо было подчинить любовь чувству долга, закону супружеской чести. Решение Татьяны быть верной мужу - это великая женская мудрость.

Как же так? Тут явное противоречие. Катюку из «Грозы», которая от нефигов делать изменила мужу, они называют «Лучом света», а Таньку из «Онегина», которая вопреки своей любви вышла замуж за старого пердуна - нравственным идеалом. Надо уж им было как-то определиться.

Так, идём дальше по бабам... Тема: «Мой любимый герой - Наташа Ростова». А это с чего бы? Любвеобильная пигалица-вертихвостка. А в чём «Трагедия Анны Карениной в романе «Анна Каренина»? Как говорил Жванецкий: «Женщины бывают прелесть, какая дурочка и ужас, какая дура!» Вот вам Ростова и Каренина. Я в Анне Карениной вообще больше симпатизировал её мужу. И думаю, что я не один. Смотрите сколько анекдотов по теме:

Анна Каренина не нашла ни одного настоящего мужчины, поэтому легла под поезд и он долго волочил её никчемное существование...

- Какая мода перешла от Анны Карениной?

- Туфли на платформе...

Анна Каренина до последнего была уверена, что находится на правильном пути.

Анна Каренина в юности очень боялась, что её замуж никто не возьмет.

- Не плачь, Анна, - бывало, утешает её мать, - твой поезд ещё не пришел.

Объявление на сайте знакомств:

Ищу свою вторую половину.

Анна Каренина.

С криком за “Анну Каренину” партизаны пускали поезда под откосы.

Ладно, пройдемся по мужикам. Сочинение «Что я ценю в Базарове?» Ничего. Самоуверенный, наглый, молодой и глупый, а делал вид, что взрослый и бесчувственный. Мне его было просто жаль. Повзрослел бы, может, эта дурь из головы и вышла. Но увы, было не суждено. Евгений Онегин ассоциировался у меня с холодным самовлюбленным снобом, кто из-за выпендрёжа уколошил своего друга. Но его я хотя бы в некоторых ситуациях понять могу. А как понять Герасима? Не было ничего такого, что объективно могло толкнуть это грубое животное на убийство беспомощного животного. Может, он собачонку учил плавать? Это у него получилось ещё хуже, чем он мог говорить.

Но всё! Стоп! Остапа понесло...

Возвращаемся к музыке. Так вот, чтение на уроке тех стихов, на которые мы хотели положить музыку, помогло мне получить «хорошо» по литературе. Что в свою очередь было крайне важно для аттестата. В то древнее время при поступлении в ВУЗ балл аттестата имел такой вес. Поэтому у меня с учительницей был договор - я не лезу со своим мнением по поводу литературных героев, когда в классе с понта идёт обсуждение, а она мне ставит «хорошо» и «отлично» за прочитанные стихи.

Со временем мы стали ощущать, что наше домашнее музицирование исчерпало себя. Мы нуждались в аппаратуре: в мощных усилителях, ревербераторах, в стене из динамиков «Marshall», в синтезаторах «Yamaha», в гитарах «Gibson» с педалями для множества всяких эффектов, в басу «Fender», и, как минимум, в ударной установке «Ludwig» со сдвоенной бочкой. Нам нужна была площадка для выступления. Мы рвались на сцену школьного актового зала, дворца «Октомврие», стадиона «Динамо», «Лужники», «Wembley», в «Carnegie Hall», наконец. Нам нужны были фан-клубы, сотни тысяч поклонников и поклонниц. А была простая акустическая гитара за 20 рублей и пианино «Смоленск» со сломанным демпфером для «ля» контроктавы. Решено было пойти на поклон к школьной администрации, чтобы выцыганить у неё аппаратуру и предать нашей деятельности легальную огласку.

Но прежде мы с Альбертом приняли в нашу джаз-банду недостающих музыкантов ритм-секции. Не мудрствуя лукаво, на вакантные места мы решили взять двух наших соседей по школьным партам - Шнацеля и Фукина. Их двоих объединяли три вещи: любовь к рок-музыке, абсолютное незнание музыкальной грамоты, даже на школьном уровне и полное отсутствие какого-либо опыта в соприкосновении с каким-либо музыкальным инструментом. Не помню уже, по какому принципу они разыграли, кому на чём играть (может жребием), но Вовочке-Шнацелю выпала бас-гитара, а Серёге-Фукину барабаны. Ну а что вы хотите? Выбор-то у нас был небольшой. Не писать же было, в самом деле, объявление в школьную стен-газету, что типа требуется «зи-зи-топщики» 4-го разряда. Придёт ещё чёрт-те что по объявлению. А тут свои, проверенные ребята.

Поначалу администрация школы косилась на нас с подозрением, долго не въезжая - чего это нам не живётся спокойно. Сразу нам «Нет!» не сказали. А типа, надо сначала провести мозговой штурм, посоветоваться с ГорОНО, Министерством Образования, с Секретариатом Безопасности ООН. Дело это, мол, рисковое, сверхответственное, и с бухты барахты подходить к нему не надо. Мы же вцепились в них, как весенние голодные клещи в случайно проходившую мимо собаку. В конце концов, коварная директриса сказала, что она всей душой «За», но с аппаратурой в «Горпромторге» полный швах. Как поступит что-то, так сразу и получим. Наша передовая школа, мол, всего на 134 месте в очереди там, а выдают по одному комплекту в десятилетие.

- Подождите ребяташки немного, и будет вам счастье, - с подлой ухмылкой произнесла голова с четырёхэтажным шиньоном.

Внемля известному лозунгу «Спасение утопающих - дело рук самих утопающих», мы взяли предприятие в свои руки. Перво-наперво мы составили список музыкальных предметов для нужд группы, который директриса утвердила своей подписью и печатью. Мы требовали от неё ещё, чтобы она расписалась кровью. Но хитрая бестия заверила, что её «честное благородное» выше всяких кровавых формальностей.

Вооружившись списком необходимых товаров, мы широким бреднем прошлись по всем двум точкам продажи музидструментов в городе. В итоге по внешнему виду была выбрана советская гитара «Форманта» с педалью «квакер» и бас-гитара «Урал». Оставался суший пустяк: усилитель с колонками, орган-ионика, ударная установка и микрофоны. На наши вопросы у продавцов, когда можно ожидать поступления их в продажу, ответ был примерно такой: «Когда придёт коммунизм». А так как время его прихода постоянно переносилось, конкурируя в этом только со временем Второго Пришествия и концом Света, то мы пришли к выводу, что через магазин в лоб дело не проканает. Тогда мы подключили к поиску заветных музыкальных прибабасов все известные нам знакомства и связи. И вот буквально через несколько дней пришла удача в виде подруги моей дорогой мамы. Среди маминых обширных связей оказалась врачиха, обслуживающая работников ЦУМа. Вы представляете, какая это в совке была должность?! Это практически приравнивалось к заместителю председателя по сбыту золота самого крупного картеля на Клондайке.

- Аллочка, это плёвое дело. Пусть твой сынок подойдёт ко мне в кабинет в ЦУМе. - Всё будет чики-пики, - завершила маму её боевая подруга.

В условленный день и час мы, помыв голову и почистив до блеска ботинки, пришли со своим списком в ЦУМ. Королева медпункта провела нас через несколько потайных ходов к главному распределителю сокровищницы ЦУМа. Какой-то мужик в синем халате и карандашом за ухом, взглянув на список, сказал:

- Ударная установка будет на следующей неделе. В наличие есть ионика «Квинтет». В конце месяца, возможно, «ФАЭМИ» будет. Она получше. Подождёте?

- А в чём разница между «Квинтетом» и «ФАЭМИ»?

- «Квинтет» попроще, для начинающих. «ФАЭМИ» слегка улучшенная с фильтрами затухания, частоты, резонанса, и модуляции. Кроме того там есть и генератор «глиссандо».

- Ого! - выдали мы хором, совершенно не понимая о чём речь. – Берём «ФАЭМИ» конечно.

- Ну а из усилителей только родная «Дойна» с двумя 50-ваттными акустическими системами. Других нет и не будет. Будете брать?

- Конечно. Нам пять штук.

У мужика от удивления так поползли брови вверх, что из-за уха выпал карандаш.

- Если не секрет, для чего вам столько?

- Ну, нас четверо, каждому по одному, и один про запас. Мало ли что.

- А, понятно. Сразу спецов видно.

Мы довольно заулыбались, а мужик пояснил, что в одном усилителе 6 каналов. Т.е. можно подключить сразу 6 инструментов.

- Ладно, дайте тогда три.

- А три, то зачем?

- Ну как зачем? Четыре микрофона, четыре инструмента это уже восемь каналов?

- Допустим, - пробубнил завскладом.

- Ну вот, выходит два усилка и один запасной.

- А запасной вам зачем? - не унималась складская скряга.

- А вдруг один сгорит. Что ж тогда нашим поклонникам без наших выступлений жить, что ли?

Кишинёвский ЦУМ, на складах которого было всё.

- Да не горят они. Ну ладно, как хотите. Три, так три.

Забегая немного вперёд, скажу вам, что горят они и ещё как.

Нам выписали какие-то счета-фактуры. Сказали, чтобы мы передали их своему директору, типа она должна знать порядок оплаты. И как деньги переведут на их счёт, можно будет всё забрать.

Мы с улыбками до ушей, счастливые, пришли в школу к директорисе. Она глянула на бумаги, недовольно фыркнув, аки кобыла, с ехидной улыбкой сказала:

- Ну вы молодцы. Постарались на славу. Сделаем так. Пока будет идти бумажная волокита вы позанимайтесь с нашим учителем музыки. Я ему уже дала распоряжение. Он вам подберёт репертуар и научит всему, чему надо. До свидания мальчики. Идите мне надо работать.

Опять забегу немного вперёд. Бумажная волокита продолжалась до нашего выпускного вечера. Да и после нас никакой аппаратуры в школе так никогда и не появилось. Нас просто элегантно кинула коварная носительница огромного шиньона-парика. Но тогда мы были полны радости и надежд, хотя присовокупление к нам учителя музыки и вызвало некоторое недоумение. Мы совершенно не нуждались в каком-либо художественном руководителе, зная наперёд, какую гадость он будет нам предлагать исполнять.

Виктор Дмитриевич, наш учитель по музыке, был мужчиной средних лет, высоким, жизнерадостного темперамента, с утончёнными манерами и представительной осанкой. Проплешина на его голове была аккуратно прикрыта несколькими прядями волос.

На первое наше свидание он опоздал на полчаса.

- Когда в Кишинёве идёт снег, это похоже на стихийное бедствие, - типа, извинился за опоздание назначенный нам худрук.

После краткого знакомства и разговора ни о чём, мы перешли к конструктивному обсуждению планов на будущее. Выяснилось, что у нас диаметрально противоположные взгляды на репертуар. Мы стали делать вид, что во всём с ним согласны, в тайне надеясь поменять худрука-импресарио сразу же после прибытия аппаратуры в школу.

Он пытался навязать нам свою волю, предлагая разучить лучшие хиты крутейших советских банд типа «Пламя» с их «На дальней станции сойду», «Надеждой» или «Любовь, комсомол и весна». Предлагались также «Самоцветы» с их «Вся жизнь впереди, надейся и жди» или как мы пели: «Вся жизнь впереди, разденься и жди...». Или "Увезу тебя я в тундру", где были такие слова: «...Ты узнаешь, что напрасно называют север крайним, ты увидишь он бескрайний, я тебе его дарю». Что в нашей «интертриппации» звучало как: «...Ты узнаешь, что напрасно называют триппер страшным, ты увидишь он нестрашный, я тебе его дарю, Эй-ей...».

- Всё это уж как-то очень фи..., - скривились мы проявляя крайнюю степень недовольства.

- Да? Ну ладно. Между прочим, а кто у вас будет лидер-вокалом?

- Мы ещё не решили. Наверное, кому какая песня подойдёт. По ходу дела разберёмся.

- Ну хорошо, - согласился учитель пения. Может, тогда попробуем прекрасную песню Раймонда Паулса «Наш город». Давайте я хотя бы послушаю ваши вокальные таланты и решу, кто будет исполнителем.

Мы недоверчиво захлопали своими ресницами. «Ишь ты, решало нашёлся».

- А что это за песня такая? – захотел уточнить Серёга.

- Ну как же, как же! Это очень популярная сейчас песня. Исполняет её Ринат Ибрагимов.

Ну, вспомните:

- Мы любим наш с тобою старый город. Который вечно и красив и молод, - пропел худрук, ловко аккомпанируя себе на школьном фоне.

- Не, я это петь не буду, - ушёл в глухой отказ Серёга.

- А я слов не знаю, а если и выучу, то сразу забываю, - подхватил я его протест.

- А у меня вообще голоса нет. - Так что со мной пролёт, - выдал своё заключение Алик, и все наши взоры переместились на Вовчика.

- Ну давайте я спою, - штрейкбрехернул Шнацель, не врубившись в суть нашего протеста.

Однако, как оказалось потом, это был случайный, но, по сути, абсолютно верный ход. Дело в том, что мы совершенно не знали о Вовочкиных музыкальных талантах. А он, судя по всему, попал именно в те 2% людей, у которых напрочь отсутствуют хоть какие-то зачатки музыкального слуха. Есть выражение - «Ему медведь на ухо наступил». Так вот, по ушам Вовчика не то что медведи прошли, а целое стадо бегемотов. И не просто прошли, а несколько из них свили себе на них гнезда и остались там жить. Он всё время сильно фальшивил и буквально не мог попасть ни в одну ноту. При этом почему-то вместо внятного пения в голос он просто шептал фальцетом. Примерно после получаса занятия с Вовчиком по вокальному мастерству, наш в конце измотанный худрук бросил на нас полностью опустошённый взгляд и спросил:

- Ребята, может быть, кто-нибудь из вас попробует?

- Да нет, это бесполезно. У Вовчика петь получается намного лучше, чем у кого-либо из нас.

- В таком случае, на сегодня с меня хватит. - Следующая репетиция будет..., - он обвёл нас мстительным взглядом, - через полгода.

- Прекрасно, мы как раз к этому времени попробуем выучить слова этой замечательной песни. - У нас только к вам маленькая просьба, - заискивающе сказали мы. Скажите дирекции, чтобы нам дали ключи от актового зала для репетиций. И вот ещё что. - Нам нужен будет этот проигрыватель, - Алик ткнул пальцем в покоившуюся на стеллаже «Мелодию 103М».

- А зачем вам электрофон? – с некоторым недоумением спросил худрук.

- Я хочу купить на свою гитару звукосниматель, который подключу к электрофону. Буду его использовать в качестве усилителя. Получится что-то вроде имитации электрогитары.

- Вы не волнуйтесь, мы после репетиции будем заносить проигрыватель обратно в ваш кабинет. Оставьте нам и от него ключи, - немного усилил я натиск.

- Ну-у-у-у, я даже не знаю, - протянул в нерешительности Виктор Дмитриевич. А как часто вы собираетесь репетировать?

- Пару раз в неделю. Вы можете приходите, когда вам вздумается. Мы будем безумно рады. И вообще, мы будем считать, что вы всегда с нами тут рядом, - пошли в ход витиеватые намёки. Мы понимали, что после сегодняшней репетиции перспектива получения «Грэмми» в категории «Best Rock Performance», по мнению нашего руководителя, откладывается на неопределённый срок. А проводить с нами время «за спасибо» ему нет понта. В то время как

заниматься с нами в виде факультативных занятий или ещё чего... – имело бы смысл. Так как это дополнительный заработок.

В конце концов, мы договорились со сторожем школы, что он будет нам каждый раз открывать-закрывать актовый зал и кабинет музыки.

Наш первый усилитель «Мелодия 103М».

И вот, купив звукосниматель на гитару и одолжив в пионерской комнате пару барабанов, мы распределили громадьё нашей аппаратуры на сцене актового зала, уютно пристроив всё это вокруг школьного пианино. Серёга обтянул барабаны двумя кофтами с разной плотностью вязки. В результате такой несложной процедуры ему удалось добиться различного звучания двух одинаковых барабанов. С тарелками решили пока не заморачиваться. А вскоре и со всей ударной установкой, т.к. ничего путного не получалось. Тогда Серёга с лёгкостью перешёл осваивать ритм гитару. У Вовочки никакого инструмента под рукой не оказалось. Он поклялся быстро скопить деньги на простую гитару, на которой потом оставит только четыре струны, и присоединиться к нам играть. Пока же он взял на себя обязанности главного музыкального советника и режиссёра-постановщика. Он тщательно указывал на ошибки и промахи после каждой исполненной нами композиции. Мы беззлобно огрызались, советуя ему взять в руки швабру и представляя, что это «Фендер», пытаться беззвучно развивать своё техническое мастерство. Чтобы, как только реальный инструмент окажется у него в руках, он будет уже технически подкован. Вовчик, в свою очередь, не вёлся на наши предложения. Он уверял нас, что как только в его руки попадёт настоящая басуха, весь мир сразу об этом услышит. Как потом окажется, в чём-то он оказался прав.

После нескольких репетиций мы пришли к выводу, что нам нужен наш «узнаваемый» хит. Перебрав несколько песен кандидатов, мы остановились на одной жалостливой дворовой балладе, вызывающей море слёзосоплей. В песне говорилось о том, как корабль, перевозивший в трюме тысячу лошадей, наварлся на мину и затонул. Люди сели в лодки, а лошадам там место не хватило, поэтому они поплыли просто так. Ну и... Ну, в общем, потом они все утонули...

Чтобы всё было чин-чинарём, так сказать, по-взрослому, мы решили играть эту песню по нотам. За сим обратились с нижайшей просьбой к её величеству «маэстро», т.е. к моей сестре. Поначалу, как и положено настоящему профи, она всячески отбрыкивалась от нас. Такое её поведение диктовалось совокупностью ряда причин. Во-первых, ввиду природной лени, коей наделены все таланты. Во-вторых, из-за звездной болезни. Так как в отличие от нас, музыкальных остолопов, она, видите ли, могла перевести услышанную мелодию на нотный стан. Ну и в-третьих, в то время она действительно постоянно находилась в состоянии полного цейтнота.

И вот день благоволения настал. Мы как могли навывли ей мотив незатейливой песенки, возможного будущего шлягера всех времён и народов.

- Вы поёте эту песню по разному. Ты одно, а Алик другое. Выберите, как вы хотите, и я напишу вам ноты.

- Ну выбери сама, что ты считаешь лучше.

- Это всё плохо, это всё не профессионально, это не музыка а лажа какая-то, - начала кидать понты с заламыванием рук выпускница института искусств.

- Ира, напиши пожалуйста ноты, или мы прямо на твоих глазах лишим себя жизни, - взмолился я за двоих.

- Ладно, - сказала консерваторская принцесса и, потыкав немного пальцами по клавишам выдала нам партитуру для большого симфонического оркестра.

- А как-нибудь попроще? - я глянул на сестру взглядом умирающего от голода спаниеля.

- Ладно, пиши: Ля минор, Ля минор, Ре минор, Ми мажор, Ля минор, Ре минор, Ми мажор, До мажор, До мажор, Ре минор, Ми мажор, Ре минор, Ми мажор, Ля минор.

- Как и всё?

- А что вы хотели? Это же не оратория какая-то.

Поимев нужную нам «нотацию», мы приступили к усиленным репетициям будущего музыкального хита. Спустя какое-то время нам стало уже подташнивать от разучиваемой композиции, и тогда мы поняли, что шлягер готов к премьере.

И вот однажды, в одну из наших последних предпремьерных репетиций в актёрский зал вошло знаменитое «трио теноров» из параллельного класса: Спекулянт, Трояк и Рыба.

- Чё пацаны лабаем тут? – поинтересовались наши коллеги по школьному цеху.

- Да так, ничего особенного. Просто репетируем.

- А мы слышали, что вы про лошадей песню поёте. А дайте нам попробовать.

- Ну пробуйте, а мы послушаем, - с некой долей иронии согласились мы.

Как ни странно, конкурирующая фирма слабала не хуже нас. Потом они ещё немного повыпендривались и слабали что-то из Битлов или Иглз.

- А вам кто разрешил тут играть? Вы чё, типа теперь наш школьный ансамбль?

- Да. Нам директор разрешил. Нам ещё скоро аппаратуру привезут.

Трио замахали от удивления головами и, переглянувшись между собой, заявили:

- Тогда мы, типа тоже хотим играть и завтра поговорим об этом с директором.

Школьные рокеры.

Судя по всему, наше предприятие было на грани провала. С конкурентами мы точно не сыграем, и об объединении не могло быть и речи. Мы, значит, уговаривали дирекцию, мотались в поиске аппаратуры, шли на унижительные компромиссы с художником, а это трио «Романтики с верхней Ботаники» хотят всё сразу и на всё готовое.

- С нами учитель музыки занимается. Без его согласия у вас ничего не получится. - И у нас в группе уже полный комплект, - стали наперебой мы остужать пыл конкурентов.

- Мы тоже можем побазарить с музыкантом.

- Он вас не возьмёт.

- Почему это?

- Потому что ему хватит и одной головной боли. Он с нами даже и не занимается. Вон «Мелодию» дал и всё.

- Так этот вертак из музкабинета, что ли?

- Ну да. Дал нам попользоваться, пока усилки не привезут.

Братва многозначительно переглянулась и, видимо, телепатически приняв какое-то общее решение, развернувшись, двинула к выходу.

- Ну, тогда бывайте здоровы, дражь фракций (дорогие братья - рум.). Не будем вам мешать.

На следующий день по школе прошла команда: «Всем старшеклассникам мужского пола немедленно явиться в актовый зал». Мы долго гадали, что бы это могло значить, и даже приводили разные теории на этот счет. Но когда мы собрались и узрели на сцене Юрия Николаевича, то поняли, что речь будет идти о дисциплине. Сама личность Юрия Николаевича была хорошо известна всем хулиганам школы. А так как наша школа в подавляющем большинстве состояла из хулиганов, то значит и знали его все. Должность у него была уникальная, т.к. ни в каких других школах подобной должности нигде не было. Он трудился в

качестве замдиректора по воспитательной работе. Был этот субъект бывшим боксёром: резким, хитрым, коварным. У него была очень разветвлённая и глубоко законспирированная агентурная сеть доносчиков и соглядатаев. Он знал прозвища всех учеников и кто с кем в школе в каких отношениях находится, а также в курсе и внешкольной жизни учеников. Такой своеобразный паук, сидящий в центре раскинутой им паутины, мгновенно реагирующим на любую её вибрацию.

- В школе ЧП, - без предисловий начал он свою лаконичную речь. Из кабинета музыки украден электрофон «Мелодия». Даю вам пятнадцать минут на размышление. После чего дело будет передано в милицию. Виновные будут выявлены, прилюдно унижены, беспощадно высечены и расстреляны в подвале школы, в котором наш контуженный военрук мечтает разместить стрелковый тир.

Ровно через пятнадцать минут он опять поднялся на сцену и приказал: «Всем встать! Все свободны! А вас: Спекулянт, Трояк и Рыба, я попрошу остаться».

Стало ясно, что он получил нужную ему информацию, и у него появились подозреваемые. Так до конца мы и не поняли, справедливо ли он подозревал знаменитое трио. Информация администрацией школы была засекречена, по-видимому, в надежде не выносить сор из избы. Однако с этой кражей прикрылась и наша лавочка. Нам сказали, что до получения школой аппаратуры все репетиции отменяются. Мы попытались протестовать: «Мы то в чём виноваты?» Вразумительного ответа мы, конечно же, не получили. Что-то типа: ну вы же ж, мы же ж, что же ж, так уж и т.д. Мы совсем уже было пали духом, и наша банда, не успевши прогреметь на весь мир, оказалась на грани распада.

Спустя некоторое время неожиданно пришла замечательная новость, откуда не ждали. Шефы нашей школы, объединение «Молоко» дали согласие, чтобы мы репетировали на их базе. Таким образом, коварная директриса решила одним выстрелом убить целую ораву зайцев. Ну, во-первых, это давало ей возможность вытеснить нас за пределы школы, что существенно должно было снизить криминогенную обстановку, которая и без нашего присутствия была очень-то не простой. Во-вторых, она могла попридержать оплату за аппаратуру для школы и перенаправить эти деньги, например, на колючую проволоку для ограждения периметра, для постройки новых сторожевых вышек или на дополнительные выплаты педагогам-наставникам-надзирателям, чтобы хоть на некоторое время удержать их от массовых требований увольнения по собственному желанию. Простой пример, учителя по химии мы впервые увидели только в десятом классе. До этого были только какие-то личности, которые так быстро шмыгали перед нашими глазами, что мы даже не утруждались запоминать их имена и отчества. Ну и в-третьих, легко можно было бы поставить галочку по проведению культурно-музыкальной дополнительной работы.

В назначенный час нас встретили на проходной «Молокозавода» оперуполномоченный по шефской работе. Он провел нас строем через весь завод и завёл в административное здание с маленьким закутком для репетиций.

- Здесь будете себе играть, - обведя рукой вокруг помещения, сказал какой-то культурно-массовый работник, которому нас передали из рук в руки. С аппаратурой обращаться нежно, звук на половину мощности, не курить, не пить спиртного, не орать и не ругаться.

- А как же нам тогда репетировать, - вырвался у кого-то вопросом крик души.

- Предупреждаю, всё должно быть чинно и благородно. Помните, что этой аппаратурой пользуются наши музыканты. Они репетируют здесь же, на этих же инструментах. Так что если что-то испортится, могут накрыться медным тазом танцы, которые устраиваются для работников предприятия по субботам. Здесь работают люди, измученные простоквашей, ряженкой и кефиром, для которых суббота - это единственная отрада в их молочной жизни. Поломаете инструменты, не будут танцы. Не будут танцы - не будут трудовые подвиги. Не будут трудовые подвиги - не будут премии. Не будут премии - будут голодные дети работников. Будут голодные дети - будут забастовки, пикеты и народные протесты. А это уже революционная обстановка. Дальше - репрессии, высылка в Сибирь убирать снег и комендантский час. Вам это надо? Вы хотите, чтобы у работников были голодные дети?

- Нет, нет. Ни в коем случае, - запричитали мы в голос. Мы будем предельно осторожны и внимательны.

Репетиционный закуток.

На первой своей репетиции мы действительно производили очень мало шума. Каждый был погружён в изучение инструмента и аппаратуры. Серёга пристраивался к барабанам, прислушиваясь, какие чарующие звуки они издают. Я ловил кайф от бесконечного переключения на органе регистров тембра и эффектов. Алик пробовал разные звучания гитары, используя квакеры, бустеры и ревербераторы. Вовочка наконец-то дорвался до бас гитары, всё время пытаясь приноровиться к непривычным толстым струнам. Мы попробовали сыграть парочку лёгких незатейливых песенок, создавая вокруг себя ореол спокойного школьного ансамбля, желавшего сыграть несколько композиций из школьно-лирическо-перволюбивой тематики. Тут вдруг Вовочка сообразил, что его гитара не подключена к электричеству. Он ткнул штекер от

гитары в гнездо усилителя, покрутил ручку громкости своего канала до упора и, дёрнув за струну, застыл с блаженной улыбкой. Вырвавшийся из дойновских колонок звук больно хлопнул по нашим барабанным перепонкам. Смотрящая за нами, встрепенулась ото сна и замахав спросонья руками сказала, что на сегодня достаточно. Мы быстренько собрали свои монатки, вежливо поблагодарили за предоставленную возможность прикоснуться к прекрасному и, договорившись о дне следующей репетиции, схватив такси, рванули на тренировку.

Надо сказать, что в тот промежуток, когда мы остались без репетиций в школе, мы вновь принялись терроризировать нашу администрацию, но уже по другой причине. Мы решили открыть элитный бойцовский клуб.

Дело в том, что в СССР боевые единоборства были под полным запретом вплоть до 1978 года. После чего в отношении карате были сделаны некоторые послабления, во многом связанные с олимпийскими перспективами этого вида спорта. Открылись десятки секций, куда хлынули сотни пацанов. Но через четыре года этот вид спорта опять попал в опалу. Какие-то власть имущие дегенераты, которым попала вожжа под хвост, решили предать этот вид спорта анафеме. Всё сразу позакрывали, ввели карательные меры и даже установили уголовную ответственность за обучение карате. Естественно, что всё ушло в подполье. В один из таких подпольных клубов, по большому благу попал и я. Руководил всем этим делом какой-то каратека-сэнсэй по прозвищу «Чех», а по имени Ян Карлович. Крышевал его, судя по всему, кто-то из МВД, т.к. занятия проводились в зале за стадионом «Школы милиции» и секция называлась «Самбо». Всё было бы хорошо, но занятия у него были платные. Надо было выкладывать что-то около четвертного в месяц. Хотя для меня тогда это были не ах какие деньги, но в невыносимой борьбе со своей «жабой», я потерпел поражение. Поэтому месяца через три-четыре я бросил всякие попытки сделать из себя второго Брюса Ли.

Примерно в это же время, однажды, будучи на уроке физкультуры, наш учитель попросил нас перенести маты из большого школьного спортзала в небольшое пустое помещение. А когда мы закончили работу, мне в голову пришла идея. Почему бы нам не использовать это помещение для тренировок, где бы я смог передать пацанам свой богатейший спортивный опыт. Тогда мы в очередной раз взяли в оборот Юрия Николаевича.

- Юрий Николаевич, есть важный разговор, - начал я подкатывать к замдиректору, окружённый вокруг своими друзьями.

- Сдаётся мне Шеф, что ты опять со своими людьми что-то замутишь собираешься. Чего ж это вам не живётся-то спокойно?

- Нам надо энергию свою неумную куда-то девать. Не хотелось бы по хулиганке её расходовать, вот и решили в спорт высших достижений ломануться. Какое будет ваше положительное мнение по этому вопросу?

- Кончай воду мутить, говори за дело. Чего удумали? - прищурившись прошипел начальник оперативной части.

- Хотели бы гимнастикой на досуге заняться.

- Не художественной ли случаем? - сострил оперативник.

- Мы не той масти! - с вызовом отреагировал я на его дешёвую шутку.

- Ну ладно, ладно. Не кипишуй. От меня то, что надо? Учтите, я вас за попки придерживать не буду. Идите к учителю физкультуры, ему за это зряплату платят.

- Нам учителя, без надобности. А вот помещение пустое рядом со спортзалом, очень даже кстати будет.

Юрий Николаевич обвел нас своим пронизательным взглядом. Он знал, что пацаны мы вроде разумные. За голову недавно взяли. В институты поступать готовимся. Да и большого криминала за нами не числилось.

- Я этот вопрос самостоятельно не решаю.

- А кто решает? Кто ж вам ещё нужен в советчики?

- Тут за Филицией (директрисой) последнее слово.

- Ну похлопочите перед ней за сироток. За нами должок будет.

- Ладно. Но смотрите мне, одно замечание и всех в карцер до окончания срока.

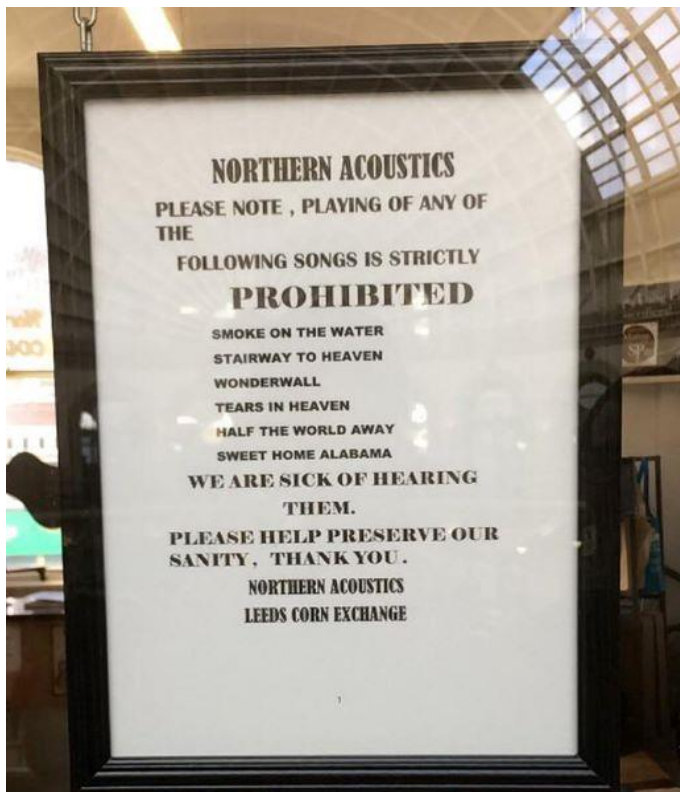
- Нема за шо базарить, начальник. Всё будет в лучшем виде. Век выпускного не видать.

В общем, вопрос был решён положительно. Филиция, по-видимому, не возражала, лишь бы мы с аппаратурой к ней не приставали. Так как заниматься мы хотели поздно вечером, то в школу нас впускать-выпускать должен был сторож. Когда мы подошли к нему и Юрий Николаевич сообщил это известие, он только вздохнул и печально произнёс: «А, это снова вы». С того дня мы приступили к тренировкам. Знал ли замдиректора, чем мы там занимаемся? Наверняка. Почему не послал нас подальше? Сейчас уже трудно судить. Тогда мы не очень задумывались об этом. И люди, наверное, все-таки немного другими были.

Интересно, что и тут наши извечные конкуренты из трио «Романтики с верхней Ботаники» предпринимали настойчивые попытки отжать наш бизнес. Дело в том, что в помещении, где мы тренировались, хранились какие-то огромные щиты из ДСП, которыми мы перед тренировкой прикрывали окна вместо штор. Вот эта троица, почему-то постоянно ошивающаяся вокруг школы, и срисовала нас однажды за эти занятия. Они гроздьями повисли на стене школы, стучали в окна, орали, чтобы мы их впустили, что они тоже хотят заниматься и т.д. Но мы были непреклонны. Ибо тогда уже знали два первых правила Бойцовского клуба: (1) не упоминать о Бойцовском клубе. И (2) не упоминать нигде о Бойцовском клубе.

Но вернёмся к музыке. Видимо, убедившись на первой репетиции, что мы воспитанные спокойные мальчики, тихо теребонькающие себе струны в три блатных аккорда и выдавливающие и себя мелодии, подобные усыпляющей песне про школьный вальс, смотрящая за нами работница решила сфилонить. Поэтому вторая репетиция состоялась без присмотра за нами. Это была роковая ошибка молокозаводских работников. Мы, умело косящие под комсомольский ВИА, наконец-то дорвались до возможности показать себя во всей своей натуральной хард-роковой красе. Немного побренчав для разогрева, мы прокрутили ручки громкости на усилителе больше чем на половину мощности и вдарили наконец от души по струнам, клавишам и барабанным мембранам. Разумеется, мы начали с легендарной «Smoke on the water». Так как у любого уважающего себя рокера проба инструментов под эту композицию Deep Purple находится уже на уровне рефлекса. Не зря в большинстве магазинах, торгующих музическими инструментами, можно увидеть табличку, где наряду с несколькими другими рок-шлягерами, играть «Smoke on the water» строго

запрещено. Так как частое её исполнение доводит работников магазина до бешенства. Потом очереди слабели всё, что только помнили. Грохот аппаратуры нас возбудил до предела. Мы отрешённо рвали струны гитар и колотили по барабанам. Мы также постоянно менялись инструментами, походя на изголодавшихся вусмерть волков, которые переходят от одной части туши к другой. Спустя некоторое время мы немного утомнились и приступили к более детальной

Объявление в магазине торгующим гитарами, запрещающее играть некоторые хиты включая Дым над водой.

поспеваем за твоей виртуозной игрой. Смотри, когда Алик меняет аккорд, ты просто один раз дрыгай одну струну. Когда он держит пальцы так, зажимай эту струну здесь и лупи по ней, а когда так, то зажимай здесь. И убавь немного звук.

- Понял, понял. Давай, давай. Лабаем дальше.

Но на долго его не хватало. Через пару тройку аккордов его игра опять входила в состояние полного хаоса. Тогда мы незаметно начали подкручивать ручку громкости канала бас гитары к минимуму. Какое-то время это работало. Но потом Шнацель просекал подлянку. Он кричал, что его ни хрена не слышно и поэтому он может сфальшивить. Он опять крутил ручку до максимума, заглушая нас стойким гулом. Мы, в свою очередь, тоже стали крутить свои каналы до предела, пытаясь преодолеть грохот взбесившейся басухи. Серёга, стараясь быть с нами на одной волне, долбил палочками по мембране, аки кузнец по наковальне. Иногда нам удавалось просто вообще вытащить из усилка штекер басухи, и тогда на короткие мгновения у нас устанавливалось некое подобие гармонии. Но Шнацель был на чеку и орал на нас, чтобы мы были поаккуратнее и

репетиции отдельных песен.

- Пацаны, что это за постоянный грохот стоит? – спросил Алик.

- Да, да, мне тоже кажется, что где-то что-то фонит, - поддержал я лидер гитариста. - Серёга посмотри.

Серёга был в нашей банде по совместительству ещё и инженером-электронщиком. Он разбирался в схемах, транзисторах, тиристорах и прочей лабудени и всегда носил с собой паяльник, канифоль и припой. Он покрутился вокруг аппаратов, попринюхивался и сообщил, что проблемы не видит. Мы продолжили грохотать аккордами и тут меня осенило. Стойкий фоновый шум исходил от бас гитары. Вовочка, подкрутив громкость до максимума, остервенело рвал струны гитары в абсолютно случайном порядке.

Заметив это, мы попытались вразумить обезумевшего бас гитариста.

- Шнацель, сбавь темп немного. Мы не

не наступали на его провод. Такая возня возле штекера утомила нас всех, и тогда мы поменяли тактику.

- Слушай, Вовик, а давай мы слабаем эту вещуху, а ты пойдёшь в соседнюю комнату и послушаешь, как она звучит. А то мы от этого грохота и не понимаем, где хорошо у нас получается, а где плохо.

Усилитель "Дойна".

Это был очень правильный и удачный ход. Вовочка мог потешить своё самолюбие, а мы получали шанс сыграть без изматывающего нервы беспорядочного грохота. Со временем я оставил орган и взял в руки его бас. Мы попробовали сыграть прекрасную Битловскую «Oh! Darling», только мне почему-то вместо «о дарлинг» слышалось «оу донни». Получалось хорошо, и мы, словив кайф, повторили её несколько раз. Я так вошёл в раж, что на указательном пальце правой руки у меня с непривычки правой руки у меня с непривычки выскочил огромный мозоль. Под конец мы уже совсем распоясались, давили на полную мощь и спалили таки усилек. Угомонившись, мы осмотрели поле боя. Зрелище было

удручающее. Мембрана малого барабана пришла в негодность. На мембранах остальных возникли вмятины и повреждения. Вокруг были разбросаны поломанные палочки. Тонкая «ми» соляры лопнула, усилитель сгорел. Мы, как могли, навели порядок и тихонько, словно нашкодившие коты, пошли домой.

Естественно, нас больше на «Молоко» не пустили. Наша группа опять оказалась на грани распада. Был, правда, у нас немного попозже в жизни ещё один шанс стать знаменитыми, но дальше села «Бубуечи» наша популярность не распространилась, а потом и там пошла понемногу на спад. В конце концов, наша группа распалась. А ведь могли бы собирать стадионы, а песня про бедных лошадок наверняка бы разорвала все хит-парады.

Декабрь, 2019 – Апрель, 2023.